

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Серия «Страны и народы»
Основана в 1977 году

О.И. Варьяш, А.П. Черных

ПОРТУГАЛИЯ: ДОРОГИ ИСТОРИИ

Ответственный редактор
Доктор исторических наук
С.П. ПОЖАРСКАЯ

МОСКВА «НАУКА»
1990

Рецензент доктор исторических наук В.И.УКОЛОВА
© Издательство «Наука», 1990

Варьяш О. И., Черных А. П.

В 18 Португалия: дороги истории.— М.: «Наука». 1990. 144 с., с ил. Серия «Страны и народы»
18ВК 5-02-009017-4

Авторы пытаются дать ответ на сложные научные проблемы и драматические загадки истории. Точные данные исторического анализа переплетаются здесь с легендами седой древности. Читателю откроются перипетии борьбы с маврами, взаимоотношения королей с городами, самоотверженная борьба Португалии за свободу в конце XIV в. Он узнает, как рождаются графства, почему папа римский стал сюзереном Португалии, о таинственном исчезновении короля Себастьяна и причинах утраты страной независимости на долгие годы.

Для широкого круга читателей.

-8-90-НП

ББК 63.3(0)4

0504000000-241 052(02)—90

Содержание

От авторов

Рождение страны

От Порту до Алгарве

Скипетр против посоха

Города и короли

«Да здравствует Португалия!»

Хронист или историк?

Португалия за кормой

Миф об исчезнувшем короле

Конец эпохи трех Филиппов

Заключение

Примечания

Приложение

Генеалогия правящих домов средневековой Португалии

Правители Португалии эпохи средневековья

Основные даты истории Португалии в средние века

Указатель имен

От авторов

Блеск португальской славы не исчез
И в памяти он сохранится вечно.

Судьба явила ныне без завес,
 Что, выполняя долг свой безупречно,
 Луз превзошел величием своим
 Ассирию, и Грецию, и Рим¹.

Немногие, прочитав эти строки, могут в полной мере осознать правоту слов величайшего поэта Португалии. Увы, дороги португальской истории столь долго оставались заповедными для нашего читателя, что он едва ли представляет, какие встречи ждут его на этом пути.

Со школьных лет мы привыкли к тому, что Португалия возникла как Афродита из пены морской, лишь в эпоху Великих географических открытий, когда ее корабли бороздили океаны на любой долготе и она стала центром империи, разбросанной по всему земному шару. С этим временем и с этими деяниями мы привыкли связывать ее величие. Но что происходило на берегах Тежу в предшествующие столетия, что создало основу небывалому взрыву человеческой активности? Многие ли из нас знают имя, дела и поэзию великого португальского короля Диниша? Многие ли представляют себе, что португальские корабли в средние века считались лучшими в Западной Европе и были образцом для корабельщиков других стран? Кто из вас, дорогой читатель, вспомнит, что Португалия одной из первых европейских стран сложилась как единое государство? И национальное и государственное единство не случайно пронесено этим пародом через века, являя собой удивительный пример жизни этноса.

Португалия протянулась вдоль западного Атлантического побережья Пиренейского полуострова «узкой полосой земли», как говорят сами португальцы о своей стране. Скалистые обрывы сменяются бесконечными песчаными пляжами, океан то с ревом бьется в водоворотах Бока-де-Ипферну — Пасти Ада, то мягко катит свои волны у мыса Кабу-да-Рока — самой западной точки Португалии и Европейского континента. Дальше на запад — только бескрайний океан. На восток — сухая красная земля равнин, зеленые горы и причудливые рощи пробковых дубов, шумные горные речки и плавное течение полноводного Тежу.

Португалия невелика размерами и числом жителей. Расположение ее таково, что дорога от Вьяна-ду-Каштелу на самом ее севере до южного мыса Фару займет втрое больше времени, чем путь от испанской границы до Лиссабона. Взглянем на карту: в португальской земле завершают свой бег многие реки Пиренейского полуострова, что было чревато для Португалии большими доходами и немалым беспокойством; удобная для развития мореплавания береговая линия равным образом благоприятствовала морскому промыслу и набегам морских разбойников. Португалия лежала на скрещении путей из Северной Европы в Средиземное море, и ни один корабль, будь то купец или воин, не миновал ее берегов. Так было в древности, так было во времена крестовых походов, так было в эпоху Великих географических открытий.

По Иберийским землям история шла тяжелой поступью. Древняя земля вобрала в себя прах сыновей многих рас и пародов. Археологические раскопки подтверждают, что человек поселился на полуострове и, в частности, в Португалии много тысячелетий назад. Считается, что в древнейший период человеческой истории основными жителями здесь были иберийские племена. В I тысячелетии до н. э. сюда пришли новые поселенцы — кельты, смешавшиеся с автохтонным населением. В конце II—I тысячелетия до н. э. на полуострове возникли финикийские, а затем и греческие колонии, но значительного влияния на жизнь полуострова они не оказали, а в III в. до н. э. на Пиренейском полуострове появились карфагенские отряды.

В конце III в. до н. э. на полуостров высадились римские легионеры. Победы знаменитых римских полководцев Сципионов подчинили Риму бывшие владения карфагенян. С этого времени началось покорение полуострова римлянами, длившееся не одно столетие, но так фактически и незавершенное. Во многих областях римляне встретили ожесточенное сопротивление. Особенно упорно защищались кельтиберы в долине Дуэро (здесь была расположена знаменитая Нумансия) и лузитаны — племена, населявшие территорию нынешней Португалии. В 151 г. до н. э. римляне потерпели поражение в битве с лузитапами и вступили с ними в мирные переговоры, во время которых вероломно погубили огромное число своих противников — по неко-торым данным, до 7 тыс. человек. Возмущенные лузитаны, во главе которых встал Вириат, собрав в горах отряды, начали военные действия против римлян. Не единожды разгромив могучие римские легионы, в 141 г. до н. э. они добились признания Римом независимости Лузитании под властью Вириата. Однако через два года римляне нарушили договор, а вскоре Вириат был убит подкупленными Римом людьми. После этого Лузитания перешла постепенно под власть Рима.

Римлянам удалось подчинить себе почти весь полуостров. Лишь горные его области на Спере, заселенные кан-габрами, басками и астурийцами, остались вне римского влияния. На остальной же территории Иберии, в том числе и в Лузитании, римские порядки утвердились достаточно прочно.

До наших дней дошли проложенные римлянами дороги; величественные акведуки, столетиями снабжавшие водой города; скульптурные портреты иберийских матрон с загадочной полуулыбкой — творчество местных мастеров; великолепные мозаики Коимбриги — большого по тем временам города в

¹ Камозэнс Л. Лузиады. I, 24 (Пер. М. И. Травчетова).

нескольких километрах от современной Коимбры; стройные колонны античного храма в Эворе, на площади рядом с домом, где жил Вашку да Гама.

В 38 г. до н. э. римская Испания была разделена на три провинции: Таррагону, Бэтику и Лузитанию. Кстати, именно от этого события отсчитывались годы так называемой испанской, или цезарианской, эры, которая оставалась в ходу на полуострове в течение почти всего средне-вековья — в Арагоне и Кастилии она была отменена только в XIV в., а в Португалии — в начале XV в. (Таким образом, по пиренейскому календарю, Христос родился в 38 г. Первый крестовый поход произошел не в 1096, а в 1134 г., а «битва шпор» — не в 1302, а в 1340 г.) Отсюда, из испанских провинций Рима, вышли в мир известные всему человечеству Марциал и Сенека, Колумелла и Лукан. Уроженцами Испании были императоры Адриан, Траян, Феодосии. Но став частью Римской империи, Испания вместе с нею пережила и ее падение.

Мощный вал германского переселения, прокатившийся по Западной Европе в IV—V вв., не миновал и ее западной окраины. Первыми в 409 г. ступили на Пиренейский полуостров племена аланов, вандалов и свевов. Однако пребывание аланов и вандалов оказалось недолгим — всего около 20 лет. Теснимые новыми волнами мигрантов, они переправились через Гибралтарский пролив (Геркулесовы столбы) и обосновались в Африке, где еще некоторое время существовало Вандальское королевство. Полуостров же стал добычей иных ветвей семьи германских племен — вестготов. Свевы сохранили за собой западные земли и образовали здесь свое государство в основном на землях нынешней Галисии и Северной Португалии. Свевское королевство просуществовало до 585 г., когда после ряда поражений, присоединений и вновь обретенной самостоятельности оно было окончательно включено в Вестготское королевство.

В вестготский период город Брага, на севере Лузитании, стал одним из пяти главных религиозных центров полуострова — одной из пяти митрополий. Лиссабон, древний, основанный еще греками Олизиппо — продолжал свою торговую и ремесленную деятельность. Возможно, именно в эти годы во многих городах были возведены первые городские стены. Археологические раскопки свидетельствуют о никогда не замиравшей активности на территории будущей Португалии.

История народа всегда древнее истории государства. И хотя в этой книге рассказ начинается с событий VIII века, необходимо помнить, что истоки этой истории — в глубокой древности.

* * *

Лежащая перед вами книга задумывалась не как исследование и не как подробный пересказ всех исторических фактов, отнюдь. Нам хотелось в немногих очерках создать образы истории, в которых запечатлен неповторимый облик одного из замечательнейших государств средневековья. В этом авторы видят свой долг перед отечественным читателем.

Рождение страны

Вестготский король Родерик, Родриго испанских романсеро, стяжал в истории печальную славу: он был последним правителем Толедской монархии, при котором она не только утратила былое могущество, но и совсем перестала существовать. В 711 г. от Рождества Христова, или, по испанской эре, в 749 г., переправившись через Гибралтар, на Европейский континент ступили войска арабов, распространивших к тому времени свою власть от Багдада до крайнего запада Африки. Легенда возлагает вину за это и на Родерика. Рассказывают, будто он надругался над дочерью правителя Сеуты графа Юлиана, и тот, дождавшись, когда король двинулся с войском на север против непокорных басков, предложил арабским отрядам под предводительством Тарика захватить земли и богатства своего врага. Следом за воинами Тарика хлынули и другие. Судьба самого Юлиана не известна: может быть, он занял высокое положение при халифе, а может быть, и бесславно исчез. Как бы то ни было, а к 713 г. большая часть полуострова оказалась в руках арабов и халиф был объявлен правителем испанских земель, в том числе и Лузитании.

Как ни оскорбителен поступок Родерика, вряд ли вина его перед монархией была столь велика.

Силы арабов, и главное, жажда завоеваний далеко не были исчерпаны африканскими походами. С ними еще предстояло биться не только вестготским, но и франкским рыцарям. Молодое, бурно растущее исламское общество выплеснулось бы на Пиренейский полуостров и без мести Юлиана.

Непокоренными остались лишь северные области. Сюда и устремились те, кто смог уцелеть и уйти из южных районов полуострова. Отсюда через некоторое время началось медленное, но упорное, с победами и отступлениями, продвижение на юг возникших здесь христианских государств, называемое Реконкистой. Подробнее мы еще о ней расскажем, а пока заметим, что в ее ходе возникли королевство Овьедское, затем Астуро-Леонская монархия с центром в Леоне. Монархия дробилась, от нее отпадали то королевство Наварра, то королевство Галисия, то графство Кастильское, а через некоторое время их объединяла опять рука сильного правителя. Именно в этом непостоянном мире возникающих и исчезающих королевств на землях к югу от реки Лима появилось графство Португальское.

Территория Португалии в более или менее окончательном виде сложилась к середине XIII в. Начало же отвоевания португальских земель относится еще к VIII в. Уже Альфонсо I, король Астурии и Леона

совершал туда походы и, по свидетельству хроник, овладел древними городами Брагой, Порту, Визеу, Шавишем¹. Однако столетие спустя при Ординьо I пришлось вновь осваивать эти земли. Трудно говорить о действительном контроле христианских королей в то время над землями между реками Мииью и Мондегу, так как они не имели сил закрепиться на этих территориях. Населенные пункты переходили из рук в руки, арабы совершали глубокие рейды на север, гибли люди, опустошались земли.

Продвижение Реконкисты на юг, за Дору, захват Альфонсо III в 878 г. Коимбры принесли относительно спокойствие северным районам. По Дору прошла более или менее стабильная граница сфер влияния христиан и мусульман. Еще в 868 г. граф Вимарано Перес по повелению Альфонсо III начал заселение местечка Портукале (будущий Порту). Отсюда и пошло название земли и будущего графства Португальского. По указу того же короля были определены границы округа Браги, заселялись Визеу, Ламегу.

Альфонсо III (866—910) разделил свое королевство между сыновьями, и после этого стоило правителю одной из областей подчинить себе другие, как он тут же по завещанию делил их между тремя-четырьмя наследниками, что вызывало бесконечные войны, в которых активно участвовала сепаратистски настроенная местная знать. В X— начале XI в. христианские королевства захлестнула волна междоусобных войн и битв за престол. Поэтому, а также с усилением Кордовского халифата Реконкиста приостановилась. Лишь с середины XI в., после распада халифата в 1031 г. и объединения Леона и Кастилии в 1037 г., Фернандо I снова начал продвигаться на юг и в португальских землях вновь обрел захваченные арабами Коимбру, Визеу, Ламегу. В этих действиях принимал участие легендарный Сид Кампеадор. Однако и Фернандо I разделил королевство между детьми, один из которых, Альфонсо VI, только через семь лет смог объединить его.

При Фернандо I Португалия упоминается в документах наряду с территориями, временно получившими статус отдельных королевств,— Леон, Галисия, Астурия². К 1071 г. относится событие, известное в португальской истории как битва при Педрозу (неподалеку от Браги),— сражение между братом Альфонсо VI, Гарсией, правившим тогда в Галисии, и португальской знатью во главе с графом Нуно Мендесом. Эту битву многие португальские историки расценивали как проявление тенденции к автономии, но она, надо полагать, была не более чем феодальной распрей³.

На небольшой территории Португалии уже в XI в. существовали города «всепиренейского» значения: Брага, Порту, Коимбра. Брага еще при вестготах была крупным религиозным и ремесленным центром. При Альфонсо III в ней и в других городах были восстановлены епископские кафедры, что дало Португалии самостоятельную церковную организацию. В конце XI в. наряду со старыми возникали и новые города — Вила-нова-де-Гайа, Гимарайнш и др.

Португальская земля управлялась графами, которых назначали леонские короли. Позже их власть все чаще стала передаваться по наследству. Эти земли не считались самостоятельной административной единицей, но правители их, находясь достаточно далеко от Леона, чувствовали себя относительно независимыми. В португальских землях в это время графами были представители пяти семейств — потомков Вимарано Переса; иногда они носили даже титул герцога. К концу XI в. гибель в сражениях и физическая деградация привели к тому, что семьи эти захирели и выродились. После битвы при Педрозу Португальское графство потеряло на время былую вольность. Однако уже приближались новые времена — времена Энрике и Афонсу Энрикеша.

Конец XI в. опять угрожал христианским королевствам мусульманским натиском. На помощь бывшему халифату, распавшемуся на отдельные тайфы, пришли из Африки берберские племена альморавидов. Вновь земля Португалии и Галисии, Леона и Кастилии закружилась пылью под копытами арабских скакунов. Альфонсо VI бросил клич всем христианским воинам. В ответ к Леонскому двору прибыли франкские рыцари, среди них и Раймунд Бургундский с племянником Анри. Раймунд за храбрости верную службу получил в жены дочь Альфонсо — Урраку, а в ленное владение — Галисию. Племянник же около 1096 г. заслужил руку внебрачной дочери Альфонсо — Терезы, которой было в то время всего пять лет, и графство Португальское. Так он стал графом Энрике и родоначальником Бургундской династии правителей Португалии. На протяжении столетий ученые — историки и юристы — спорили о том, на каких условиях Энрике получил Португалию — в приданое, в дар или в лен⁴, и порой эти споры были очень ожесточенными, ибо касались самых острых и болезненных политических проблем. Что же до научной стороны вопроса, то трудно судить о возможности его разрешения, ибо текст жалованной грамоты не сохранился и имеются лишь позднейшие ссылки на него Терезы и ее сына Афонсу Энрикеша. Нам представляется, что юридическая сторона дела не столь уж важна для оценки факта отделения Португалии. Каковы бы ни были эти условия, они не помешали наследникам Энрике достичь автономии, тем более что настоящей самостоятельности Португалия добилась не на юридической основе.

Энрике правил графством в течение 16 лет в трудное для христианских государств полуострова время. Альморавиды теснили христиан. В этих условиях Энрике сумел защитить свое графство и отвоевать обратно ряд городов и территорий.

Граф Энрике выполнял по отношению к Альфонсо VI положенные феодальные обязанности вплоть до смерти своего сюзерена в 1109 г. Однако он не признал себя вассалом наследницы Альфонсо — Урраки. Более открытое неповиновение позволила себе Тереза, после смерти мужа став на путь усобиц и военных

конфликтов со своей сестрой Урракой.

Давало ли внутреннее развитие Португальского графства основания для попыток обособления? Правление Энрико ознаменовалось пожалованием городам и деревням форалов². Так, в 1095—1096 гг. были дарованы форалы Гимарайншу, селению Константин де Паноайш, в 1108 г. — Тентугалу и т. д.⁵ Они написаны для людей, пришедших жить в эти места, и тех кто еще придет в будущем. В форалах зафиксированы, как обычно в таких документах, определенные права и привилегии жителей поселения. Содержание документов свидетельствует как о стремлении графа привлечь на свои земли поселенцев, так и о том, что заселение уже началось. Рост населения, освоение и закрепление земель за графством дали возможность Энрике вести себя более независимо по отношению к сюзерену. Но тем важнее для него был мир в графстве.

Именно этим, вероятно, объясняется возникновение форалов Коимбры и Соуре. Они пожалованы Энрике и Терезой в 1111 г. после восстания в Коимбре, когда жители этого города вынудили Энрике пойти на значительные уступки. Заселение новых земель, дарование привилегий и форалов городам и местечкам продолжалось и после смерти Энрике в 1112 г., в правление Терезы⁶.

Политика укрепления португальскими правителями своей власти находила выражение в раздаче земельных пожалований, в основании новых и восстановлении старых монастырей, что было типично и для Энрике и для Терезы.

Смерть Альфонсо VI вызвала новые междоусобицы в Кастилии. Уррака, сочетавшаяся вторым браком с Альфонсо I Арагонским, выделила своему сыну, будущему Альфонсо VII, в качестве королевства Галисию. Столкновение леоно-кастильской и арагонской знати, мятежи галисийских магнатов, восстания в городах севера полуострова осложнили ситуацию в Кастилии. Не осталась в стороне от тенденций феодального сепаратизма и Португалия: после раздела страны между Урракой и Альфонсо VII Тереза приняла титул королевы.

В португальской историографии долго придавалось большое значение ранней титулатуре правителей Португалии. На основании появления в документах титулов «королева», «король», историки говорили о попытках создания самой Терезой, а потом и ее сыном Афонсу самостоятельного государства. Однако исследователи в последнее время, сопоставив данные леоно-кастильских и португальских грамот, выяснили, что этот титул прилагался просто к королевским детям, и принятие его одной стороной и признание другой еще не свидетельствовали о достижении политической самостоятельности⁷. Не случайно, однако, Тереза не чувствовала себя королевой до раздела Леоно-Кастильской монархии: выделение Галисии как самостоятельного королевства, очевидно, укрепило в португальской знати сепаратистские настроения.

Этим же во многом объясняются дальнейшие события внутри самой Португалии. Тереза, попытавшаяся отказаться от выполнения феодальных обязательств после смерти Урраки в 1126 г. и потерпевшая поражение в борьбе с Альфонсо VII, была вынуждена в 1127 г. заключить с ним мир и союз против Арагона. Однако часть португальской знати по главе с 18-летним сыном Терезы Афонсу Энрикошом не сложила оружие и укрылась в замке Гима-райиша. Это были представители самых старинных «семей, в том числе рода Мендеш да Майа, откуда происходил воспитатель Афонсу, архиепископ Браги Пайу Мендеш. Их не устраивало и сближение Терезы с галисийской знатью, особенно усиление фаворита Терезы, графа Фернандо Переса.

Сразу после заключения Терезой мира с Альфонсо VII ее сын попытался взять власть в свои руки. Первым его самостоятельным шагом явилось пожалование земель Сан-Висенте де Фрагозу, подписанное только им, без Терезы. Затем он самолично подтвердил форал Гимарайнша⁸. Дело дошло до вооруженного столкновения между сторонниками Терезы и Афонсу — так называемой битвы при Сан-Мамеде 24 июля 1128 г. Победа оказалась на стороне Афонсу, и отныне он считался главой Португальского графства. Терезе был выделен замок на севере страны, где она провела оставшиеся два года своей жизни с графом Фернандо.

В этой борьбе феодальных группировок большое значение имела позиция других слоев населения. За инфанта Афонсу выступили Гимарайнш, Брага и другие городские центры — от Дору до Мииью. По сообщению хроники, Афонсу призвал «своих друзей и бедняков Португалии, которые предпочитали его правление правлению его матери и недостойных чужаков»⁹ выступить под его знаменами. Можно сомневаться в мотивировке и оценках хрониста, но сам факт попытки включения в борьбу более широких, чем дворянство, слоев населения необыкновенно интересен. Эта черта политической жизни Португалии станет характерной и для более поздних эпох, красной нитью пройдет через всю ее средневековую историю, подчас определяя своеобразие социальных движений в Португалии.

Объяснение этому, казалось бы, не свойственному феодальному миру призыву и оказанной Афонсу поддержке, видимо, надо искать в том, что попытки вернуть Португалию в состав Леоно-Кастильской монархии вели к войне и грабежам на территории Португалии, и Афонсу представал, следовательно, защитником своих подданных.

² Форал — памятник обычного права, аналогичный испанским фуэро, французским кутмомам и т. п., отражающий правовые отношения населения с центральной властью.

Правление Афонсу Энрикеша продолжалось до 1185 г., т. е. без малого 60 лет. Маленькое графство Португальское за это время продвинуло свои границы на юге до реки Тежу, городов Эворы и Бежи. Однако первые годы правления взоры Афонсу были обращены на северную границу, на взаимоотношения с Леоно-Кастильской монархией. С 1132 г. на границе с Галисией не прекращались стычки из-за спорных земель и замков. В 1135 г. король Леона и Кастилии Альфонсо VII был провозглашен императором Испании. Через два года он заключил с Афонсу мирный договор в Туе. В этом договоре в обмен на неприкосновенность северных границ Афонсу признавал вассальное подчинение императору. Так был найден компромисс.

В 1139 г. Афонсу одержал решительную победу над соединенными силами арабов при Орике. С этого момента он начал именовать себя королем. С этой же победой легенда связала возникновение герба Португалии. Пять синих щитов в серебряном поле символизируют пять поверженных при Орике исламских «королей» (видимо, речь шла о военачальниках). Пять серебряных гвоздей на каждом из синих щитов напоминали о распятии Христа. Такой герб впервые встречается у Афонсу Энрикеша, но трактовка его родилась скорее всего позже, когда геральдические формы пытались осмыслить и найти в них тайное значение. Первоначально герб не имел каймы. Позднее вокруг серебряного поля возник алый бордюр с кастильскими башнями. Таким герб дошел до наших дней.

Корифей португальской истории А. Эркулупу оценивал битву при Орике как обычный незначительный «весенний» набег арабов, а победа, по его мнению, имела скорее моральное значение, подняв престиж Афонсу¹⁰. В то же время она дала ему возможность собрать силы для похода в Галисию, нарушив договор в Туе. Разбив войска Альфонсо VII, Афонсу захватил Туй и земли в Галисии. Только в 1143 г. в Саморе было заключено новое соглашение между соседями и родственниками. К сожалению, его текст до нас не дошел, а содержание известно лишь по ссылкам в других документах. Вероятно, по этому соглашению Альфонсо VII признавал существование самостоятельной Португалии, не входившей в состав Леона, хотя Афонсу владел городом Асторгой на правах вассальной зависимости от Альфонсо, VII. Фактически был признан и королевский титул Афонсу. Но, с юридической точки зрения, коль скоро Альфонсо VII стал императором, он не должен был иметь особых возражений про- тив вассала-короля до тех пор, пока не подвергалась сомнению сама вассальная зависимость.

Этот договор на долгие годы урегулировал отношения Португалии с соседними землями. Правда, наследники Альфонсо VII, Санчо и Фернандо, заключив договор в Саагуне о разделе королевства, среди своих земель числили и Португалию без упоминания ее самостоятельности. В 60-е годы XII в. вновь возникли споры на галисийской границе, а в 1169 г., осаждая мавританскую крепость Бадахос, Афонсу при изменившем военном счастье оказался на два месяца пленником Фернандо Леонского, пришедшего на помощь маврам. Основные же усилия Португалии с 40-х годов XII столетия были направлены на Реконксту.

И Реконкиста и защита от притязаний Кастилии требовали того, что сейчас мы бы назвали экономической самостоятельностью страны. Стремясь обеспечить процветание городов, Афонсу жалует форалы Лиссабону, Сантарену, Визеу и другим поселениям. Уже при Терезе существовал ежегодный торг в Орензе, около 1125 г. упоминается ярмарка в Понте-де-Лима. К этому же времени относится появление и других многодневных ярмарок. В Коимбре, Гимарайнше, Сантарене, Лиссабоне и других городах процветали городские рынки. С середины столетия документы говорят не только о горожанах, но и о ремесленниках¹¹.

Как ни сложно нам ныне сквозь толщу веков проникнуть в тайные замыслы властителей, несомненно одно: в своем стремлении расширить границы страны и укрепить ее португальские графы и короли хотели видеть своих подданных-горожан богатыми и деятельными и всемерно поддерживали их. Но просторы Португалии требовали и крестьянских рук — ведь продолжалось освоение старых и заселение новых земель. Нужда в рабочей силе стала причиной того, что в многочисленных королевских грамотах и форалах были записаны твердо установленные — «отныне и вовек» — повинности крестьян. Иногда король этими же грамотами уничтожал личную зависимость земледельцев, а на новых землях, где жизнь была особенно трудна и опасна, о ней и говорить не приходилось. К концу XII — началу XIII в. в Португалии исчезла личная зависимость крестьян и прикрепление их к земле — столь привычный для нас элемент средневековой истории. Возможно, действуя чаще всего бессознательно или осмысляя свои деяния в понятиях «блага подданных» и «блага государства», португальские короли таким образом ковали не только благополучие страны, но и силу своей власти.

Этому же способствовали и щедрые милости королей — жалования и дарения — церквям и монастырям, орденам рыцарям¹². Непосредственная связь с португальской короной, возможность получать от нее земли, доходы, пользоваться плодами Реконксты без вмешательства или санкции далекого императора Испании, конечно, устраивали Португальскую знать и духовенство и подталкивали их на Рто, чтобы поддерживать Афонсу в его жажде независимости.

До арабского вторжения на Пиренейском полуострове у христианской церкви существовало пять метрополий — в Браге, Мериде, Таррагоне, Толедо и Севилье. Первой из них была в 1070—1071 гг. восстановлена Брага, знаменитая мастерством литья колоколов. Через некоторое время, после отвоевания Толедо, в 1088 г. епископу толедскому была пожалована примасия над всеми церквями полуострова. Схизма католической церкви повлияла и на положение португальского клира: около 1118 г. епископ Браги

согласился стать аптиапой Григорием VIII, войдя в союз с императором «священной римской империи» Генрихом V. Прага была лишена его противником статуса митрополии, а вскоре статус епископства получил Сантьяго-де-Компостелла, расположенный на землях диоцеза³ Браги. Оба эти факта вызвали естественное недовольство и сопротивление епископа Браги и португальского клира.

В начале XII в. постоянно сталкивались интересы Сантьяго, Толедо и Браги из-за прав и привилегий, из-за подчинения тех или иных епископств, из-за главенства Толедо. Большую роль в них играло епископство Сантьяго, которое начало заметно выделяться как общехристианское место поклонения со святыней европейского масштаба. Этому соперничеству сопутствовали поездки в Рим, подкуп пап, наказание непокорных, открытое неповиновение внутри церковной иерархии. Так, епископы Браги, Коимбры, Порту отказались прибыть на Вальядолидский собор 1143 г., объясняя это тем, что они не подчиняются Толедо. Представители пиренейского духовенства, умело используя раскол в римской церкви, старались перетянуть очередного папу на свою сторону, а папы искусно вмешивались в эту борьбу для укрепления своих позиций.

Возникновение тенденции к автономии в Португальском графстве дало событиям новый поворот. Ведь именно епископ Браги был воспитателем и долгое время оставался первым советчиком Афонсу. Стремления к церковной и политической самостоятельности совпали. Видимо, отчасти этим можно объяснить то, что Афонсу, провозгласив себя королем, в поисках возможного гаранта действительной независимости Португалии обратил свой взор к римскому престолу. Афонсу просил папу Люция II (1144—1145) принять Португалию под свое покровительство как вассала с условием выплаты ежегодного взноса в размере 4 унций золота¹³. Это произошло сразу после договора с Альфонсо VII в Саморе, что выявляет непосредственную связь двух событий и стремление срочно закрепить достигнутый успех. Как писал А. Эркулану, Португалия могла избежать зависимости от Кастилии, только сменив ее трон на тень папского престола¹⁴.

Каково же было отношение папства к этому предложению и чем оно объяснялось? Чтобы ответить на этот вопрос, надо учитывать два условия: военно-политическую обстановку на полуострове и положение папского престола в то время. Под первым из них разумеется собственно Реконкиста, понимаемая как война с арабами. Папская власть была весьма заинтересована в ее успехе, как с точки зрения чисто религиозной, так и с точки зрения расширения христианского мира со всеми — идеологическими, политическими и экономическими — последствиями. Папы не раз благословляли войны с мусульманами, подчеркивая религиозное противостояние исламу, на первом этапе Реконкисты зачастую отсутствовавшее в феодальных войнах на Пиренейском полуострове.

Второе условие — возросшее влияние папского престола в жизни западноевропейских стран в конце XI в. и теократические притязания пап. Христианские пиренейские государства в целом вели самостоятельную политику. Усиление Леоно-Кастильской монархии и титул императора, принятый Альфонсо VI, а затем и Альфонсо VII, особенно на фоне борьбы Священного престола с Германской империей, вызывало беспокойство пап.

Этим объясняется постоянный контроль и вмешательство пап в пиренейские дела. Папские легаты смещают неугодных епископов, мирят королей, отлучают государей, налагают интердикт⁴. Папский легат присутствовал и на переговорах в Саморе.

Эта двойственная заинтересованность определяла и позицию папства по отношению к автономистским претензиям Португалии. С одной стороны, боязнь дробления христианских сил перед лицом мусульманского противника, а порой выступления в союзе с ним, что подтверждают исследования папских документов первых лет существования самостоятельного португальского королевства, с другой — возможность расколоть и подчинить себе пиренейские государства, тем более что Арагон и Барселонское графство уже состояли в даннических отношениях с Римом. Этому второму желанию активно противилось кастильское и леонское духовенство, не видевшее причин отказываться от своего влияния на португальскую церковь.

Поэтому, когда Афонсу, уже именуя себя королем, обратился к папе с предложением ленной присяги, тот принял ее, обещал защиту и покровительство, но не признал Португалию королевством, а Афонсу — королем.

На протяжении долгих лет папская курия продолжала титуловать португальского государя *дукс* — герцог, правитель¹⁵.

Большинство португальских историков главной причиной решения папства признать Португалию королевством считают успехи Португалии в Реконкисте. Не отрицая их важности, нельзя и переоценивать это условие, хотя бы потому, что к моменту признания Португалии королевств 1179 г. папой Александром III (1159—1181) со времени крупнейших побед Афонсу прошло уже 20—30 лет. Более того, альмоадские

³ Диоцез - епископский округ, территориальная единица церковного управления.

⁴Интердикт - церковное наказание, состоявшее в запрещении совершать богослужение и религиозные обряды.

вторжения нанесли южным владениям Португалии значительный урон. Вероятнее всего, наибольшую роль в этом событии сыграл не денежный, как полагал Эркулану, а политический интерес. Дело в том, что выборы папы Александра III завершились расколом среди кардиналов — часть из них выступила за империю. Схизма продолжалась — при Александре III существовало четыре антипапы. Желание обрести верного союзника, татке возможность помешать осуществлению имперских 'стремлений Кастилии и побудили в 1179 г. Александра III вдать буллу, вручавшую Афонсу «Португальское королевство со всей полнотой королевских почестей и достоинством, которое следует королям», и все земли, которые он завоюет в будущем. Вместе с тем ежегодный взнос повышался почти в 4 раза ¹⁶ — с 4 унций до 2 марок золота⁵. Страну же после издания буллы в Рим к папе отправились возмущенные леонские послы с протестом. Но они не преуспели — и с этого момента Португалия как самостоятельное государство фактически получила международное признание.

Условия и формы, в которых протекало отделение Португалии от Леоно-Кастильской монархии — Реконкиста, заселение новых земель, внутренняя колонизация, миграция населения, сепаратизм знати, сильные местные правители — не были чем-то исключительным ни для Западной Европы, ни тем более для Пиренейского полуострова. И если рассматривать их изолированно друг от друга, ни одно из них не в состоянии объяснить возникновение Португалии. Временное совпадение всех этих условий при сравнительной удаленности Португалии от сюзеренов и наличие у нее собственных внешних связей через морские порты, иначе говоря — «случайное совпадение закономерных явлений», составило уникальную живую ткань истории, привело к образованию Португалии.

От Порту до Алгарве

Почти восемь столетий на краю Европы сосуществовали — в войнах и мирных союзах — христианские и мусульманские государства. Ежедневно на узких улочках городов встречались христианин-башмачник и мавр-гончар. На полях сражений истекали кровью воин в чалме и рыцарь в плаще с изображением креста. На отвоеванных у арабов землях селились пришельцы-христиане, и крестьянин выходил в поле, вооруженный мечом, а священным долгом и обязанностью горожан была защита городских стен и участие в королевском походе.

Эти восемь столетий прошли под знаком Реконкисты, что буквально значит «отвоевание». Однако эти два слова отнюдь не покрывают сложного процесса взаимодействия двух миров, не только принесших друг другу меч, кровь и слезы, но и обогативших себя и соседей в этом сосуществовании.

В нашем обыденном сознании Реконкиста долго была связана лишь с кровопролитными сражениями христиан и мусульман. Реконкиста — это борьба с «неверными» в защиту христианства, возвращение под его эгиду поработанного мусульманами населения Пиренейского полуострова. Эта точка зрения берет начало в средневековых хрониках, а затем развивается в работах историков и писателей-романтиков с характерной для них идеализацией средневековья, рыцарства, утрированием отдельных сторон жизни средневекового общества и определенным упрощением его понимания в целом.

Позднее взгляды на Реконкисту значительно расширились и усложнились. В современной историографии под Реконкистой в узком смысле слова понимается отвоевание земель Пиренейского полуострова у арабов государствами Христианской религии; в широком смысле слова, чаще всего употребляемом в советской исторической литературе, реконкиста мыслится как масштабное военно-колонизационное движение, включавшее в себя не только захват, но хозяйственное освоение земель¹. Причиной же ее считается не только и не столько религиозная рознь, сколько феодальная экспансия, характерная вообще для этого общества, и в специфических условиях полуострова зфиобретавшая религиозную окраску. В этом движении в разных формах возникало взаимодействие и взаимопроникновение арабского и пиренейского миров, о чем еще не раз будет идти речь.

Конечно, в истории этого диалога немало горьких страниц. Известно, что в первые века своих завоеваний в Испании мусульмане не отличались фанатизмом. В более поздние времена, когда мощь их покачнулась, а в арабское население влились берберы — альморавиды, альмоады — нетерпимость ислама к иноверцам возросла. Печально знамениты и деяния христианских королей по отношению к сохранившемуся на их землях арабскому населению — морискам, которые не раз подвергались преследованию и в конце концов были изгнаны с полуострова. Но это — события более поздних эпох. Для Португалии же Реконкиста закончилась намного раньше падения (1492 г.) Гранадского эмирата — последнего оплота ислама на полуострове. Она завершилась взятием Алгарве в середине XIII в. Главные же ее завоевания пришлось на XII столетие — правление уже знакомого нам Афонсу Энрикеша.

С разгрома мусульманских войск при Ойке начались завоевания Афонсу Энрикеша на южных границах Португалии. Уже в 1142 г. он попытался овладеть Лиссабоном, Скрупнейшим городом западной

⁵Т. о. со 120 г до 460 г золота.

части полуострова, контролировавшим и устье Тежу, и морское побережье. Следовавшие в Святую Землю английские и нормандские рыцари-крестоносцы сделали остановку в Порту и приняли участие в походе Афонсу Энрикеша. Но, даже несмотря на это, сил оказалось недостаточно, и Афонсу ни с чем вернулся в Коимбру, с одним лишь обещанием мавританского правителя Лиссабона выплачивать дань Португалии. Через некоторое время и крестоносцы сняли осаду города.

Хорошо понимая, что основательно укрепленный Лиссабон — пологкая добыча, и учитывая опыт 1142 г., спустя пять лет Афонсу решил начать с завоевания небольшого городка Сантарепа, как бы сторожившего подходы к Тежу с севера. В марте 1147 г. Афонсу отправил в Сантарею троих постников, чтобы предупредить о разрыве мирного договора. Рассчитывая на внезапность, он спешно выступил с войском и уже через пять дней после того, как послал гонцов, был иод стенами Сантарена, который пал в тот же день. Дорога на Лиссабон была открыта. Однако лиссабонская кампания началась только в июне.

Что удерживало три месяца короля португальцев от атаки, заставив отказаться даже от внезапности нападения? Увы, в это время Афонсу не обладал достаточными силами для осады такого крупного центра, как Лиссабон. В захвате Сантарепы ему помогли рыцари Ордена тамплиеров. Задумывая лиссабонское предприятие, Афонсу тоже надеялся па поддержку «франков» — западноевропейских рыцарей—и ждал лета. Ожидания оказались неаппрасными: флот крестоносцем по пути в Палестину остановился в Порту.

Среди крестоносцев — рыцарей из Англии, Бретани, германских земель — находился и английский клирик по имени Осберн, или Осберт, скорее всего не пользовавшийся в XII в. известностью, но заслуживший благодарность потомков.

Дело в том, что в XIX в. в Англии была найдена рукопись, представляющая собой письмо, судя но всему, на родину, некоего клирика, отправившегося в путь с крестоносным войском. Рукопись поначалу вызвала недоверие — не так часты неожиданные находки документов XII в. такого объема и значения. Сам тип источника — описание осады крестоносцами города «неверных»,— имевший немало аналогов в средневековой литературе, наводил на мысль о возможной подделке. И английские, и португальские историки многократно тщательно исследовали манускрипт. Лексика, грамматика латинского языка, на котором написано послание, само содержание письма — все это стало предметом скрупулезного изучения. Ныне подлинность этого документа не подвергается сомнению. А. Эркулану, прекрасный знаток португальских архивов и дипломатики, счел возможным включить «Завоевание Лиссабона» Осбера в свое знаменитое издание исторических средневековых памятников⁶.

Внимательный взгляд, непосредственное участие Осберна в походе, определенная отстраненность в изложении событий дают нам возможность увидеть все подробности осады Лиссабона в 1147 г.²

Когда корабли крестдносцев прибыли в Порту, к ним обратился епископ города, приветствуя каждого крестоносца согласно обычаю его страны. Собрав военачальников, он передал им просьбу Афонсу помочь в осаде Лиссабона. Взывая к доблести воинов христовых, епископ в то же время передал и обещание короля достойно вознаградить их случае успеха. В июне предводители «франков» встретились с Афонсу и обсудили условия осады.

Послание Осберна донесло до нас не только описание военных действий, но и настроения воинов-христиан. Во время мессы, которую Афонсу повелел отслужить перед началом боевых действий, гостия⁷, к ужасу собравшихся, оказалась пропитанной кровью. Разгорелись споры о толковании этого чуда: грозное предзнаменование или благой знак? Пораженные этим явлением, тем не менее христиане решили не отступать и драться до победы.

Двадцать недель продолжались сражения под стенами. Жаждавшие несколько раз пытались вырыть подкопы, разрушить городские стены. Ими были сооружены передвиж-аые осадные башни. Сражения у стен города закипали ежедневно. Правитель Лиссабона пытался обратиться за помощью к другим мусульманским городам. Ему удалось 'выслать гонца лишь в Эиору, по па обратном пути тот был убит, и в руки христиан попал ответ правителя Эворы, ообщавшего обреченным лиссабонцам, что он не может оказать им поддержку, ибо не смеет нарушить мирный договор с Афонсу.

Вылазки арабских воинов за стены города не могли разорвать кольцо осады. Погибшие в этих сражениях подвергались поруганию со стороны христиан: их головы были насажены на кол и выставлены у городских стен, хотя арабы молили отдать их для погребения. В городе начался голод. Четыре с лишним месяца осады сломили упорство защитников. Правитель Лиссабона обратился к Афонсу с просьбой о перемирии. Кроме того, он соглашался сдать город королю Португалии при условии, что жителям будет раарешено покинуть город, оставив завоевателям золото, серебро и другое имущество.

Но такие условия сдачи города не устраивали крестоносцев. Многие иа них настаивали на штурме

⁶ * РагШдаПае Могштепа Шзлопса. 8сплогез. ЫзЪоа, 1856. Т. 1.

⁷ Гостия — облатка из пресного пшеничного теста, употребляемая с XII в. в католической церкви для причащения (аналогична просфоре).

Лиссабона, так как при этом весь город оказывался во власти победителей. Если же город будет сдан, то кто знает, кому доведется стать обладателем его богатств? Среди крестоносцев возникли раздоры. Споры перерастали в столкновения и стычки, воины хватались за мечи. Только решительность Афонсу положила этому конец: король Португалии отказался предпринимать или даже решать что-либо, пока предводители «франков» не успокоят своих людей. Страсти понемногу улеглись, и на совете было постановлено, что в город войдет отряд из 300 крестоносцев, в котором будет поровну воинов от всех отрядов крестоносного воинства. Отряду предназначалось занять цитадель Лиссабона — будущий замок Сан-Жорже, куда жители города должны были доставить драгоценности и имущество. Однако этот разумный и гуманный план обретения города, который помог бы охрапить новое владение Португалии от разорения, но был выполнен: дух соревнования и наживы взял верх. И крестоносцы, нарушив порядок вступления в крепость, мешая ряды, пустили коней вскачь, понеслись по улицам города, чиня грабежи и насилия. Среди их жертв оказался и мосарабский епископ Лиссабона, переживший месяцы осады, но павший с перерезанным горлом от руки христианина. Среди победителей вспыхивали драки — то из-за золота, то из-за арабских коней.

Некому и негде было сразу после побоища хоронить убитых. Среди развалин разлагались трупы павших в бою и во время резни. И, как часто бывало в таких случаях, в городе началась эпидемия чумы. Лиссабон опустел.

1 ноября 1147 г. лиссабонская мечеть была освящена и стала христианским храмом. Был назначен и новый епископ Лиссабона — английский прелат Джильберт Гастингский. Крестоносцы, не пожелавшие продолжать свой путь в Святую Землю, получили владения в городе и в округе³.

Взятие Лиссабона — значительная веха в португальской Реконкисте. Этот город важен не только сам по себе, но и как ключ к южным и центральным областям страны. Обладание Порту, Коимброй, Лиссабоном — крупными городами полуострова при небольшой территории страны повышало экономическую и политическую значимость королев-

В следующее десятилетие португальцы постепенно, но неуклонно наступали на юг. К 1158 г. они дошли до Одемиры и взяли ее, а через год захватили крупнейшие южные ррода Эвору и Бежу⁴. Здесь, однако, они были остановлены движением альмоадов — мавританских племен, вторгшихся на Пиренейский полуостров из северных районов Африки и подчинивших себе южные арабские эмираты. Уже в 1161 г. мусульмане вновь отняли Эвору и Бежу, которые затем не раз переходили из рук в руки. В 1184 г. альмоады осадили Сантарен, но португальцы выдержали осаду и не сдались. Земли Алентежу долгое время оставались ареной борьбы христиан и мусульман, претерпевая в сражениях и грабежах разорение и упадок. До XIII столетия, пожалуй, нельзя говорить об окончательном отвоевании Алентежу Португалией.

Относительно сильная графская, а затем королевская власть явилась причиной того, что отвоевание и колонизация земель по частной инициативе в Португалии не играли такой заметной роли, как в соседних землях. Однако и здесь были тому примеры. В годы сражений с альмоадами в Алентежу действовал рыцарь по имени Жиралду, озованный Бесстрашным. Немногое известно о нем. Согласно преданию он совершил проступки, вызвавшие гнев Афонсу, и бежал в Алентежу. В схватках с мусульманами он стремился вернуть себе милость короля. Не один замок был взят им за годы войны. Нападая неожиданно и стремительно, Жиралду тайно проникал в замки «неверных» среди ночи. Блестяще владея арабским языком, он беспрепятственно пробирался по замку, переговариваясь со стражей. Утром замок оказывался в руках его воинов. Эти молниеносные захваты доставили ему грозную славу. Осенью 1165 г. ему удалось захватить Эвору, которая была крупным городом и религиозным центром мусульман полуострова. Она стала достойным Афонсу даром, принесшим Жиралду Бесстрашному прощение монарха. Нередко Жиралду называют португальским Сидом — из-за сходства судьбы, такой же военной дерзости и удачливости, какими славился его кастильский собрат.

И все же главной формой освоения земель в Португалии в это время несомненно оставалась королевская колонизация. Португальские правители прекрасно понимали, что закрепление земель было невозможно без их освоения и заселения. Одной из важнейших забот Афонсу было восстановление старых укреплений и строительство новых замков. Хроники и документы постоянно повествуют о таких работах. При Афонсу дважды был отстроен замок в Лейрии, возведены замки в Жермапелу, Коруше и многие другие⁵. Той же цели было подчинено и восстановление монастырей, которые усердно осваивали земли на полуострове.

Чтобы привлечь поселенцев на новые земли, Афонсу жаловал привилегии, типичные для такого освоения территории; освобождение от части налогов, смягчение повинностей, запрещение въезда во владение должностных лиц короля и другие⁶. Уже в это время многие города, деревни и новые поселения получают от короля форалы и грамоты, фиксирующие их права и обязанности по отношению к королевской власти. Отдельные форалы были пожалованы инородному населению — арабам и «франкам»⁷.

* * *

Сложившееся на отвоеванных в эпоху Реконкисты землях общество было сложным сплавом различных этнических, культурных, экономических компонентов. В последнее время все больше внимания уделяется изучению арабского элемента вновь складывавшегося общественного организма. Отношения арабского и христианского слоев оцениваются не как жесткое противостояние, а как взаимопроникновение во

всех областях жизни⁸. С этой точки зрения должна получить оценку и Реконкиста. Среди историков наиболее распространенным является мнение, что до конца XI в., т. е. до вторжения берберских племен, у военные действия с обеих сторон не имели характера религиозной и фанатической войны и велись только ради земли и подданных⁹.

Несомненно, пришедшие на полуостров альморавиды и альмоады подчиняли население более жесткими методами, чем их предшественники. Многие исследователи считают, что именно они принесли с собой религиозный фанатизм, вызвавший ответную реакцию христиан¹⁰. С другой стороны, и для самих христиан XI—XII столетия были временем усилившегося религиозного рвения — временем крестовых походов, возвышения папства, возникновения новых духовно-рыцарских и монашеских орденов, восставления старых и основания новых монастырей.

Таким образом, перелом в отношениях мусульман и христиан на полуострове произошел, надо полагать, в коп-XI—XII в., т. е. в эпоху Энрике и Афонсу Энрикеша. Одни историки считают события Реконкисты тех лет лишь серией военных предприятий, другие полагают, что португальскими рыцарями она была осознаваема именно с религиозной точки зрения, чтобы «утверждать справедливость детей господ над последователями Магомета»¹¹.

Исторические памятники XII в. — вот те свидетели, которые помогут ответить на вопрос, как же португальцы сами воспринимали своих соседей и традиционных противников в то время, чем для них была бесконечная военная кампания, устремленная на юг полуострова.

Казалось бы, естественнее обратиться к хроникам — ведь они непременно должны были запечатлеть подвиги реконкисты. Однако древнейшие хроники — Хроника готов и Старые анналы — крайне скупы в сообщениях о победах и поражениях. Они рассказывают лишь о фактах захвата городов и земель христианами или мусульманами, не давая ни подробностей, ни оценок. То же сохраняется и в чуть более поздних хрониках.

«В год 1177 в июле месяце, в день святого Иакова, в месте, которое называется Оурик, было большое сражение между христианами и маврами; португальцев возглавлял король Ильдефонс, а со стороны язычников король Эсмар, который, будучи побежден, бежал». «В год 1223... было большое сражение между христианами и сарацинами в месте, которое зовется Аларкос, и во главе сарацин был Амирамолим, а во главе христиан король Альфонс господин Кастилии, который, будучи побежден, бежал».

Это — два типичных примера описания португальскими хрониками сражений «верных» с «неверными». А знаменитое взятие Лиссабона удостоилось таких строк: „был взят город Лиссабон войском Ильдефонса Португальского, короля, в октябре месяце; и Синтра, и Алмада, Палмела в том же месяце»¹².

Другие же хроники, содержащие красочные картины битв, речи королей и военачальников, относятся обычно к более позднему времени и безусловно несут на себе печать восприятия Реконкисты их эпохой. Наиболее живым, близким к действительности материалом является, несомненно, повседневная документация, среди которой Особенно интересны королевские грамоты: ведь это документы, исходящие от тех, кто был тесно связан с военно-политическими событиями, кто имел собственное мнение о них и в какой-то мере мог выразить его.

Однако, вчитываясь в тексты грамот Энрике, Афонсу, Саншу I, с удивлением замечаешь, что военные события — сражения, захват городов и земель находят в них весьма слабое отражение. В грамотах, которыми король жаловал участникам похода захваченные земли, лишь бегло упоминается, что дарение совершается в благодарность за верную службу, иногда — за помощь во время осады замка или города¹³.

Более того, в жалованных грамотах редки упоминания об арабах, которые, если и встречаются, не сопровождаются какими-либо оценками или эпитетами ни в этническом, ни в религиозном отношении. Примечательно другое: с точки зрения военной опасности документы не различают сарацин и христиан. Не раз указывают грамоты, что вассал верно служил «в землях сарацин и христиан», что он должен помогать «в делах и войнах как с христианами, так и с сарацинами». По договору Альфонсо VII Кастильского и Афонсу Энрикеша, последний обязан помогать, если в земли Альфонсо вторгнется «какой-либо король христиан или язычников» и. Даже в этом — «межгосударственном» — документе на первом месте оказались противники-христиане.

Угроза военной опасности со стороны братьев по вере подтверждается многочисленными историческими фактами. Это и союзы с арабскими правителями против христианских соседей, и пленение Афонсу Энрикеша при Бадахосе христианским государем и др.

Сильнее всего религиозное противостояние арабов и христиан выразилось в дарственной Афонсу Ордену тамплиеров и в его послании папе Александру III. Однако подчеркивание заслуг перед богом и папским престолом обусловлено, очевидно, характером документов и их адресатов¹⁵.

Весьма немногочисленные и сдержанные упоминания о Реконкисте отнюдь не вызывают в памяти красочные тексты поздних хроник, живописующие войну за святую веру, гибель тысяч людей, воспевающих доблесть и преданность христианского рыцарства. Более того, источники совершенно иного типа — жития святых — по времени записи, близкие, как считают португальские историки, к грамотам Афонсу и посвященные деяниям живших во времена Афонсу праведников, тоже почти ничего не знают о Реконкисте

как о подвиге веры. Оба они, и св. Телу, и св. Теотониу, достаточно видные фигуры в рковном мире Португалии, были связаны с одним из виднейших монастырей — Санта-Круш в Коимбре. Казалось бы, вопросы веры и ее защиты должны быть для них весьма существенны. Тем не менее в житии св. Телу нет ни строчки ни о Реконкисте, ни об арабах, а житие Теотониу сохранило весьма показательный эпизод. Описывая один из походов Афонсу, житие рассказывает, как, покорив провинцию, воины Афонсу «среди прочей бесконечной добычи пленили также неких христиан, которые в народе зовутся мосарабами и даже под игом язычников соблюдают обряды христиан, и по праву войны обратили их в рабство» вместо желанной свободы и единения с освободителями¹⁶.

Не отрицая наличия религиозного компонента в Реконкисте полностью, тем более не отрицая религиозности христианских воинов и сознавая ограниченность использованного материала, нельзя тем не менее не отметить, что сарадины воспринимались прежде всего как противники военные наряду с врагами — христианами. Общение с арабами было для жителей Пиренейского полуострова в это время повседневным и в этом смысле нормальным явлением, принимая различные формы — от соседского проживания на одной земле до кровопролитных сражений. Религиозная нетерпимость, видимо, возникла значительно позже, на заключительных этапах Реконкисты.

* * *

Следующее, XIII столетие для всего Пиренейского полуострова стало переломной эпохой в борьбе с мусульманскими государствами. В знаменитой битве при Лас-Навас-де-Толоса в 1212 г. объединенные войска христиан, в том числе и португальцев, нанесли тяжелое поражение арабам. Эта победа положила начало отвоевано юга полуострова, в первую очередь крупных арабских городов: в 1236 г. Кастилией была захвачена Кордова, в 1238 г. Арагон завоевал Валенсию, в 1248 г. король Кастилии Фернандо III Святой взял Севилью. В этом предприятии приняли участие португальские воины, рыцари ордена Сантьяго и ордена Авис. Таким образом, большая часть полуострова перешла в руки христиан. Лишь полоска арабских владений вдоль берега Средиземного моря да Гранадский эмират противостояли теперь Португалии, Кастилии и Арагону.

К югу от португальских земель, между Атлантическим побережьем и Гвадиапой, служившей как бы природной границей, лежали земли, именовавшиеся Аль-Гарб (позднее Алгарве). Эти районы представляли для Португалии столь же естественную цель, как Севилья или Кадис для Кастилии. Надо сказать, что конец 30-х — начало 40-х годов XIII в. в Португалии были заполнены феодальными междоусобицами. В 1245 г. на португальский трон взошел новый король, третьим из португальских королей носивший имя Афонсу. Приглашенный на трон папой римским и португальской церквью, он тем не менее отнюдь не собирался подчинять их политике свою собственную. Военное предприятие против мусульман могло и должно было сплотить силы вокруг нового короля, поднять его авторитет. Немалую роль в этом сыграл и захват Севильи. Вслед за ним Афонсу III объявил о подготовке к походу на Алгарве. Войско выступило в конце зимы 1249 г. Военные действия протекали без неожиданностей. Один за другим замки и города Албуфейра, Силвеш и Луле переходили в руки португальцев. Традиционно считается, что в 1250 г. португальская Реконкиста была завершена, и короли Португалии обладали отныне и титулом «королей Алгарве».

Присоединение южных земель действительно обеспечило Афонсу III возможность самостоятельной политики. Однако на первых порах успехи в Алгарве вызвали осложнения в отношениях с Кастилией. Обстоятельства были таковы, что правитель Алгарве состоял в вассальных отношениях с сыном и наследником Фернандо Святого (будущим кастильским королем Альфонсо X Мудрым), и поэтому война против Алгарве могла быть расценена как нарушение союза с самой Кастилией. Конфликт был урегулирован путем династического брака: Афонсу III взял в жены 6-летнюю дочь Альфонсо — Беатрис. В это время первая жена Афонсу III, Матильда, графиня Болонская, еще была жива, и брак с Беатрис влек за собой церковное отлучение. Но это не остановило португальского монарха. По брачному договору, королевство Алгарве должно было находиться во владении Беатрис до той поры, пока ее первому сыну не исполнится 7 лет. Таким образом, окончательный переход Алгарве под власть Португалии откладывался на несколько лет.

И все же серединой XIII в. можно датировать завершение территориального складывания Португальского королевства. Практически уже тогда определились его постоянные границы, которые почти не изменились по сию пору. С востока и севера ограниченная все усиливавшейся Кастилией, с запада — океаном, Португалия как будто с разбега остановилась, достигнув Фару — южного мыса полуострова, и обратилась к своей внутренней жизни. Конец XIII — начало XIV в. — эпоха «устройства» Португалии, эпоха возникновения кортесов, подъема городов, расцвет культуры.

Завершение Реконкисты в середине XIII в. имело, как нам видится, и другие последствия. Во-первых, накопленные военные традиции и порожденная военно-политической обстановкой социальная структура (отличавшаяся в том числе и высокой ролью и большой численностью рыцарского сословия) искали применения и нашли его впоследствии, в частности в морских экспедициях. Во-вторых, выход из Реконкисты на той ее стадии, когда она еще не получила окраски исключительно борьбы с инаковерием, смягчил многие острые углы взаимоотношений мусульман и христиан в Португалии, обеспечил большую, чем можно было бы ожидать, терпимость к иноэтническим группам, что оставалось свойственным стране и в позднейшие эпохи.

Наконец, сравнительно раннее складывание стабильных границ ограниченной и относительно небольшой территории способствовало возникновению тенденции к ранней централизации государства и осознанию португальцами себя единой общностью. Это особенно повлияло на события следующего, XIV столетия.

Скипетр против посоха

Христианская церковь играла на полуострове особую роль. Близость иноверческого населения заставляла ее внимательно следить за пиренейскими делами и при необходимости вмешиваться в их ход. Тому было по крайней мере две причины. Прежде всего церковь испытывала опасения за чистоту веры, вполне оправданные, если учесть тесные контакты христиан и мусульман. После арабского завоевания в мусульманских городах значительная часть населения продолжала исповедовать христианскую религию. Живя в иноязычной и инокультурной среде, эти люди усвоили арабский быт и образ жизни, восприняли арабский язык. Недаром их называли мосарабами⁸. Но религию, причем не только веру, но и организацию, они сумели сохранить и пронести через годы завоеваний и повседневность мусульманского господства. Они выбирали из своей среды епископов, которые должны были получать одобрение мусульманских властей.

В своих кварталах мосарабы имели христианскую церковь. Ограничения касались больше их социального положения: они не могли быть воинами, им запрещалось носить оружие и ездить на лошадях, они не всегда могли воспользоваться своими наследственными правами. Язык и привычки неизбежно должны были наложить на весь строй жизни и мышления мосарабов особую печать, и возвращение их под сень Рима, включение в общую массу пиренейских христиан несло с собой различного рода отклонения в отправлении культа и в церковной практике.

Видимо, близость ислама и постоянное взаимодействие с ним в разных формах, равно как и существование мосарабской церкви, стали причиной того, что полуостров менее других регионов беспокоил Рим с точки зрения религиозного инакомыслия. В те столетия, когда на юге Франции бушевали Альбигойские войны⁹, а в Италии подспудно вызревали идеи Сегарелли и Дольчино¹⁰, страны Пиренейского полуострова практически не знали еретических движений. Долговременное противостояние религий, с одной стороны, заставляло христианство консолидироваться, а с другой стороны, позволяло церкви закрывать глаза на незначительные нарушения и проступки, оставляя таким образом верующему некоторую внутреннюю свободу.

Второй заботой церкви было стремление включить в христианский мир как можно большие территории и человеческие массы, что на полуострове выражалось в постоянной поддержке идеи Реконкисты.

Оба эти аспекта в Португалии усугублялись ее вассальной зависимостью от папского престола. Укрепившаяся в процессе Реконкисты королевская власть и церковь стали двумя главными противостоящими друг другу силами в стране. Столкновения были неизбежны. Они возникали и из-за отношения португальских королей к своим вассальным обязанностям, и в связи с положением духовенства внутри страны, и по поводу духовно-рыцарских орденов.

Португальские монархи рассчитывали на удаленность своего сюзерена, надеясь, что эта зависимость не будет очень обременительной. Как редки были поступления взноса, который они должны были выплачивать в знак вассальной службы в папскую казну! Уже сын Афонсу I, Саншу I, годами затягивал его выплату, уклоняясь под разными предлогами, несмотря на неоднократные требования и запросы Рима. При нем Португалия не выполняла своих обязательств почти 20 лет. И лишь при папе Иннокентии III, одном из могущественных понтификов средневековья, его легат добился уплаты королем 500 мараведи¹. Подобные проволочки не раз случались и позже.

Но, кроме этой непосредственно «материальной» стороны дела, папский престол гораздо больше беспокоило отношение лузитанских королей к португальской церкви. Саншу I не раз приходил в столкновение с духовенством, пытаясь ограничить его земельные владения и иммунитеты, как это было с коимбрским епископом, у которого он отнял два замка, нарушил его права и привилегии в этих землях. Его вмешательство в дела епископа Порту привело к тому, что папа наложил интердикт на все королевство, который был снят лишь перед самой смертью Саншу.

Сын Саншу, Афонсу II Законодатель пытался бороться с клиром юридическими мерами: по его указу был проведен пересмотр и подтверждение грамот, удостоверявших владение землей, причем подтверждение получили далеко не все владельцы. Он же начал, хотя и очень ограниченные, так называемые «расследования» — описи имуществ, проводившиеся ради выявления незаконно присвоенных земель и

⁸ От арабского *lghzlap* — «желающий стать арабом».

⁹ Альбигойские войны — борьба с еретическими движениями на юге Франции в начале XIII в.

¹⁰ Сегарелли (?—1300) и Дольчино (?—1307) — вожди крестьянско-плебейского движения в 1304—1307 гг. в Италии, характерного миллепаристскими и уравнительными идеями.

ограничения крупного землевладения². В течение его 12-летнего правления королевство 11 лет находилось под интердиктом, и его преемник, Саншу II, начал править, будучи отлучен от церкви и отвергнут сюзереном-папой.

Саншу II сделал все возможное, чтобы вернуть стране нормальную жизнь и уладить конфликт с церковью: выплатил долг папе, обязался за счет казны восстановить разрушенные церкви, монастыри, дома клира, обещал ни нарушать привилегии церкви. Однако ни португальское духовенство, ни папу не умиротворила реальная политика короля. Его позиция в конфликте епископа Порту с городом, а затем междоусобицы в стране заставили папу искать иного претендента на престол. Таковым мог быть брат короля Саншу, Афонсу, которому и было решено передать португальский престол на Лионском соборе 1244-1245 гг.

Однако и при Афонсу III отношения с церковью оставались теми же, что и раньше. Именно при нем в 1258 г. были проведены самые широкие «расследования» законности церковных и монастырских владений, что стало причиной многочисленных жалоб на короля³. Тактика Афонсу III была обычной для португальских монархов: на кортесах 1273 г. он обещал удерживать от злоупотреблений своих должностных лиц, возместить церкви ущерб и т. д., но на деле вмешательство в дела епископств, нарушение иммунитетов, сбор податей, причитающихся церкви, продолжались, что привело к новому интердикту, наложенному панским нунцием в 1277 г. Если к этому прибавить первое отлучение Афонсу III за заключение брака с Беатрис, то получится, что около трети всего его правления король и королевство были отлучены от церкви.

Церковный интердикт был весьма распространенным в средние века средством воздействия, очень часто применявшимся именно в политических целях. Находясь в вассальных отношениях с римским престолом, Португалия постоянно оказывалась под угрозой этого способа расправы с непокорными. Интердиктам подвергалась и страна целиком, и отдельные города; от церкви отлучался и король, и жители отдельных мест, и население всего королевства.

Что значил интердикт для средневекового человека? Кроме самого факта отторжения человека от церкви, лишения его ее покровительства и заступничества перед богом, интердикт нарушал весь привычный ход жизни. Замолкали колокола, закрытыми стояли церкви, которые в обычное время служили, конечно, не только культовыми сооружениями, но и центрами общения, образования, культуры. Нельзя было совершить по церковному обряду ни венчания, ни похорон. Хроника горестно свидетельствует, что умерших хоронили в канавах, ямах, потому что на кладбище — священное место — отлученным вход был запрещен. Новорожденных не крестили, и если ребенок умирал, родители были уверены, что душа младенца осуждена на вечные муки.

Такая ситуация, естественно, не могла не восприниматься людьми как своего рода катастрофа, если исходить из того уровня религиозности средневекового сознания, каким мы его полагаем. Первым и естественным желанием человека было изменить подобное положение. С этой точки зрения показательны события в Порту в конце XIV в., когда город в очередной раз отлучили от церкви. В декабре 1383 г. сюда пришла весть об избрании нового правителя, который обратился к португальскому народу с призывом бороться с угрожавшей стране Кастилией. Горожане Порту сразу поддержали его. Народ прошел по улицам со знаменем города, направился к собору, который уже очень давно стоял закрытым — там никого не отпевали и никого не крестили. Открыв двери собора, горожане по собственному почину начали служить мессу, ударили в колокола, «ранее похороненных выкапывали и несли в церковь, и никто не осмеливался противиться этому»⁴. Такое бывало не раз.

История Португалии еще раз заставляет задуматься о природе средневековой религиозности. И страна в целом, и ее города в отдельности годами оставались отлученными от церкви, равно как и государи и их подданные, но и те, и другие предпочитали не уступать своего, продолжая добиваться осуществления своих требований и замыслов. Более того, во многих случаях (например, при заключении брака с Беатрис, при столкновениях с епископом Порту) с самого начала было ясно, что интердикт неизбежен; и тем не менее и король, и горожане шли на это.

А ведь известно, что интердикт освобождал подданных от вассальной присяги верности сюзерену, что папы нередко использовали в борьбе со светскими государями. Португалия же парадоксальным образом не становилась слабее под ударами бича папских наказаний.

Наследник Афонсу III, король Дипйш, родился во время интердикта и вступил на трон, когда португальская корона уже давно находилась в напряженных отношениях с Римом из-за «расследований» Афонсу III и его желаний вернуть узурпированные церковью земли. С 1279 г., когда Диниш вззошел на престол, и вплоть до 1290 г. он старался урегулировать конфликт с папой и церковью, не отказываясь в то же время от своих королевских прав внутри страны. Он продолжил «расследования», которые были завершены к 1290 г., после чего все незаконно приобретенные привилегии и земли были возвращены в казну. Еще раньше он отменил все дарения, совершенные им до своего совершеннолетия. Он издал несколько указов с целью повысить роль и статус королевских должностных лиц и королевского суда. В то же время Диниш постоянно вел переговоры с папским престолом, направлял послов к европейским монархам, вел тонкую дипломатическую игру, стараясь избавиться от вмешательства во внутренние конфликты Португалии такой универсальной силы, как папская власть, и ослабить силу церковного наказания в качестве воздействия на

корону.

Одиннадцатилетнее состязание недюжинного интеллекта короля, силы его характера, умения завоевывать союзников закончилось в пользу португальского монарха в Португалии. В 1290 г. между Португалией и папским престолом был заключен конкордат. Отныне разногласия с церковью внутри страны подлежали ведению короны и прелатов Португалии. Через 19 лет конкордат был подтвержден. Видимо, пользуясь свободой, предоставленной условиями конкордата, Диниш издал постановление, запрещающее орденам и духовенству приобретать недвижимое имущество. Таким образом, король довел свою политическую линию до логического завершения⁵. Надо помнить, что это произошло в том самом столетии, которое считается эпохой расцвета папства, веком его наивысшего могущества и международного влияния.

На Лионском соборе 1254—1255 г., где решался вопрос о государе Португалии, состоявшей в вассальной зависимости от Рима, был отлучен и низложен и германский император Фридрих II. Тогда же папство пыталось распространить свое влияние на Русь и монголов. В 1300 г. в Риме торжественно отпраздновали «юбилей церкви». В 1302 г. была издана булла Бонифация VIII о вселенской власти папы, претендовавшего на верховную роль не только в церковных, но и в светских делах. Но уже поднимали непокорные головы государи Европы. И тот же Бонифаций VIII вскоре получит пощечину от французских рыцарей¹¹, а папский престол будет перенесен в Авиньон. И одним из первых показателей этого ослабления Рима стали успехи Португалии в борьбе за централизацию против церковно-феодалного сепаратизма.

Немалую роль в этом процессе сыграла личность Диниша. Он, воспитанный на принципах сильной королевской власти, имея примером деятельность своего отца, получил хорошее образование. Кроме того, судя по всему, Он обладал природным умом, решительностью и талантом правителя. При нем многие города и городские местечки Португалии получили права и привилегии, зафиксированные в грамотах, страну покрыла целая сеть ярмарок. Вообще торговля пользовалась особым вниманием Диниша, и в 1308 г. он заключил официальный договор с английским королем о взаимной торговле и привилегиях английских и португальских купцов. Он же утвердил и устав купцов, заключавших договоры о финансовой взаимопомощи, положив начало таким новым формам деятельности, как кассы морского страхования⁶.

Историческая традиция связывает с именем Диниша посадки корабельной рощи и попытку создания флота, возникновение первой светской библиотеки и первой мощной улицы в стране. В правление Диниша в Лиссабоне появился университет, позднее переведенный в Коимбру. Диниш приказал использовать в официальных документах только португальский язык, а впоследствии всемерно способствовал его развитию, повелел перевести на португальский исторические и юридические сочинения. Наконец, и сам Диниш известен всему миру прежде всего как поэт — создатель неповторимых кансон галисийско-португальского цикла. Он по сию пору считается одним из крупнейших поэтов Португалии, а в конце XIII в. его двор был средоточием поэтического творчества Португалии и центром притяжения поэзии всего полуострова.

В своей многогранной деятельности этот король-поэт тщательно трудился надо всем хоть сколько-нибудь важным для дела государства. Долгие годы предметом не только внимания, но и беспокойства Диниша оставались духовно-рыцарские ордены. Они возникли в Португалии в эпоху Реконксты. Первыми в этих краях появились тамплиеры. Есть свидетельства об их деятельности в районе реки Минью еще в бытность Португалии графством. Тамплиеры не раз участвовали в королевских походах против мусульман, за что Афонсу I пожаловал им в 1144 г. замок Соуре. В 1160 г. тамплиеры заложили замок Томар, который стал в Португалии главной резиденцией ордена. Как и другие духовно-рыцарские ордены, тамплиеры в Португалии занимались и заселением новых земель. По инициативе этого ордена восстановились и заполнились жителями Помбал, Эга, Сераш и другие местечки. В 1170 г. тамплиеры присоединили к своим владениям замок Алмурол, расположенный на островке посреди Тежу, получив таким образом возможность контролировать в этом месте реку. В Реконксте принимали участие и госпитальеры, но в Португалии их роль оказалась сравнительно невелика.

Наиболее влиятельными были собственно пиренейские ордены. Как известно, в Кастилии в XII в. возникло три ордена: Сантьяго, провозгласивший две цели: войну с исламом и покровительство гробнице апостола Иакова; Калатрава, «воинство против неверных», названный по имени крепости, которую рыцари ордена удержали в сражении в 1158 г.; Алькантара, в конце XII в. отделившийся от Калатрапы. Все они прямо подчинялись папе.

Орден Алькантара не получил распространения в Португалии. Сантьяго же и Калатрава очень скоро перенесли свою деятельность и сюда. Рыцари Калатравы сначала получили во владение Эвору, но позднее она была изъята у них королем и возвращена в его патримониум, а Калатраве в 1211 г. был предоставлен замок Авиш, на юге Алентежу. Постепенно португальская ветвь Калатравы автономизировалась, и в XIII в. по отношению к ней чаще можно встретить наименование «Ависский орден», «рыцари Ависского ордена». Он имел своего магистра и был достаточно самостоятелен, что в конце XIV в. показала португало-кастильская

¹¹ Речь идет о знаменитой дерзости Гийома Ногарэ и Колоппы, креатур Филиппа IV Красивого, короля Франции.

война: под разными знаменами друг против друга сражались воины, осененные зеленым орденским крестом, рыцари Калатравы и рыцари Ависского ордена.

Главная резиденция Сантьяго располагалась в Португалии в Палмеле. Орден Сантьяго сохранял единое управление, и португальские рыцари должны были выполнять распоряжения кастильского магистра.

Магистры духовно-рыцарских орденов обычно избирались или назначались советом ордена, который мог и сместить магистра, если считал это необходимым. Орден делился на две группы лиц с разным статусом и функциями: *духовенство* отправляло религиозный культ и занималось воспитанием детей *рыцарей* ордена, которые несли воинскую службу, занимались хозяйственной деятельностью и т. д.

Получая владения во вновь отвоеванных землях, принимая вклады и имущество новых членов ордена, духовно-рыцарские ордены стали крупными землевладельцами в Португалии. Сочетание военной силы и экономической мощи делало их весомой силой в королевстве, позицию которой монарх не мог не учитывать. Ависский орден все-таки был «своим», португальским, и с этой точки зрения меньше беспокоил Диниша. Кастильское же подчинение Сантьяго, учитывая, что многие его земли и замки располагались близ кастильской границы, постоянно грозило нелояльностью и мятежом.

С первых лет своего правления Диниш стремился к автономизации ордена Сантьяго. Не раз пытался он добиться от папы разрешения на это. Казалось, желанная цель близка: в 1288 г. папа Николай IV издал буллу, по которой португальским рыцарям ордена Сантьяго дозволялось подчиняться провинциальному магистру, выбранному из их числа. Но через семь лет Целестин V, а чуть позже Бонифаций VIII отменили это постановление⁷. Видимо, это было вызвано тем, что в разразившейся в это время войне между Португалией и Кастилией победа оказалась на стороне первой, а папы не желали нарушения сложившегося на полуострове равновесия.

Однако ни Диниш, ни португальские рыцари ордена Сантьяго не признали этой отмены. Внутри ордена шла борьба между сторонниками и противниками автономии ордена. На практике португальские рыцари и в эти годы продолжали выбирать себе магистра, пока в 1377 г. папской буллой не были запрещены выборы португальского провинциала ордена⁸.

В ответ Диниш послал в Авиньон двух своих приближенных, в том числе адмирала Мануэла Песанью. В переговорах с папой послы прибегли к старым испытанным аргументам: война с неверными, укрепление военных сил страны и пр. Однако вряд ли только эти доказательства оказали столь решительное воздействие на папу и он в конце концов согласился признать автономию португальских рыцарей ордена Сантьяго. Скорее всего не только тонкая дипломатическая игра португальских послов, но и усиливавшийся раскол церковных иерархов принесли Португалии долгожданный успех. «Национализация» ордена Сантьяго обеспечила португальской короне уверенность в рыцарском орденом войске.

В том же 1319 г. папа принял важное решение — об имуществе ордена тамплиеров. Как известно, в начале XIV в. французский король Филипп IV Красиным начал преследование ордена тамплиеров. «Дело» тамплиером и последовавший за тем суд поставили орден вне закона, а Вьенский собор санкционировал это под давлением Филиппа. Орден был повсеместно уничтожен, а его владения передавались другим духовно-рыцарским орденам, в том числе и госпитальерам. Диниша не устраивал такой поворот событий, так как передача крупных владений тамплиеров в дополнение к уже существовавшим богатствам госпитальеров могла настолько усилить этот орден, что в Португалии появилась бы независимая и опасная для трона сила. Желанием Диниша было получить земли и другое имущество тамплиеров в распоряжение короины. Но отторжение земель от церковных владений, в свою очередь, не могло устроить папу. Он оттягивал решение. Очевидно, посольство 1318—1319 гг. сумело урегулировать и эту сложность. В 1319 г. стороны нашли компромисс: в Португалии был образован новый орден, которому передали все владения тамплиеров. Он был назван орденом Иисуса Христа; центром его считался замок в Каштру-Марин. Во главе стоял собственный магистр⁹. Таким образом, в Португалии появился еще один «национальный» орден, уже при своем возникновении теснейшими узами связанный с королевской властью.

Все политические мероприятия Диниша имели целью внутреннюю консолидацию и рост престижа Португалии. Закрепление границ страны, повышение роли королевской власти и относительная стабильность внутреннего положения дала Португалии возможность не только занять достойное место на полуострове и в Европе, но и осознать это возвышение. Не последнюю роль в этом процессе сыграла церковная политика Диниша.

Грядущий XIV век перенес акценты борьбы и столкновений в иную плоскость — слово взяли поднимающиеся города. Все меньшую роль во внутрипортугальских делах играла церковь как организация, противостоящая центральной власти, и папство в частности, разумеется, в пределах, свойственных средневековому обществу. Этому способствовали и раскол в церкви — «великая схизма», и возрастающее значение централизуемых европейских государств. Отношения с Францией, Англией, особенно в период Столетней войны, когда Португалия связала себя союзом с англичанами, выступают на первый план в системе европейских связей королевства. В XIV—XV вв., как мы увидим, вопросом первостепенной важности для Португалии стало ее положение на полуострове, которое она отстаивала в борьбе с Кастилией. В этом кипящем котле страстей и интересов папская власть все больше воспринималась как сила внешняя. Схизма

помогала португальским королям в случае необходимости найти выход из сложной политической ситуации путем признания того или иного претендента на папский престол.

Духовно-рыцарские ордены всегда оставались мощной военной и политической силой в королевстве. После «национализации» орденов складывается традиция выбора магистров из членов королевской семьи. Нередко во главе ордена становился побочный сын короля. Яркий пример тому — передача должности магистра Ависского ордена младшему из бастардов¹² короля Педру I Жоану, впоследствии основателю новой, Ависской династии. При Жоане во главе орденов оказались его многочисленные сыновья. Сохраняя значение военной опоры королевства, ордены начинают в это время заниматься и другими видами деятельности. Орден Сантьяго первым смог оценить те перспективы, которые сулило освоение морских просторов и новых заморских земель. Эта деятельность орденов достигла апогея при сыне Жоана I Ависского, правителе ордена Христа, известном в европейской историографии под именем Эприке Мореплывателя.

В XIV в. контроль короны за активностью орденов возрос настолько, что постепенно один за другим они перешли под непосредственное управление короля, что было санкционировано и папой. Сходный процесс, кстати, имел место в это время и в соседней Испании. Растущее влияние государства, делавшего в этот момент последний шаг к абсолютизму, привело к инкорпорации в его структуру этих наполовину церковных институтов, что означало тогда ие столько подчинение церкви, сколько освобождение государства от ее «вселенской» власти. Будущее, однако, еще не раз меняло соотношение этих двух главных сил средневековья.

Города и короли

Пиренейские города... Одна из самых причудливых страниц городской истории Западной Европы. Белые города Андалусии; закованный в каменное кольцо Толедо; вырастающие из скалы стены Авилы; сбегающие с холма коимбрские улочки. В замкнутом пространстве этих городов перекрещивались, сталкивались, умирали и рождались заново языки, религии, культуры. Именно город стал тем горнилом, в котором, сплавившись воедино, христианский, мусульманский и иудейский миры дали человечеству неповторимый феномен пиренейской — испанской, португальской — цивилизации.

Все города средневековой Португалии в той или иной степени испытали арабское влияние, хотя бы и опосредованно. Естественно, особенно заметный мусульманский отпечаток лежал на южных городах.

Классический арабский город с некоторыми видоизменениями переключался на Пиренейский полуостров. Обычно город располагался у подножия холма, недалеко от реки или морского побережья. Он четко делился на аристократический — верхний и плебейский — нижний. Степы его в плане чаще всего представляли собой неправильный многоугольник или трапецию. Внутри стен путник, миновав городские ворота, попадал в бесконечный и беспорядочный лабиринт улиц, улочек, тупиков, переходов.

Улицы арабского города — это совокупность домов, каждый из которых живет самостоятельной жизнью. Они даже планировкой подчеркивают свою обособленность и четкость границы между общим, городским, и частным. Там, за глухими стенами, во внутреннем дворике и окружающих постройках, проходит жизнь его обитателей, скрытая от любопытных глаз соседей. Улицы как таковая, как общественное достояние, ценилась довольно низко — в случае нужды от нее отсекались куски, застраивались участки, что увеличило путаницу тупичков и переулков.

Вся эта мозаика делилась на кварталы. Некоторые из них заселялись по религиозному принципу. В мусульманских городах бывал и христианский квартал со своей церковью, и иудейский — с синагогой. Центрами арабских кварталов оказывались мечети, хотя существовала и главная мечеть города. К ней обычно прилегали улочки, славившиеся ремесленными мастерскими и лавочками. Здесь же располагались бани, количество которых в мусульманском городе всегда было велико (в Кордове, например, их насчитывалось до 600)¹.

Арабские города на Пиренеях не были велики по площади внутри стен — от 30 до 100 га приблизительно. Плотность же населения была значительной, и порой арабский город на полуострове насчитывал до 100 тыс. жителей.

Среди современных городов Португалии мало таких, что основаны арабами или в период арабского владычества. Большинство крупных центров возникли как поселения еще в римскую эпоху, но многие из них были окружены стенами и застроены по городскому принципу именно при арабах. Более того, образ жизни поселения как города, городские занятия жителей, высочайшее ремесленное искусство многим городам достались в наследство именно от мусульманской эпохи. Несколько поколений смуглых пришельцев с востока, впоследствии побежденных, выселенных, изгнанных, навсегда оставили будущим португальцам каменные твердыни крепостей и городов и ненасытную тягу к неведомым далям.

Но вот медленный, по неуклонный вал Реконкисты привел в древние стены новых жителей. Многие

¹² Бастард - внебрачный потомок по мужской линии.

менялось в городе. Мечети превращались в соборы, упорядочивались, спрямлялись улицы, возникали торговые площади. Со временем изменился и внешний вид улицы и тип жилища — дом стал более открыт миру, хотя уютный внутренний двор в доме, общественном здании, монастыре сохранился навсегда.

Побежденные создатели белостенных городов не были уничтожены или изгнаны португальскими королями из пределов христианских владений, хотя многие, конечно, погибли в страшные времена или ушли в глубь арабских владений. Оставшимся мусульманам разрешались прежние занятия, однако королевские указы запрещали им жить внутри городских стен. Так возникали новые арабские кварталы — аррабалде — за стенами христианских городов. Афонсу Энрикеш издал специальные форалы, регулировавшие жизнь арабского населения². Ворота аррабалде, обнесенного собственной стеной, с вечерней зарей закрывались и жителям запрещалось покидать пределы квартала до первой утренней мессы. Лишь звон христианских колоколов отворял ворота арабам в «широкий мир». С другой стороны, христианские женщины не имели права без сопровождающих входить в морарию, т. е. в пределы арабской общины.

Города росли и развивались, дома горожан выплескивались за городскую стену, окружая и поглощая аррабалде. В то же время разрастались арабские кварталы. В Лиссабоне, например, возник второй квартал, заселенный мусульманами — «новый аррабалде». Арабские дома появлялись и в христианских приходах, а купцы-христиане были не прочь приобрести усадьбу в морарии.

Последний, решительный шаг к окончательному слиянию был сделан в конце XV в. Шел второй год правления знаменитого короля Португалии Мануэла, промшшего Счастливым. По примеру Католических королей Испании, Изабеллы и Фернандо, на дочери которых он был женат, Мануэл в декабре 1496 г. издал указ, повелевающий всем евреям и маврам, не желающим принимать христианскую веру, покинуть пределы Португалии. Хорошо известны печальные последствия подобного указа в Андалусии. По мнению же современных исследователей в Португалии указ имел другой результат — большинство гонимых арабов приняли христианство, пусть только внешне, и постепенно слились с португальским населением.

Одновременно с приобщением к христианскому миру отвоеванных в Реконките арабских городов росли и расцветали христианские города севера Португалии. В конце XIII — начале XIV в. по величине и значению они, пожалуй, уже могли поспорить с южными центрами. Прежде всего большое значение имела Брага — общепиренейский религиозный центр. Брага получила редкую привилегию от короля — право чеканки монеты.

«Северной столицей» королевства можно назвать Порту, крупнейший город этого региона. Хотя в эпоху наивысшего расцвета городов Португалии — в XIV—XV вв. — он сильно уступал Лиссабону по числу жителей, однако его значение как экономического центра севера страны трудно переоценить. Город имел крупный морской порт, через Порту шла оживленная торговля с самыми разными европейскими землями. В Порту концентрировалась сельскохозяйственная продукция сезерных районов — основа португальского экспорта в XIII—XV вв. Сюда по дороге в Средиземное море заглядывали английские купцы и нормандские крестоносцы.

Достойное место в истории Португалии занимает значительный в средние века город — Коимбра. После отвоевания христианами центральных (не считая Алентежу) земель графства Коимбра надолго стала неофициальной его столицей. Здесь раскинул свои владения знаменитый монастырь Санта-Круш — монастырь Святого Креста, который был и королевской усыпальницей. В Санта-Круш хранились несметные сокровища, ценнейшее из которых — прекрасная библиотека. Здесь велись погодные записи, составлялись королевские хроники, писались жития португальских святых³. В монастырь стекались богатейшие дары по грамотам и завещаниям королей.

Занимая очень удобное положение — в центре страны, раскинувшись на обоих берегах реки Мондегу, Коимбра была хорошо развитым по тем временам торговым и ремесленным городом. На ее крутых улочках уже в XII в. теснились лавки и мастерские кузнецов, башмачников, скорняков, в глубине которых можно было разглядеть и подмастерьев-арабов. Длинные списки товаров, облагаемых пошлиной, говорят о бойкой торговле на рыночной площади Коимбры. Принадлежавшие коимбрацам корабли ходили по Мондегу, которая была гораздо многоводнее, чем ныне, до океана и дальше, в другие портовые города королевства. Владельцы судов, капитаны кораблей, два гребца и впередсмотрящие наделялись статусом кавалейру¹³. В XIV в. Коимбра получила от короны ни с чем не сравнимый дар: по повелению короля Диниша сюда из Лиссабона был переведен Университет. Это произошло в 1308 г.⁴, и, хотя потом Университет неоднократно менял местопребывание, в конце концов Коимбра все же оказалась лучшим прибежищем науки и ее адептов. В 1537 г. при Жоане III, памятник которому и сейчас стоит на университетской площади как второму основателю Коимбрского университета, он был окончательно оставлен в Коимбре. Коимбрский университет — это особый мир. Недаром среди прекрасного и своеобразного жанра португальской народной песни — фаду существует отдельное направление — коимбрские университетские студенческие фаду со

¹³ * Кавалейру — один из разрядов феодальной иерархии, аналогичен испанскому кабалеро, французскому шевалье.

своей тематикой и музыкальным и поэтическим строем. Коимбра остается колыбелью университетской культуры Португалии.

К югу от Мондегу раскинулись плодородные равнины Алеитежу и Алгарве. Земли Алгарве, и донныне остающиеся по преимуществу аграрными, конечно же, не были богаты городами в средневековье. Те городки, которые были разбросаны по бесконечным невысоким холмам и однообразно золотым от спеющей пшеницы равнинам, иногда оживляемым причудливыми очертаниями пробковых дубов, несильно отличались от соседних деревень ни хозяйством, ни величиной. Пожалуй, лишь города побережья Алгарве, ориентированные на рыбный промысел и дальнее мореплавание, выделялись своими размерами, особенно Лагуш.

В Алентежу, напротив, сосредоточивались важнейшие и крупнейшие города Португалии. Это — Сантарен — город святой Ирины, Эвора — южный страж Алентежу, Лиссабон — город, несопоставимый ни с одним другим в королевстве.

Сантарен расположен севернее Лиссабона, и в арабские времена охранял от христиан подступы к Тежу и Лиссабону — морским воротам реки и страны. С Сантарепом связана трагическая легенда об Умейе ибн-Исхаке — алкайде города и брате визиря великого кордовского халифа Абд ар-Рахмана, несправедливо казнившего своего преданного и честного советника. Рассказывают, что после казни брата Умейя впал в отчаяние и месть стала для него единственной целью и источником сил. Он покинул Сантарен и исчез, превратившись в бродячего факира. Под личиной аскета и истового проповедника ислама он поселился в Кордове и подбил на заговор против Абд ар-Рахама часть высшей знати и даже наследника престола, а затем выдал заговорщиков халифу. Знатнейшие из придворных, в том числе и любимый сын халифа, были казнены. Умейя до конца жизни халифа оставался при нем, терзая его вечной загадкой добра и зла, истинного и ложного решения, задавая один и тот же вопрос: «А верно ли было погубить достойнейшего из наследников рода Омейядов?» — Лишь на смертном одре Умейя открыл халифу тайну своего мщения.

В христианскую эпоху Сантарен не потерял ни военного, ни экономического значения, но постепенно утратил древнее величие на фоне быстро растущего Лиссабона,

Южная дорога ведет из Лиссабона в Эвору, город многовековой истории, где на площади рядом с готическим собором высятся колонны римского храма, а камни мостовых помнят поступь арабских скакунов. Отвоеванная у арабов Жиралду Бесстрашным и принесенная им в дар королю, к XVI в. Эвора стала так значительна, что подумывали перенести туда столицу. Мануэл Счастливым построил здесь великолепный дворец. Позже Эвора стала ареной одного из самых мощных восстаний в истории Португалии, о котором мы еще расскажем.

Наконец, Лиссабон, известный с глубокой древности. Здесь существовало поселение и во времена лузитаи, и в римскую эпоху. Точно неизвестно, когда возникли его первые стены, но при арабах город их уже имел. В исламском мире полуострова Лиссабон играл немалую роль — это был крупнейший порт на западном побережье арабских владений. Город обладал мощной цитаделью, после христианского завоевания получившей имя святого Георгия — замок Сан-Жорже. К сожалению, кроме Сан-Жорже в современном Лиссабоне сохранилось очень немногое от средневековья — периода его расцвета и величия. Виной тому — землетрясение 1755 г., до основания разрушившее большую часть города; остальное довершили возникшие после катастрофы пожары. Однако величественный силуэт Сан-Жорже, его стен и башен, высоко вознесшихся и над современным городом, раскинувшимся, как и каждый уважающий себя город, на семи холмах, дает осязаемое представление о значимости средневековой столицы страны — королевств Португалии и Алгарве.

Попав в руки христиан, Лиссабон, конечно, сильно изменился. Перестраивались внутригородские кварталы, множились дома горожан, выходя за пределы кольца стен. Лиссабон, как и другие христианские города, делился на приходы. Перед захватом его у арабов он насчитывал около 5 тыс. жителей; затем, несмотря на остававшуюся реальной в течение почти 50 лет угрозу военных нападений, начал неудержимо расти. В XIII в. он был уже вдвое больше, чем в последние годы арабского владычества. По приблизительным оценкам, во второй половине столетия в городе насчитывалось уже около 14 тыс. жителей. Это заставило королевскую власть всерьез подумать о защите Лиссабона, и вокруг него была сооружена вторая стена, обрамлявшая пространство площадью около 60 га, на которой располагались 10 приходов. К концу XIII в. город был вдвое богаче и населеннее любого другого города королевства.

Рост Лиссабона продолжался и в следующем веке, хотя над страной гремели войны, бродила «черная смерть», чума 1348—1351 гг., унесшая в прибрежных районах до двух третей населения, скорбно звонили колокола по тем, кто пал от меча и голода. В эти страшные годы, охваченные ужасом всеобщей гибели, в Лиссабон стекались люди из других городов и деревень. К концу XIV в. в городе было уже 30 приходов, в которых жило, по приблизительным подсчетам, около 35 тыс. человек. Была построена еще одна — третья — стена, которая охватывала до 102 га, как в Съене, Данциге, Дижоне, И все это несмотря на то, что во второй половине XIV в. Лиссабон выдержал две осады кастильских войск, во время которых многие постройки и укрепления были разрушены, а горожане гибли от ран, голода и болезней.

Подобное соотношение Лиссабона с другими городами страны сохранялось и в дальнейшем. В середине XVI в. он стал одним из крупнейших городов на полуострове — в нем насчитывалось 100 тыс. жителей, а следующий за ним по величине город страны — Порту насчитывал всего 50 тыс.⁵ Превращение

Лиссабона в столицу не только королевства, но и огромной заморской империи окончательно лишило остальные города возможности соперничать с ним. Интересно, что и сейчас в Лиссабоне живет около десятой части населения Португалии.

* * *

Города занимают в истории Португалии особое место. Как ни значительны те крупные городские центры, о которых шла речь выше, дело не только в них. Огромная сеть более мелких городов и городков, замков, вокруг которых складывались поселения городского типа, покрывала всю страну. Они были важными опорными пунктами Реконкисты, под знаком которой прошли первые века существования графства и королевства Португальского. Иногда встречается утверждение, будто военные действия в средние века почти не зависели от того, взят или не взят тот или иной город; основное — разбить войска противника, а крепость или город, не желающий сдаваться, можно-де обойти, устремившись за главной добычей. Утверждение сомнительно, но даже если и справедливо по отношению к другим районам Западной Европы, то никак не применимо к Пиренейскому полуострову. При том значении, которое имели города и поселения городского типа для арабской иберийской цивилизации, при концентрации в городских цитаделях знатнейших феодальных арабских родов, возглавлявших воинские соединения, именно захват города имел решающее значение для исхода войны. Как ни важна была победа Афонсу Энрикеша при Орике, только закрепление ее захватом Сантарена и Лиссабона принесло ему власть над новыми землями королевства. Завоевание городов составляло особую славу португальских королей, их укрепление — особую заботу. Старые португальские хроники пестрят сообщениями о взятии или утрате городов или замков, о начале и завершении их строительства.

Именно роль городов в защите и освоении новых земель объясняет то, почему короли охотно жаловали городам и поселениям привилегии, освобождая жителей от некоторых налогов, но обязывая их нести военную службу или заменять ее платежами в пользу короны. Эта же роль определила социальный облик португальского города в целом, значительную долю жителей которого составляли лица привилегированного статуса — кавалейру.

Продвижение Реконкисты с севера на юг в сочетании с географическими особенностями королевства вызвало заметные различия в развитии городов севера и юга страны. На севере преобладали небольшие городки, центры ярмарочной и рыночной торговли, нередко возникавшие около замков. Разумеется, они в незначительной степени испытали на себе воздействие арабской городской традиции. Более зримый его отпечаток несли на себе города центра и юга. Однако если не всматриваться в различия, а представить город вообще, то окажется, что для всех городов Португалии типично одно: относительно меньшее развитие ремесла, чем торговли, будь то местная — в основном продуктами сельского хозяйства, или дальняя морская в крупных портовых городах. Из ремесленных занятий горожан преобладало изготовление тех предметов, что требовались им в жизненном обиходе повседневно, а также всего того, что требовали нужды торговли и мореплавания. Исключение, пожалуй, составляет кораблестроение, достигшее в Португалии замечательной высоты и искусства. Португальские галеоны и каравеллы славились на всю Европу. Собственно, и сам тип корабля-каравеллы был создан португальцами.

Королевская власть Португалии уже с первых лет самостоятельного существования понимала, сколь важны города не только как центры, обеспечивавшие военную, оборонную мощь королевства, но и как средоточие экономической жизни. Корона старалась сохранить в своем владении более или менее значительные города. Афонсу, получив под свою власть Эвору, передал ее Ависскому ордену — за большие заслуги перед короной. Однако довольно скоро король предложил ордену обмен Эворы на замок Авис, по имени которого, собственно, и получил орден свое название.

Забота короны о росте городов, об увеличении числа ремесленников и торговцев нашла отражение в пожаловании королем привилегий городам, фиксировавшихся в фюралах, в издании грамот, разрешавших рыночную и ярмарочную торговлю. Это вызывалось совершенно естественным желанием увеличить поступления в казну от городских платежей, которые составляли значительную часть королевских доходов. Независимость, сила и богатство городов обеспечивали маленькой Португалии возмож? пост? противостоять притязаниям Леона-Кастильской монархии. Не меньшую роль в заинтересованности короны в городском хозяйстве играло и то, что сам король, члены королевской семьи были крупными городскими собственниками. По «Книге имуществ королей», в Лиссабоне имелись улицы, одна сторона которых целиком состояла из домов, лавок, складов, принадлежащих королю, а также мастерских, которые могли использоваться по назначению, а могли сдаваться в наем⁶.

Несомненно, и город был озабочен тем, чтобы корона поддерживала его. При сохранении сильной центральной власти и существовании мощной аристократической оппозиции города могли рассчитывать именно на корону в своих желаниях получить привилегии, долю в военной добыче и т. д.

Города, однако, никогда не достигали такого уровня автономии, чтобы можно было говорить о движении, аналогичном возникновению коммун во французских средне-исковых городах. Роль короля (а в редких случаях сеньора) всегда оставалась очень велика. Долгое время инициатива в отношениях городов с короной принадлежала королям, а автономия городского поселения осуществлялась в пределах, определяемых

королевской властью. В этом, как и во многом другом, прежде всего сказалась роль Реконквисты. Но интересно, что ее влияние паложилося и на мусульманскую городскую традицию, не знакомую с муниципальными свободами или автономией, основанной на городских привилегиях.

При таком положении португальского города любые внутригородские изменения, любые социальные движения или перемены в городской организации неизбежно влекли за собой и изменения во взаимоотношениях города и короны, именно короны, а не феодального сеньора, как это было во многих странах Западной Европы. Исключение, и весьма яркое, представляет собой история отношений с сеньорами города Порту. Она восходит к правлению Терезы, когда та, оставшись после смерти Энрике во главе графства, нуждалась в поддержке сильных людей Португалии. Если вспомнить положение Португалии и ее размеры в те годы, значение Порту — намного выше, чем в последующие эпохи. Это было сердце страны, ее основа — ведь Коимбра — следующая веха на пути Реконквисты к югу — еще помнила своих прежних владельцев; и двух поколений не сменилось с той поры, как она стала принадлежать графам португальским. Поэтому обладание городом Порту было весьма заманчиво и с политической и с экономической точек зрения. Было непросто попятить причины, по которым этот ценный дар был сделан Терезой епископу Порту — Уго. В апреле 1120 г. она составила дарственную грамоту епископству Порту «на весь этот город... с округой... с церквями и замком»⁷.

Три года спустя епископ пожаловал городу форал, который установил права населения и сеньора, определил штрафы и повинности горожан⁸.

Для правления Афонсу Энрикеша были полны сражений, со славными победами и неизбежными поражениями. Сын его, Саншу, к счастью, не столь воинственный, занялся упорядочением отношений на тех землях, которые были завоеваны его отцом и уже вошли в состав королевских владений. В бытность Саншу на троне появилось огромное число форалов, которыми он наделял и города, и городки, и деревни. В португальской исторической традиции Саншу I получил прозвище *Populador* — Освоитель.

Крупный северный город не мог не интересовать Саншу. И когда в Порту возник конфликт между епископом и соборным капитулом, король попытался вмешаться, надеясь, видимо, вернуть себе былое влияние там. Скорее всего, именно это и подтолкнуло горожан к действиям. Подспудное недовольство сеньором вырвалось наружу. Поведение горожан было столь решительным, что епископу пришлось бежать из города. Он едва ускользнул от ярости восставших, бросив на разграбление свое состояние. Дома прелатов и сторонников епископа были разгромлены. Епископ Мартинью, напуганный размахом движения в городе и не видя сторонника в лице короля, отправился в Рим, к папе. Оттуда он наложил на свой мятежный город интердикт.

За 200 лет борьбы города за свою свободу горожане много раз подвергались отлучению от церкви. И тем не менее шли на это, годами отказываясь подчиняться епископу.

Восстание в Порту длилось около трех лет. Только когда в 1211 — 1212 гг. Саншу I на смертном одре смирился с решением папы и восстановил права епископа на город, а папа, в свою очередь, снял с Порту интердикт, волнения в городе на время прекратились.

Однако спокойствие в Порту было обманчивым и недолгим. Случались поджоги и убийства, столкновения горожан с людьми епископа. Наследник Саншу I, видимо, осознав значение города и оценив те убытки, которые наносило казне отсутствие поступлений с Порту, вновь попытался постепенно, хотя бы частично, вернуть Порту короне, потребовав выплаты государю торговых пошлин, которые в дарственной Терезы впрямую не упоминались — да она ведь и не могла предвидеть, что город станет таким крупным торговым центром. И почувствовав поддержку, пусть хотя бы в форме вмешательства в городские дела монарха, горожане сразу же восстали против епископа Педру Салва-дореша. С момента прошлых волнений прошло чуть больше 10 лет.

Конфликт разрешился как и в прошлый раз, только чуть-чуть скорее: епископ обратился за помощью к папе, который вынудил Афонсу II просить у него прощения и договориться с Педру Салвадорешем. Через два года на мировую пошли и горожане.

Резкая вспышка недовольства горожан относится к 1226 г. Она вновь шшлекла за собой интердикт и отлучение. Жители Порту требовал отмены сеньориальных платежей и повинностей, не желали работать «на епископа». Сопrotивление горожан, правда не в столь резких формах, продолжалось до 1240 г., что не в последнюю очередь связано с надеждой жителей Порту на помощь короля. Эти чаяния основывались на той централизаторской политике, которую португальские монархи пытались проводить уже с начала XIII в. Стремление описать феодальные владения, составив «расследования», с тем чтобы вернуть незаконно присвоенные светскими и церковными сеньорами земли, усиление контроля в городах со стороны королевской власти, выразившееся в назначении новых специальных чиновников — меринью-мор — для проверки состояния дел на местах, принятие ряда мер против злоупотреблений сеньоров и городских властей — вот основные моменты этой политики.

Может быть, поэтому горожане Порту неизменно стремились к союзу с королевской властью, невзирая даже на то, что отдельные действия короны наносили ущерб и интересам горожан. Так случилось в начале правления Афонсу III, твердой рукой продолжавшего в отношении Порту политику своих

предшественников.

Началось все с того, что епископ Порту бросил в лицо королю обвинения в нарушении прав истинного сеньора Порту: король-де заманивает горожан в королевское войско, обещает им свое покровительство и даже защиту от епископа. Интересно, что среди претензий епископа есть и такие, которые можно расценить как защиту интересов жителей Порту: он перечисляет незаконный сбор военных податей, злоупотребления правом на постой королевских должностных лиц и самого короля и т. д.

Монарх и епископ не смогли договориться о правах каждого из них в городе. Поведение епископа было столь вызывающим, что Афонсу III пошел на крайние меры — со своим войском занял Порту и обязал епископа выплатить довольно значительный штраф. Несколько человек из числа сторонников епископа были казнены. Но самое главное — король к тому же повелел запретить торговлю на городских рынках товарами, подвозимыми по реке или с моря; теперь торговля должна была производиться на левом берегу реки Дору — в принадлежащем королю городке Вила-Нова-де-Гайа. В Порту же была запрещена свободная продажа соли, от которой горожане получали постоянный и немалый доход, издавна пользуясь монопольным правом на торговлю солью на севере страны. Теперь же все суда, подходившие к Порту по реке или со стороны океана, направлялись и разгружались в Вила-Нова-де-Гайа.

Для торгового и ремесленного города, каким стал к этому времени Порту, такое решение было страшным ударом. И тем не менее ярость горожан не обратилась против людей короля. Никакого «антикоролевского» восстания не произошло. Через четыре года на кортесах в Лейрии депутаты Порту просили Афонсу III отменить наложенные ограничения. Не желая идти на открытый конфликт с горожанами, Афонсу снял запрет на торговлю солью, а еще через год установил правило, по которому половина прибывавших кораблей, более крупных, чем пинаса¹⁴, должны были разгружаться в Вила-Нова-де-Гайа, а половина — в Порту. Таким образом, провозные и въездные пошлины отныне шли в казну и с епископского города, хотя и в половинном размере. Правда, эта победа короля не была окончательной — при Динише, приемнике Афонсу III, права Порту на свободную выгрузку и торговлю были восстановлены, как и права епископа на доходы. Большинство должностных лиц короны покинули город, а оставшиеся получили указание не вмешиваться в дела епископа.

Однако для правления Диниша (1279—1325), во многом знаменовавшего расцвет португальской средневековой монархии, характерно и начало бурного роста городского хозяйства, приведшего через столетие к изменениям внутрисполитического характера. Горожане Порту все больше тяготились постоянной и жесткой опекой епископа, тем более что на основе торговли, особенно дальней морской, начал складываться слой средневекового городского патрициата.

В 1316 г. горожане Порту взяли в свои руки инициативу в конфликте между королем и епископом. Они обратились к Дигшшу с жалобами на епископа, среди которых, кроме стандартных lamentаций по поводу неоправданно высоких налогов, податей и злоупотреблений, были и такие важные для развивающегося города, как жалоба на ограничение торговли домами и землями, изъятие из пользования горожан общинных земель, водных источников, наконец, запрет апеллировать к монарху в спорных случаях. Диниш постарался воспользоваться этим обращением португальцев. Королевский суд объявил, что те права и земли, которые епископ Фернанду Рамиреш отнял у города, должны быть возвращены населению, а для контроля и помощи жителям в Порту назначается королевский судья, наделенный уголовной и гражданской юрисдикцией, правда при этом и епископский судья сохраняется.

В течение семи лет добивался епископ отмены королевской юрисдикции в городе, и наконец, как это часто случалось в Португалии, устав от бесконечных тяжб, Диниш решил отозвать своего судью. Но горожан не устраивало это решение короля. По рассказу летописца, член городского совета и толпа горожан, явившись в здание совета, выдворили оттуда епископского судью, объясняя свои действия тем, что присутствие его в суде «не нравится совету Порту...»⁹

Бесконечные конфликты вокруг судебного «двоевластия» более или менее разрешились при следующем монархе — Афонсу IV, правителе достаточно жестком и решительном. Взойдя на трон, он даровал Порту право выдвигать из зажиточных горожан восемь человек, из которых епископ назначал двух судей.

Фактически это была первая возможность выбирать и иметь в городе своих должностных лиц, пусть и санкционированных епископом. И это завоевание город был готов защищать всеми возможными средствами. Король, постоянно вмешиваясь в дела города, как бы создавал тем самым определенные гарантии оппозиции епископу.

Чаша весов должна была склониться в ту или иную сторону. В 1343 г. епископ отказался одобрить выборы судей. Это было его первым шагом к полному восстановлению сеньориальных прав епископа на город. На кортесах в Седофейте он выступил с самыми резкими обвинениями в адрес горожан, короля и его придворных. Но и король, Афонсу IV занял столь же непримиримую позицию. В городе начались беспорядки,

¹⁴ Пинаса - узкая небольшая ладья.

и епископу пришлось срочно покинуть город; он проскакал за ночь 14 легу¹⁵, рассказывая всюду, «что его собирались схватить и убить по приказу короля»¹⁰. Он намеревался отлучить короля от церкви и наложил интердикт на Порту и всю его округу. Этот — последний — интердикт был объявлен в 1345 г

Более полувека продержался Порту в условиях отчуждения от всего остального христианского мира, под ливнем анафем, отлучений, проклятий — как епископских, так и папских, сопровождавшихся погребальным звоном колоколов и ритуальным гашением свечей. Четыре короля сменились за это время на португальском престоле. Два поколения выросли и родились в «зачумленном» городе. Наконец, в 1406 г. король Жоан I сумел добиться от португальского епископа согласия на договор, по которому король получал все права над городом, компенсируя это ежегодной выплатой епископу 3 тыс. либр¹⁶. Лишь после этого Рим снял интердикт.

Борьба горожан Порту поражает накалом и упорством. В течение 200 лет почти непрерывно город сотрясали вооруженные выступления горожан, стычки со сторонниками епископа, погромы дворца епископа и т. д. Эта борьба осложнялась ролью церкви в Португалии: так как пана римский был не только духовным пастырем, но и сюзереном королевства, любой конфликт с епископом становился известен непосредственно Римскому престолу, который применял давление на короля как на вассала, и церковные наказания. Тем удивительнее стойкость португальцев. Видимо, необычный для Португалии XIII — начала XIV в. размах движения в Порту объясняется исключительностью его положения — это был единственный город в стране такого масштаба, уровня развития экономики и значения для своего региона, находившийся в сеньориальной зависимости. Перед глазами его жителей постоянно были примеры королевских городов — Лиссабона, Эворы, Коимбры.

Сеньором этих городов был король. Но, поскольку власть государя отнюдь не равна власти феодального сеньора, формы и результаты их взаимоотношений были гораздо многообразнее.

Наиболее ранним из выступлений горожан в Португальском графстве стали события в Коимбре в НИ г. Бунт вспыхнул во время отсутствия графа Энрике. Восстание сразу приобрело довольно бурный характер: представители сеньора были изгнаны из города, а когда Энрике пожелал вернуться в Коимбру, его не впустили. Примирение оказалось возможным только после пожалования Коимбре фюрала, права и привилегии которого, следовательно, представляли собой не столько акт доброй воли графа, сколько условия мирного соглашения¹¹.

Видимо, восстание возникло из-за злоупотреблений должностных лиц графа и нарушений ими городских обычаев. Опираясь на ряд документальных свидетельств, португальские историки считают, что Коимбра уже в конце XI в. пользовалась фюралом, который или не дошел до нас, или вообще не был записан. Скудость источников делает загадкой имена и требования тех, кто поднял знамя неповиновения. Однако в городе существовала сильная мосарабская община, связанная с местной знатью; недаром еще в 1064 г., после завоевания Коимбры Фернандо Великий, кастильский монарх, сделал ее правителем графа Сиснандо, принадлежавшего к мосарабской аристократии. Вполне естественно, что сложившаяся здесь верхушка не хотела уступать своего положения той группировке, что возникала вокруг нового правителя — Энрике Бургундского. Возможно, что должностные лица графа были чужеземцами (по крайней мере в фюрале названы двое из них — Муннио Баррозо и Эбралд), и это усугубило ситуацию, что характерно и для других подобных событий на полуострове того времени.

Фюрал Коимбры 1111 г. свидетельствует прежде всего о желании горожан упорядочить их отношения с центральной властью. Основное в фюрале — договор о правах графов в городе и о привилегиях его жителей. В заключении фюрала подчеркнуто, что город никогда не будет никому отдан во владение. Обещание не допускать в Коимбру пресловутых должностных лиц графа дает возможность предполагать, что Муннио Баррозо и Эбралд начали в отсутствие графа действовать в городе, как в своей вотчине. Отныне же алкайдом города мог быть только уроженец Коимбры, и это было записано в фюрале. Чувством облегчения и согласия веет от последних слов фюрала, обращенных графом Энрике к жителям: «Обещаю не держать в памяти и сердце дурных мыслей и гнева за то, что вы против меня содейали, но благодарю вас за то, что вы объединились с нами, и буду оказывать вам почести всевозможные, и никогда не будет, нанесено ущерба и бесчестья ни вашим состояниям, ни вам самим»¹².

Восстание в Коимбре стоит особняком в XII в. Некоторые португальские историки полагают, что подобные события произошли в это время и в других местах, ссылаясь на это наличие в фюралах таких слов, как: «...жалуем фюрал для соблюдения спокойствия в городе». Но это слишком незначительный намек, чтобы на него можно было всерьез положиться...

Если же не считать событий в Порту, и XIII век тоже не дает нам сколько-нибудь достоверных сведений об открытых конфликтах короны с городами, или — шире — вообще о городских восстаниях. Да это и понятно, ибо XII и вся первая половина XIII столетия — это завоевание и освоение земель Алгарве, в

¹⁵ Средневековая мера длины — 5-7 км.

¹⁶ Средневековая португальская денежная единица. В начале XV в. из 1 марки серебра (около 229,5 г) чеканилось 2,2 тыс. либр.

которых города играли далеко не последнюю роль. И их заинтересованность в королевской политике Реконкисты, и заинтересованность короля в помощи городов в Реконкисте взаимообусловили мирное развитие их отношений в это время.

Видимо, и значение городов в Реконкисте вызвало к жизни появление представителей городов в королевской курии, что, в свою очередь, привело к постепенному складыванию кортесов — сословно-представительного учреждения средневековой Португалии.

* * *

Вскоре после победоносного похода Афонсу III на юг страны и присоединения Алгарве придворные и знатные люди королевства собрались в Лейрии. Но в отличие от обычных заседаний королевской курии в 1254 г. в Лейрию прибыли и горожане. Королевская грамота отметила, что в заседаниях курии участвовали «прелаты, знать королевства и добрые люди из городов» страны¹³. Именно здесь выступили со своей просьбой жители мятежного Порту. Таково начало португальских кортесов.

Страны Пиренейского полуострова первыми в Европе пришли к такой форме правления, как сословно-представительная монархия, — в Арагоне и Кастилии она возникла уже в XII в. История португальских кортесов — это 486 лет съездов депутатов по королевскому призыву. За это время кортесы собирались 122 раза¹⁷. Редкие в XIII в, кортесы все чаще собираются в XIV в., потому что города становятся все важнее в жизни страны в это время. Нелегкое XIV столетие — столетие войн, неурожаяев, эпидемий — требовало от королевской власти и казны большого напряжения. А именно от городов зависело на кортесах, принять или отвергнуть королевскую просьбу о субсидии на войну или королевское бракосочетание; запретить казне порчу монеты или позволить уменьшать в ней содержание драгоценного металла, чтобы поправить финансовые дела королевства¹⁴.

После упорной борьбы в 1383—1385 гг., когда на трон взошла Ависская династия португальских королей, в чем города сыграли решающую роль, а кортесы — далеко не последнюю, их влияние неизмеримо возросло. Особенно это заметно при Жоане I и его сыне Дуарте. За 50 лет правления Жоана кортесы собирались 25 раз, т. е. в среднем каждые два года. Дуарте стоял у власти всего 5 лет, созвав за эти годы кортесы четырежды. При Афонсу V за 43 года кортесы собирались 20 раз. Затем их ассамблеи заседают все реже и реже, замирая к концу XVI в., в связи с развитием в португальском государстве черт абсолютизма, избежавшего сословного представительства.

Пережив упадок в XVI — начале XVII в., кортесы ненадолго вновь заняли прежнее место в жизни португальского общества сразу же после 1640 г., когда они стали выражением единства народа и королевской власти в борьбе за независимость Страны от Испании и символом старой доброй Португалии, к истокам и основам которой обращали свои взоры политики избавившегося от чужеземного владычества народа¹⁸. Благодаря их усилиям родилась патриотическая легенда о кортесах в Ламегу — мифических кортесах 1143 г., якобы провозгласивших Афонсу Энрикеша королем Португалии и вручивших ему от имени народа право на владение страной и управление португальцами¹⁵. Делая народную волю источником королевской власти, легенда оправдывала разрыв с Испанией и делала законной передачу португальского престола династии герцогов Браганских.

Трудно сказать, зависела ли периодичность созыва кортесов от королевской воли или, наоборот, была показателем давления на короля со стороны сословий. Но положение кортесов — очень чуткий барометр ~ всегда точно отражало реальное соотношение сил в стране; и в этом смысле кортесы — инструмент обратной связи между королем и сословиями.

Португальские кортесы состояли из трех сословий: духовенство, знать и представители горожан; с 1331 г. горожане заседали отдельно, обсуждая и вырабатывая общие требования городов.

Нередко затем на ассамблее после общих статей горожане подавали и конкретные жалобы городов, если их содержание оказывалось не актуально для всех или многих городов Португалии.

За два-три месяца до начала ассамблеи королевской канцелярией рассылались приглашения. Длительность заседаний не регламентировалась. Как правило, сессия длилась месяц-полтора, хотя известны и очень короткие — до двух недель — заседания. Некоторые кортесы работали больше полугода, по это редкие исключения, а такого, чтобы они заседали по нескольку лет, как это бывало в Кастилии или в практике церковных соборов, не известно.

Кортесы собирались в разных городах. Чаще всего — 42 раза — они проходили в Лиссабоне, но проведение их в столице было далеко не правилом. Второе место занимает Сантарен, третье — Коимбра, четвертое — Эвора, а пятое делят Порту и Гимарайнш.

Представительство от городов было далеко не равномерным. В кортесах присутствовало большое количество мелких северных городков, в то время кап Алгарве представляли прокурадоры¹⁹ одного города — Силвеш. Конечно, здесь сказывается и то, что на юге страны в начальные периоды истории королевства, когда

¹⁷ Некоторые заседания кортесов не документированы, поэтому 19 собраний вызывают сомнения.

¹⁸ См. очерк «Конец эпохи трех Филиппов».

¹⁹ Прокурадоры - выборные от города.

складывался орган сословного представительства, городов было меньше, и то, что в северных землях Португалии видели оплот королевства.

Представители пяти первых городов страны — Лиссабона, Сантарена, Коимбры, Эворы, Порту — имели право во время заседаний кортесов сидеть на первой скамье. Существовало даже выражение — «города первой скамьи». Первый документ, по которому можно судить о расположении сословий в зале заседаний, относится к XV в. Перед королем и должностными лицами королевской администрации располагались 16 рядов скамей. На каждой скамье усаживались представители не более чем пяти городов. По краям вдоль стен по правую руку от короля восседали знать, графы, фидалгу²⁰, члены королевского совета, по левую — клир. Этот порядок размещения был довольно устойчивым и мало менялся по существу, несмотря на возможное изменение числа депутатов (в 1442 г. на кортесах было представлено 68 городов, а в 1483—87). На ранних созывах иногда присутствовали представители всего нескольких городов, причем выбор их был достаточно случаен, а нередко обусловлен тем, что у города накопилось много жалоб и он решил обратиться в кортесы с петицией. Позднее от каждого города приезжали два человека, но изредка их могло быть и четыре (такую привилегию даровал Жоан I Лиссабону и Порту после событий 1383—1385 гг.), и одни потарий.

В день, назначенный для торжественного открытия кортесов, представители всех сословий, заранее съехавшиеся в тот город, где они проводились, собирались на церемонию открытия, чаще всего во дворце, например в зале Королевы дворца Рибейру в Лиссабоне. Кортесы открывал монарх. Лишь если он был болен или пребывал на театре военных действий, либо еще не достиг нужного для управления государством возраста, кортесы открывали королева, принц-наследник или регент. Нередко уже со следующего дня сословия работали раздельно. Знать оставалась в том же зале, представители духовенства собирались в городском соборе, а горожане — обычно в одном из монастырей, в Лиссабоне — в Сан-Домингуш или Ду-Карму. Летом кортесы могли заседать во внутреннем дворике монастыря, как, например, в Эворе в 1535 г., когда они разместились в апельсиновом саду.

Раздельная работа ассамблей помимо обсуждения важных вопросов предполагала и выборы тех, кто затем от имени каждого сословия выступал перед королем, выражая общее мнение сословия. Это вполне естественно, ибо на кортесах решались самые разные проблемы государственной и общественной жизни: от утверждения мирных договоров до проблем социальной справедливости на уровне права на ношение той или иной одежды. Но главное место, как правило, занимал вопрос о налогах и близкие к нему темы. Ведь горожане несли в стены ассамблей кортесов свои жалобы на неправильный сбор пошлин, на искусственное занижение цен на рынке королевскими чиновниками, на принудительные общественные работы по постройке стен и укреплений, на обязанность содержать королевскую свиту и самих членов королевской семьи, когда они приезжали в город, на злоупотребления местных властей. И надо отметить, что многие такого рода требования горожан бывали удовлетворены.

В XIV в., осознав свои силы, города старались защитить не только себя от злоупотреблений центральной власти, но и свои доходы от притязаний фидалгу и духовенства: они требовали, чтобы каждый, кто занимается торговлей, наравне с ними платил налоги, не прикрываясь сословными привилегиями, или — в противном случае — бросал свою торговлю. Горожане мечтали о подлинном участии в управлении государством, значительно большем, чем просто санкционирование налогов. Конфронтация между королевской властью и горожанами становилась все жестче. Первый период относительно спокойных отношений городов и короны истекал; вторая половина XIV в., чреватая социальными конфликтами, разрешилась бурными событиями 1383—1385 гг.

«Да здравствует Португалия!»

Португалии везло на королей. Афонсу Энрикеш, Афонсу III, Диниш — на протяжении столетий ее правители отличались силой характера и величием замыслов. Интересно, что и правили многие португальские государи подолгу: Афонсу Энрикеш — без малого 60 лет, Афонсу III — 34 года, Диниш — 46, Афонсу IV — 32. Да и позднее мы видим Жоана I, который пребывал на троне почти 50 лет, Афонсу V, царствовавшего 43 г. Интересно и другое: в те времена, когда в Византии лишь треть всех императоров умерли собственной смертью, когда английский король Эдуард II был убит по велению королевы, когда претендент на кастильский престол Энрике Трастамара зарезал Педро Жестокого, своего сводного брата и соперника, — в эти времена ни один король Португалии не расстался с жизнью и королевством подобным образом. Правда, раздраженная знать и церковь вынудили бежать в Кастилию прошедшего 22 года у кормила власти и не угодившего своевольным сеньяорам Саншу II и призвали в Португалию его брата, будущего Афонсу III, по тем дело и кончилось. Правда, Афонсу IV, еще будучи инфантом, с оружием в руках выступил против своего отца Диниша, но до свержения с престола или дворцового переворота все же не дошло. Традиционно сильная

²⁰ Фидалгу - один из разрядов феодального класса, занимал на иерархической лестнице вторую ступень вслед за высшей аристократией — рико омен.

королевская власть, обусловленная и Реконкистой, и долгим противостоянием Португалии своей единственной соседке и сопернице — Кастилии, оставалась характерной чертой истории Португалии на протяжении всего средневековья.

Уже в конце правления Диниша проступили признаки перемен — и не к лучшему. Несколько неурожайных лет, голод, рост цен, появление на дорогах страны бродяг стали предвестниками грядущего XIV столетия — столетия смут, войн и восстаний. А в 1348 г. пришла «Черная смерть». Обезлюдевшие деревни, переполненные города, куда в страхе и надежде устремились толпы, постоянная нехватка денег в казне, да к тому же ощутимые военные расходы на разорительные Кастильские войны и хотя не столь значительное, но все же участие Португалии в Столетней войне — вот с чем столкнулась страна во второй половине XIV в. Но те же многолюдные города именно в XIV в. послали первые корабли в Атлантику, а первых своих легистов — ко двору. Города набирали силу и позволяли себе высказывать недовольство королями. Кризис разразился в конце столетия на исходе правления Фернанду I, последнего короля Бургундской династии.

Фернанду был старшим из сыновей короля Педру I. Судьба выковала из Педру сурового человека. В юные годы принц Педру страстно влюбился в придворную даму своей супруги уроженку Кастилии Инес де Кастро. После смерти жены в 1345 г. Педру тайно обвенчался с Инес, от которой имел еще троих сыновей. Этот союз был неугоден его отцу, Афонсу IV, и двору — они боялись усиления в Португалии кастильского влияния. По приказанию старого короля в отсутствие Педру Инес закололи кинжалами. Ярости Педру не было границ. После смерти Афонсу IV убийцы бежали в Кастилию, но были по просьбе Педру выданы и казнены. Отдавая долг памяти Инес, Педру обнародовал свой брак с нею, а затем приказал эксгумировать тело Инес, одеть в королевские одежды и, поместив на трон, оказывать королевские почести. После этого Инес была погребена в роскошной гробнице, напротив которой, по его завещанию, был похоронен впоследствии Педру. Он больше официально не вступал в брак, но одарил своим вниманием среди прочих и дочь зажиточного лиссабонца Терезу Лоуренсу, своего сына от которой, Жоана, он назначил магистром Ависского ордена.

Правление Фернанду отличалось редкой нестабильностью. Строительство кораблей и замков плохо сочеталось с постоянной порчей монеты; разумные военные реформы сводились на нет бесполезными и убыточными войнами с Кастилией. Достаточно было ничтожного повода, чтобы недовольство взорвалось бунтом. И повод вскоре появился, и притом значительный. Для прекращения бесконечных войн с Кастилией Фернанду собирался вступить в брак с кастильской принцессой. Однако среди его придворных дам была некая Леонор Телеш, из знатного рода, супруга графа Да Кунья. Энергичная, умная, красивая, эта незаурядная женщина сумела не только пленить короля, но и стать его супругой, предварительно добыв у папы (благо церковь раздирала схизма и ради сохранения союза с Португалией Урбан VI шел на многое) разрешение на развод. В народе ходили слухи, что Леонор — колдунья¹, очаровавшая короля, но кто пустил этот слух — навсегда осталось тайной. Во всяком случае, любовью португальцев она не пользовалась. Но, кроме моральной стороны вопроса, надо помнить и другую: разрыв брачного договора с Кастилией, чреватый новой войной, пугал истощенную страну. Лиссабон взволновался. На улицы вышли ремесленники, арбалетчики, солдаты; вооруженные люди подступили к дворцу, требуя, чтобы король отказался от брака с Леонор. Вышедший к ним Фернанду, стараясь успокоить толпу, пообещал наутро встретиться с восставшими в монастыре Сан-Домингуш и обо всем договориться. Горожане намеревались силой принудить короля согласовывать свои желания с интересами португальского престола². По имени одного из предводителей это выступление было названо восстанием Фернана Вашкеша.

Но на следующий день открылось, что ночью Фернанду вместе с Леонор бежал из города. Тем временем разгневанная вероломством кастильцы осадили и сильно разрушили Лиссабон, так что возвращение короля в обессиленный город не вызвало нового взрыва возмущения. Как и следовало ожидать, Фернан Вашкеш со товарищи были казнены, а их имущество передано в казну.

Это случилось в 1371—1373 гг. Наказанный, но неумиротворенный Лиссабон на десятилетие замер, а затем новый взрыв потряс и город, и всю страну.

В 1383 г. Фернанду, уже больной, окруженный прока-стильски настроенными приближенными Леонор и, возможно, под их давлением, подписал брачный договор своей малолетней дочери Беатриш и кастильского короля Хуана I. Так как у Фернанду не было других детей, то этот договор означал, в сущности, утрату Португалией самостоятельности. В сочетании с присутствием в городе кастильских отрядов, обилием при дворе кастильских дворян это вызывало тревогу лиссабонцев и особенно торгово-ремесленной верхушки, интересы которой нередко сталкивались с интересами кастильского купечества.

В октябре 1383 г. Фернанду I скончался. Регентство осуществляла Леонор. К ней, как к правительнице королевства, сразу же после смерти короля пришла депутация горожан. Фактически они требовали допуска к политической власти — ввести в королевский совет представителей ото всех областей страны. Кроме того, они настаивали на изгнании из королевского совета уроженцев Галисии и Кастилии и прекращения их участия в делах Португалии³.

Леонор отказала депутатам, Более того, опасаясь усугубления разлада с горожанами, она, поторапливаемая королем Кастилии, решила объявить дочь королевы Португалии. Это почти автоматически делало Хуана I государем португальцев. Именно поэтому попытка объявить по городам о восшествии на

престол новой королевы, маленькой супруги могущественного короля Кастилии, уподобилась искре в стог сена. Лиссабонцы восприняли это известие с большим недовольством и ропотом. «Вот продается Португалия, отвоение которой у мавров оплачено столькими головами и кровью!» — такие слова вкладывает в их уста португальский хронист⁴. В Сантарене раздавались голоса, требовавшие передать трон сыну короля Педру от Инес де Кастро. Возбужденная толпа схватилась за оружие, заставив алкайда укрыться в замке, в то время как собравшийся перед замком народ посылал кастильцев. В Элваше произошло примерно то же. На помощь алкайду были присланы королевой 150 кастильских воинов. Это, естественно, не привело к умиротворению. С криками «За Португалию!» горожане штурмовали замок⁵.

В то же время португальская знать, казалось, не возражала против воцарения Хуана I²¹, который в послании к королеве, знати и городам Португалии настаивал на своем праве на португальский престол и не скупился на обещания разных милостей. Это спокойствие объяснимо, если вспомнить старое, еще с первых веков Реконквисты родство, многочисленные перекрестные браки между португальскими и кастильскими знатными родами, наличие у многих португальских сеньоров земельных владений в Кастилии. Для этого слоя людей присоединение Португалии к Кастилии ничего не меняло — ни с социальной, ни с экономической точек зрения. К этому надо прибавить и свойственный верхушке феодалов некий, если можно так выразиться, космополитизм.

В начале декабря 1383 г. недовольство лиссабонцев достигло крайней точки. Особенно их оскорбляли частые появления Леонор на людях со своим фаворитом графом Хуаном Андейро. И среди придворных многие были недовольны набирающим силу фаворитом. Против него составил заговор, в который втянули — поначалу, возможно лишь как участника убийства — бастарда короля Педру, магистра Ависского ордена. Трудно поверить в подготовку этого предприятия без одобрения огромного Лиссабона, и королевский канцлер, Алвару Паиш, один из организаторов заговора, надо полагать, заручился поддержкой горожан.

6 декабря задуманное свершилось. Граф Андейро был убит во дворце. Как только это произошло, в окне дворца показался, как было условлено, Ависский магистр, а его паж в это время на улицах Лиссабона зычно звал на помощь магистру, которого якобы убивают во дворце. Огромная толпа быстро окружила дворец. Возглавляли пришедших Алвару Паиш и его сторонники. Многие были вооружены, некоторые несли вязанки дров и хвороста, чтобы поджечь дворец. Увидев в окне магистра, толпа возликовала, и теперь её гнев обратился на кастильцев. Большинство отправились на поиски епископа Лиссабона, дона Мартинью, родом из Саморы. Он спрятался в соборе. Взломав двери, народ ворвался внутрь и умертвил его. Вероятно, среди кастильцев были и другие пострадавшие. Леонор и ее двор спешно покинули столицу и перебрались в Аленкер — резиденцию в 40 км от Лиссабона. Оттуда Леонор известила о случившемся Хуана I⁶.

Заговор был осуществлен, но его организаторы, возможно, еще не знали, как воспользоваться успехом. Магистр, видимо, не рассчитывал оказаться вождем народного восстания во главе «разбушевавшейся черни». Да и не чувствовал он за своей спиной особой поддержки. В какой-то момент он даже задумал бежать в Англию. С другой стороны, и Алвару Паиш, не уверенный в силах лиссабонцев и оставшихся в городе дворян, в том числе и в самом магистре, предложил попытаться заключить союз с Леонор. Зная ее честолюбие, он решил устроить ее брак с магистром и выехал в Аленкер. Однако хитроумным замыслам не суждено было сбыться — престоноародный Лиссабон начал диктовать свою волю.

В городе стало в это время известно, что Хуан I готовится к нападению. Возбужденные лиссабонцы обратились к магистру, собрались в монастыре Сан-Домингуш и провозгласили его Правителем и Защитником королевства. Скорее всего, это был стихийный порыв городского населения, «свободного и неподвластного тем, кто думал по-другому»⁷. Кто же эти другие?

Дело в том, что наиболее «достойные» горожане, участ-вонаншие в событиях 6 декабря, здесь, в монастыре, не присутствовали. Они еще надеялись на мирное решение, на возвращение Паиша, на соглашение с Леонор. Но было уже поздно. На следующий день магистр, теперь Правитель и Защитник Португалии, принял на плечи бремя, возложенное историей. И хотя история сохранила свидетельства его колебаний, никто не сможет судить, насколько они были искренними. К сему были призваны «достойнейшие» и под давлением присутствовавших там ремесленников и другого городского люда признали магистра. Леонор была больше не нужна. Так был сделан первый шаг к трону магистром Ависского ордена, будущим Жоаном I.

* * *

Избрание магистра Правителем и Защитником королевства повлекло за собой окончательный разрыв отношений с Кастилией. Избрание было признано и поддержано большинством городов, но отнюдь не феодальных сеньоров. Более того, во многих местах оно было воспринято как сигнал к антифеодальным выступлениям. Внешне они были направлены против кастильских притязаний, но методы действий и социальная принадлежность участников говорят о том, что наружу вырвались антисеньориальные настроения.

В Эворе 2 января 1384 г. восставшие, осадив замок и не в силах взять его, привели дочерей и жен

²¹ По крайней мере, нам неизвестны случаи подобных протестов со стороны придворных или знати провинций.

защитников замка и, угрожая сжечь их на глазах у осажденных, вынудили тех сдаться. Замок был сожжен и разграблен. Под предводительством пастуха и портного восставшие захватили город и всех «богачей», подозреваемых в приверженности королеве и Кастилии, убили или изгнали, о чем сообщили в Лиссабон Ависскому магистру. Кроме того, они искали аббатиссу монастыря св. Бенгу, сторонницу королевы, обвиненную в действиях «против народа». Ее нашли в соборе, где она пыталась скрыться, но была схвачена и убита.

В Элваше народ захватил замок, едва только алкайд замка приказал провозгласить Беатриш королевой Португалии. В Беже 6 января жители под предводительством Гонсалу Нунеша, который был «не из богатых, но и не из самых бедных», и Вашку Родригеша с криками «Да здравствует Португалия!» овладели замком и заявили о поддержке Ависского магистра. Когда в городе стало известно, что неподалеку находится владелец многих имений в этой местности адмирал Лансероте, 50 всадников и 100 арбалетчиков и пехотинцев во главе с Гонсалу Нуне-шем схватили адмирала, привели в город и убили. Замки феодалов были взяты народом в Эштремуше и Порт-алегри⁸.

Такие выступления прокатились по всему королевству⁹. Хронист, свидетельствуя о них, для обозначения восставших использует чаще всего термин «народ». При этом, видимо, подразумевалась масса горожан, не принадлежавших к привилегированным сословиям: как зажиточная верхушка, так и ремесленники и прочие жители города.

Что же предпринял в этой обстановке Ависский магистр? В связи с необходимостью защиты Лиссабона сразу же после избрания был создан совет при правителе. Первый его состав практически однороден: это в основном представители городского патрициата. Ависский магистр и его совет приняли меры против кастильской партии, которая еще в декабре 1383 г. пыталась сопротивляться и противопоставить действиям горожан и сторонников Ависского магистра союз с Кастилией и ее военную силу. В Лиссабоне в целях безопасности был взят штурмом лиссабонский замок, где укрывались сторонники королевы, а торговцы Лоуренсу Мартинш и Даниэл Инглеш направлены в Англию с просьбой о военной помощи.

Сразу же остро понадобились деньги на нужды управления и защиты. Настрой горожан облегчал эту задачу. Так, найденные в монастыре сокровища — золото, серебро, ювелирные изделия — были переданы магистру для обороны. Совет одобрил просьбу правителя о сборе денег в размере 100 тыс. либр. Все свободные граждане должны были уплатить хотя бы по несколько монет — диньейру.

Значительные взносы причитались с монастырей и соборов. В результате в руках магистра оказалось 900 марок серебра. Остальные деньги предполагалось собрать с других городов Португалии. Обращение о сборе средств распространялось эмиссарами магистра повсеместно. Например, совет Монтемор-у-Нову постановил, что этот сбор должны уплатить все без исключения. Был введен также налог на каждую торговую сделку, как с продавца, так и с покупателя.

В связи с быстрым продвижением кастильских войск эти средства скорее всего не успели поступить в Лиссабон. Из-за угрозы нападения кастильского флота было приказано снарядить и вооружить торговые корабли, стоявшие в Лиссабонском порту. Были захвачены галисийские суда с грузом муки и продовольствия, предназначенным для кастильского флота. Те и другие были переоборудованы для ведения военных действий. Узнав о приближении кастильских войск, в Лиссабон собралось много крестьян. В предвидении осады был издан приказ запастись в городе как можно больше мяса, хлеба и прочей провизии. Были укреплены стены города и проверено состояние всех 67 башен и 38 ворот. Из жителей города формировались отряды для охраны городских стен под командой богатых горожан и фидалгу.

В первых числах января 1384 г. кастильские войска под предводительством Хуана I вторглись в Португалию. Они заняли Гуарду, епископ которой, сторонник королевы и кастильцев, сдал им замок и город. 8 января кастильцы вошли в Коимбру, а еще через четыре дня вступили в Сан-тарен, расположенный всего в 80 км от Лиссабона. Сюда прибыла королева Леонор и передала права регентства Хуану I, который с этого момента стал открыто бороться за португальский престол.

Можно представить себе разногласия в настроениях населения страны. Известно, что многие сеньоры и многие города официально объявили себя сторонниками законной королевы и Кастилии. Правда, Ф. Лопеш писал, что за Кастилию выступали не простые горожане, а алкайды и знать, «простонародье же заставляли отдать голос силой»¹⁰. Так поступил Лопу Гомеш де Лира, войдя в город Мей-ринью со своими вооруженными людьми. Население подобных этому городов не могло оказать помощи Лиссабону ни деньгами, ни людьми. Большая часть знати отказала магистру в поддержке. В Сантарене собрался весь цвет знати — и те, кто покинул Лиссабон вместе с Леонор, и те, кто присоединился позднее, после вторжения в страну кастильских войск. Эти противники лиссабонских мятежников опирались на те 54 города Португалии, которые высказались за прокастильское решение династического вопроса. Интересна эволюция позиции остальных представителей дворянства — тех, кто впоследствии оказался в лагере Ависского магистра. В составе первого совета магистра не упоминается ни одного представителя знати. Однако в таком составе совет действовал недолго. Представители дворянства начали переходить на сторону магистра и лиссабонского правительства, и одним из первых был Нуну Алвареш Перейра, который прибыл в Лиссабон, узнав о кастильском наступлении. Ависский магистр ввел его в совет. На сторону магистра перешли также Лоуренсу

Эанеш Фогаса — второй канцлер при дворе короля Фернанду, Руй Перейра — один из самых знатных людей в королевстве, Алвару Вашкеш де Нойш, архиепископ Браги Лоуренсу и др.

Изменение социального состава совета свидетельствует о перемене позиции части знати, в среде которой произошел раскол. Лопеш восклицал: «Сколько раздоров было у отцов с сыновьями, у братьев с братьями и у жен с мужьями!»¹¹ По многим признакам события этих лет выглядят как гражданская война, а не феодальная усобица. Ависский магистр стремился привлечь на свою сторону всех, кто перед лицом кастильской угрозы мог оказаться поле-вен в области военного дела, и прежде всего профессиональных военных, т. е. дворянство. Для этого он конфисковал владения и имущество сторонников Кастилии и наделил ими своих приверженцев: «Многие бросали свои владения и все, что имели, и это магистр вскоре передавал тем, кто у него просил»¹².

Таким образом, события декабря 1383 — января 1384 г. стали временем размежевания двух лагерей. Большая часть знати и королева-регент готовили внутривосточную войну под знаменем законности в наследовании престола. Северные области выступали в основном «за дону Беатриш». Эта позиция, отвечавшая агрессивным устремлениям Кастилии, поддерживалась ее королем Хуаном I. Им противостояли силы горожан и части дворянства, объединившихся под началом магистра Ависского ордена. Они выдвигали на первое место требование сохранения суверенитета Португалии. На их стороне было большинство населения южных и отчасти центральных районов страны.

В этой ситуации вторжение кастильцев в Португалию ускорило размежевание сил в стране. Особенно это касалось фидалгу, большая часть которых до вторжения оставалась нейтральной по отношению к событиям в Лиссабоне или же традиционно поддерживала наследницу престола, избрание которой представлялось ей законным.

Для части сеньоров переход в ряды сторонников Ависского магистра был результатом политической или экономической заинтересованности. Для горожан же союз с дворянством был вынужденным. Горожане не испытывали доверия к знати. Сразу после введения в совет при магистре Нуну Алвареша Перейры остальные члены, представители городских слоев, высказали недовольство. Особенно ярко это проявилось при обсуждении вопроса о командовании войсками в провинции Алентежу, которые должен был возглавить Нуну Алвареш Перейра с вручением ему всей полноты власти. Суть недовольства горожан — членов совета выразил бакалавр права Жоан дас Реграш, считавший, что нужно «назначить на эту должность человека заслуженного, авторитетного, предусмотрительного и опытного в военном деле; у Нуну к тому же братья находятся в стане врагов; приводил и другие доводы, чтобы предотвратить его назначение»¹³.

Однако Ависский магистр настоял на назначении Нуну Алвареша Перейры и отправил с ним 40 находившихся в городе дворян, многие из которых происходили из районов Алентежу. По дороге к небольшому отряду присоединились еще воины, так что в Эвору Нуну Алвареш прибыл с двумя сотнями всадников. В Эворе, население которой с самого начала восстания поддерживало магистра и лиссабонских горожан, войско приняли хорошо. Некоторые жители города пополнили ряды воинов, и при выходе из Эворы войско насчитывало около 230 конников и 1000 пехотинцев.

Вскоре, 6 апреля 1384 г., воины Нуну Алвареша Перейры встретились с кастильцами, и произошло сражение, получившее в португальской истории название по наименованию расположенного неподалеку городка Атолейруш. У португальцев было немного рыцарей и хорошо вооруженных людей: из кавалерии — только 180 в латах; пехотинцев — около 1000 человек; да еще 100 арбалетчиков. Кастильское войско насчитывало около 100 тяжеловооруженных конников, как из кастильских, так и из португальских дворян, и приблизительно 5000 пехотинцев. Силами кастильцев командовал Педру Алвареш Перейра, брат Нуну, который предложил последнему перейти на их сторону, но получил отказ.

Перед битвой Нуну Алвареш Перейра спешил своих всадников и построил войско в каре, расположив тяжеловооруженных рыцарей по фронту и в первых рядах, а пехотинцев и арбалетчиков — в центре и на флангах. Наступление кастильской конницы, ряды которой были расстроены огнем арбалетчиков, было остановлено спешенными рыцарями первых рядов, которые, отступив, дали возможность пехоте охватить вражескую конницу с флангов. Под натиском кастильцы отступили, затем обратились в бегство. Португальцы преследовали их на расстоянии около 5 км. Поражение кастильцев, потерявших убитыми около 120 человек, немало воодушевило португальцев.

Рассказывая об этой победе португальцев, хронист утверждает, что тактика «пешего строя» была применена ими впервые¹⁴. В поражении кастильцев сыграли роль и презрение рыцарей к своей пехоте, и недооценка ее роли. Применяв впервые в Португалии новую тактику, сторонники Ависского магистра стали впоследствии широко ею пользоваться. Строительство земляных укреплений и характер использования пехоты на поле боя обеспечивали превосходство над конницей противника. Это было необычно для рыцарской войны и типично для средневековых горожан.

Тем временем в Лиссабоне усиленно готовились к обороне. На сторону Ависского магистра перешла расположенная неподалеку от столицы Алмада. В Порту были направлены корабли за подкреплением. Кастильские войска во главе с Хуаном I продвинулись из Саптарена к Лиссабону. Военные столкновения начались 8 февраля 1384 г., когда кастильские части достигли окрестностей Лиссабона и между ними и

горожанами произошли первые бои. Король Кастилии, по опыту недавних нападений кастильцев на Португалию ожидавший быстрого подчинения страны, столкнулся с упорным и повсеместным сопротивлением. Из-за насилий, чинимых кастильцами, многие жители Сантарена, где располагались основные силы Хуана I, бежали в Лиссабон и другие города. Трудности, с которыми столкнулись кастильцы, вызвали охлаждение между Хуаном и Леонор.

Королева была отпущена в Кастилию и заключена в Тордесильяский монастырь. Известие об этом увеличило число противников кастильского короля и приверженцев Ависского магистра.

В мае 1384 г., окружив Лиссабон и закрыв подступы к нему с суши и моря, Хуан I принял решение начать осаду португальской столицы. Лиссабонцы были полны решимости отстоять город. Лопеш отмечает высокий боевой дух и участие в обороне всех горожан¹⁵. До конца июля защитники города не получали никакой помощи извне. 18 июля португальские корабли, оставшиеся в Лиссабоне, дали бой кастильской эскадре. Жители города приняли активное участие в морском сражении; корабли были переполнены вооруженными горожанами. Так, на флагманском корабле, помимо команды, находилось не менее 100 воинов. Однако морскую блокаду прорвать не удалось. Объединенный флот Порту и Лиссабона отразил нападение кастильцев, подошедших из Галисии, а затем предпринял экспедицию к ее берегам. В конце июля португальский флот возвратился к Лиссабону, но войти в порт не смог, так как город оставался заблокированным. В Лиссабон пробрался только лазутчик для переговоров о совместных действиях.

В осажденном Лиссабоне все явственнее ощущалась нехватка продовольствия. Запасов его к августу осталось мало. Цены на продовольствие стали недоступны беднякам, ибо «от голода страдали не только бедные и неимущие, но и состоятельные люди города»¹⁶. Месяцы осады столицы стали временем, когда окончательно определилось отношение дворянства и городов к новой центральной власти Португалии и проблеме независимости страны. Двойственной позиции знати горожане противопоставили единые действия. Когда из Лиссабона Руй Перейра прибыл в Порту с просьбой о помощи, он встретил наилучший прием. Летом 1384 г. из Алмады, окруженной кастильскими войсками и страдавшей от недостатка питьевой воды, все же удалось направить морем в осажденную столицу кое-какие припасы.

В конце лета 1384 г. в лагере осаждавших началась эпидемия чумы. Кастильцы попытались, предприняв решительные действия, закончить осаду и отвести войска. 27 августа кастильская эскадра, используя пушки, атаковала португальский флот, но встретила упорное сопротивление. Хуан I был вынужден вступить в переговоры с Ависским магистром, которому он предложил временное правление Португалией до совершеннолетия возможного сына короля Кастилии и Беатриш. Магистр отказался. Между тем чума в лагере кастильцев распространялась. 3 сентября Хуан был вынужден снять осаду Лиссабона. Этот день был отмечен в городе огромной радостью. В столицу вступил со своим войском Нуну Алвареш Перейра. Кастильцы отошли к Сантарену. Не желая окончательно сдавать позиции, Хуан оставил в ряде крепостей своих сторонников из португальских фидалгу. В дальнейшем эти люди составили социальную базу нового наступления кастильцев и борьбы с приверженцами Ависского магистра.

После снятия осады на собрании жителей Лиссабона, как и год назад, в монастыре Сан-Домингуш было принято решение созвать в Коимбре общепортугальские кортесы. Многим Ависский магистр виделся организатором и главой отпора кастильцам. Политика магистра и его совета, опиравшихся на широкие круги городского населения, и умелое привлечение ими на свою сторону представителей дворянства укрепили его личное влияние; в результате их позиции усилились настолько, что магистр и его сторонники вполне могли рассчитывать на избрание главы португальского рыцарского ордена и правителя восставшей столицы королем страны.

6 октября 1384 г. магистр собрал в королевском дворце своих ближайших сподвижников из знати, фидалгу и горожан, видимо, для формирования нового совета. Состав его отразил еще большее усиление позиций знати в стане Ависского магистра. На этот раз хронист лишь вскользь упоминает о представителях городских слоев в совете. Возможно, причиной тому стало изменение масштаба движения, которое вышло за пределы городских стен, где опыт и влияние горожан не были так велики и незаменимы. Теперь речь шла о все более крупных военных операциях, требовавших знаний и навыков профессиональных воинов. Заинтересованность магистра в таких людях подтверждается тем, что, стремясь усилить свой лагерь и закрепить успех, он и его совет в декабре 1384 — январе 1385 г. провели конфискацию владений тех фидалгу, которые находились в стане кастильцев или поддерживали их.

Однако основную военную силу магистра и его финансовую опору по-прежнему составляли горожане. Поэтому ряд городов, и в первую очередь Лиссабон и Порту, получили привилегии. Указом от 10 октября 1384 г. лиссабонцы освобождались от некоторых обязательных для остального населения королевства и других городов платежей и налогов, в том числе на хлеб, вино и мясо, от алькабалы (налога на торговые сделки). Лиссабонские торговцы освобождались от таможенных и торговых пошлин на всей территории Португалии. Жителей Лиссабона из числа зависимых и лиц «низкого» звания предписывалось считать свободными. Дарованные привилегии распространялись не только на горожан, но и на жителей городской округи. Большая часть этих привилегий отвечала интересам торговой верхушки, но в целом они затрагивали интересы всех слоев горожан, вплоть до беднейших, которые, по словам Лопеша, «были очень

довольны»¹⁷.

В октябре 1384 — январе 1385 г. переход городов на сторону Ависского магистра продолжался. Нуну Алвареш Перейра с помощью местного населения занял замок Портел. Жители Аленкера, безуспешно попытавшиеся захватить замок, попросили помощи у Лиссабона. Столица выслала на барках пушки и подкрепление, после чего замок удалось взять. И в других местах жители городов принимали непосредственное участие в боевых действиях. В свою очередь, и центральная власть старалась привлечь города на свою сторону, жалую им привилегии, оказывая помощь против кастильцев и пр.

Собравшиеся в начале апреля 1385 г. в Коимбре кортесы решали в основном один вопрос: кому стать королем и в будущем стоять у власти в Португалии? Приверженцы магистра назвали, как было решено еще в Сап-Домин-гуш, его имя. Это предложение поддержала часть знати и представители многих городов. Против избрания королем Ависского магистра выступило большинство знати и фидалгу; выдвигались другие кандидатуры. Споры шли довольно долго. Наконец, во дворец, где заседали кортесы, ворвался Нуну Алвареш Перейра во главе 300 вооруженных лиц, в результате чего несогласные на избрание магистра дворяне «были вынуждены удалиться», как пишет Лопеш, т. е. их попросту изгнали из зала заседаний. 6 апреля 1385 г. кортесы избрали 27-летнего магистра Ависского ордена королем Португалии под именем Жоана I¹⁸.

Этот акт подвел итог большому и сложному этапу социального движения конца XIV в., которое на всем протяжении сохраняло в городах демократическую окраску, иногда соединяясь с крестьянскими движениями против феодальных сеньоров. В Португалии произошло окончательное размежевание на сторонников нового короля, выступавших за суверенитет страны, и тех, кто его не признал и поддерживал Хуана I. Установление контроля над большей частью страны и жесткие методы борьбы на кортесах позволили сторонникам магистра возвести его на трон и закрепить это решением кортесов.

Теперь для Португалии были желанны две цели: прекращение фактически шедшей в стране гражданской войны и отпор внешнему врагу. Основной своей целью король ставил освобождение Португалии от кастильцев и защиту страны, справедливо видя в этом залог поддержки народа. Ситуация, сложившаяся в Португалии в конце XIV в., для эпохи средних веков интересна тем, что представляет собой редкий пример зависимости королевской власти непосредственно от действий широких масс городского и даже крестьянского населения, что отчасти сравнимо, пожалуй, лишь с положением во Франции в период Столетней войны.

Став королем, Жоан I приобрел значительно больше сторонников. Города, как правило, оказывали ему поддержку. Жители Сервейры, Каминьи, Монсана перешли на сторону короля, объявив себя «истинными португальцами». Именно города проявили на кортесах инициативу сбора денег, необходимых для выплаты жалованья войскам; именно города предложили собрать средства в размере 400 тыс. либр, разложив эту сумму пропорционально на всех горожан. От уплаты освобождалась только сильно пострадавшая Алмада. Собранная сумма предназначалась для выпуска порченной монеты (с неполным содержанием драгоценного металла), которой и выплачивалось жалованье. Хотя представителям горожан было хорошо известно, чем чревата эта мера, им пришлось прибегнуть к ней, чтобы сохранить войска.

Несмотря на то, что отпор кастильскому вторжению стал делом королевской власти и принял более организованные формы, роль горожан, городского ополчения и даже крестьян в защите страны оставалась очень велика. Один из дворян, Жоан Фернандеш Пашеку, собрал в отряд горожан и крестьян Бейры. В конце мая или в самом начале июня 1385 г. они вступили в сражение с кастильскими войсками при Транкозу. Португальцы сражались только пешими, так как основной костяк их армии составляли сельские жители. Кастильцы вновь потерпели поражение.

В течение первой половины 1385 г. Хуап I готовил новую армию и флот для вторжения в Португалию. К июню 1385 г. эти приготовления были закончены. Предполагавшееся поначалу наступление через Элваш было сорвано упорным сопротивлением этого замка. Наконец, в середине лета 1385 г. на совете Хуана I было принято решение о переходе границы в районе Бейры. В августе многочисленное кастильское войско вторглось в Португалию. Оно двигалось на Коимбру, грабя и чиня жестокости. Ряд гарнизонов встретившихся на их пути замков, где преобладали сторонники Хуана, перешел на его сторону.

На совете у Жоана I в местечке Абрантеш 7 августа 1385 г. было решено дать кастильцам большое сражение. Португальское войско было готово к битве, несмотря на очевидный перевес кастильцев. Жоан I, желая избежать риска поражения при столь неравном соотношении сил, направил Хуану I послание, предлагая мир и дружбу при условии отказа от претензий на португальский престол и вывода кастильских войск из Португалии. Король Кастилии ответил отрицательно.

Португальская армия вышла из Томара и двинулась навстречу кастильцам. К середине августа 1385 г. обе армии находились друг против друга вблизи селения Ал-жубаррота, неподалеку от Лейрии. Хронист сообщает, что на совещании перед битвой, проведенном Хуаном I, в объединенном войске кастильцев и португальской знати выявилось наличие сомнений и колебаний. Однако сторонники Хуана I из числа португальских фидалгу настаивали на сражении. Для них победа была единственной и последней надеждой на отвоевание того положения в королевстве, на которое они претендовали. Если для кастильцев отказ от сражения означал бы лишь неудачную кампанию, то для их португальских сторонников это был вопрос жизни

и смерти.

В войсках короля Кастилии находилось большинство португальской знати. Несмотря на письменный приказ-обращение Жоана I к фидалгу, лишь немногие из них прибыли к нему со своими отрядами. Что касается количественного соотношения сил в битве при Алжубарроте, то уже хронисту Лопешу в первой трети XV в. приходилось полемизировать с преувеличениями числа участников сражения. Лопеш отвергает мнение, будто в битве участвовало от 60 тыс. до 100 тыс. человек с обеих сторон как несостоятельное и приводит свои данные, которые в целом не противоречат последним исследованиям¹⁹. Можно предположить, что разноречивость в оценке числа сражавшихся вызвана тем, что учитывались и рыцарские слуги, и обозные и т. д. Однако основная причина расхождений в оценке числа сражавшихся — необычно неравное соотношение сил, громадное численное превосходство кастильцев и то поражение, которое потерпели они при таком перевесе.

В войске кастильцев насчитывалось от 5 тыс. до 6 тыс. человек тяжелой кавалерии, усиленной французскими, гасконскими и другими иноземными рыцарями; 1,5—2 тыс. человек легкой кавалерии; 5—6 тыс. арбалетчиков; от 7,5 тыс. до 15 тыс. пехотинцев, т. е. всего от 14 тыс. до 23 тыс. человек. У кастильцев было также 16 малокалиберных пушек и бомбард. У португальцев имелось 1700—2000 всадников тяжелой кавалерии, вооруженной не хуже, чем кастильская; 800—1000 арбалетчиков; 500—700 английских лучников; 4 тыс. пехотинцев, т. е. вешего около 7 тыс. человек.

Но нельзя рассматривать битву при Алжубарроте как обычное сражение. Дело в том, что в военном отношении оно являлось противоборством двух тактик ведения боя: атаки рыцарской кавалерии, рассчитанной на обращение противника в бегство первым натиском и дальнейшее его пленение или истребление при преследовании, и ведения боя в пешем строю с использованием местности и искусственных укреплений, предпочитаемом горожанами, которые составляли основную массу португальского войска.

Методы ведения боя в пешем строю основывались на опыте, накопленном ранее в битвах при Атолейруш и Транкозу.

Раскопки, проводившиеся на месте сражения в 1957—1960 гг., показали, что позиция португальских войск была основательно укреплена. Место было выбрано в узкой долине таким образом, что крутые склоны не позволяли действовать тяжеловооруженной кастильской коннице. Португальская же позиция представляла собой сплошную линию обороны, размещенную между двумя склонами. Все ровное пространство между ними было пересечено рядами траншей, брустверы которых были, видимо, укреплены стволами деревьев. Самый длинный ров протянулся на 182 м. Перед ним, на пространстве в 150 на 100 м находилось 40 длинных, от 60 до 80 м каждая, линий «волчьих ям». «Волчьи ямы» представляли собой квадратные углубления до 0,8 м, замаскированные ветками и землей. При раскопках было выявлено до 800 таких ям, а общее их число, по оценке археологов, должно было достигать тысячи.

Эти мощные земляные укрепления были сооружены руками горожан и жителей окрестных деревень. После такой подготовки сражения становилась реальной возможность победы над кастильским войском, втрое превосходившим португальцев. Конечно, укрепления, возведенные даже очень быстро и тайно, не могли остаться незамеченными противником, если бы португальцы не применили хитрость. В полдень 14 августа 1385 г. они начали битву в трех километрах севернее своей позиции, затем имитировали поспешное отступление, заманив преследователей на свои укрепления.

Рядами ям был ослаблен и замедлен удар тяжелой кавалерии Хуана I. Многие из рыцарей были выведены из строя. Изрытое ямами поле делало невозможными не только маневры, но и само продвижение конницы. Кастильцам пришлось спешиться и вести бой в навязанных условиях, что при наличии у португальцев укрепленной позиции было им крайне выгодно. Склоны холмов не позволяли совершить обходный маневр. Таким образом, кастильцы потеряли превосходство в коннице. Оторвавшись от своих сил и оказавшись перед укрепленной позицией португальцев, кастильцы не смогли использовать и свое превосходство в пехоте. Кастильские арбалетчики тоже были далеко. А португальские арбалетчики и английские лучники с безопасного расстояния расстреливали медленно двигавшихся кастильских рыцарей. Наступление кастильцев замедлилось, затем среди них началась паника, перешедшая в бегство.

Хуан I бежал в Сантарен, а оттуда отбыл в Севилью. Потери в кастильском войске составили 2500 человек. Лопеш вкладывает в уста кастильского короля жалобу на то, что рыцарское войско побеждено армией не сведущих в военном деле людей²⁰. Военная неопытность португальцев — преувеличение Лопеша, но оно отражает суть столкновения кастильской армии и португальской знати с войском горожан и перешедшей на их сторону частью дворянства как не просто битвы двух армий, а как столкновения двух различных социальных сил. Среди погибших было много представителей португальской знати. Поражение Хуана I при Алжубарроте стало для нее не только военным, но и политическим разгромом. А победа португальцев явилась результатом самого активного участия в борьбе городского и сельского населения, что отразилось и на тактических приемах ведения боя.

Сражение при Алжубарроте, устранив угрозу подчинения Португалии Кастилией, послужило сигналом к началу всеобщей сдачи позиций противников Жоана I из рядов знати; в течение августа — сентября 1385 г. почти все крепости и города, оказывавшие ранее сопротивление власти нового короля,

признали его. Остальные противники Жоана I вынуждены были эмигрировать в Кастилию. К осени 1385 г. на территории Португалии не осталось ни кастильских войск, ни вооруженных отрядов прокастильски настроенных португальских фидалгу. Следующая битва — при Валверде, — в которой португальцы также одержали верх, произошла уже на территории Кастилии.

Сражение при Алжубарроте и последующие боевые действия знаменовали процессы усиления королевской власти, объединения различных социальных слоев на основе борьбы за суверенитет Португалии, в том числе и переход части представителей дворянства на позиции сотрудничества с новой королевской властью. В то же время крестьянские выступления и волнения среди низших слоев городского населения, направленные против сеньоров и богатых горожан, заметно ослабели. Это можно объяснить тем, что внимание народа было перенесено на необходимость борьбы с внешним врагом.

Правительству Жоана I удалось направить недовольство народных масс против Кастилии и использовать антисеньориальные тенденции против своих политических противников среди знати. Кроме того, усилилась роль городской верхушки в политической жизни: после разрешения социально-политического кризиса 1383—1385 гг. ее представители заняли столь значительное место в государстве, что их интересы оказали существенное влияние на ход дальнейшего развития Португалии.

Хронист или историк?

На страницах нашей книги часто мелькает имя Ферна-на Лопеша. Это закономерно: пожалуй, ни один историк, пишущий о Португалии, не может не сослаться на свидетельства Лопеша, обращаясь к изучению бурных событий конца XIV—XV в., да и более ранних эпох. В книге, вышедшей в Португалии в 1988 г., труды Лопеша названы решающим источником для изучения этого периода истории страны¹. Что же это за человек, чья работа получила столь высокую оценку потомков, чей труд был так совершенен, что пять с лишним столетий не могли умалить его значения?

К сожалению, до нас дошло не так уж много сведений о его жизни. Даты его рождения и смерти приблизительны. Известно, что он родился между 1380 и 1390 гг. и был еще жив в 1459 г. Жил Лопеш в Лиссабоне, в зрелые годы — в собственном доме неподалеку от церкви Сан-Мигел. Возможно, он был переписчиком книг или писцом в королевской канцелярии; по крайней мере в 1418 г. он известен как переписчик инфанта Дуарте, наследника престола, а чуть позже и самого короля Жоана I. В эти же годы Лопеш был назначен хранителем рукописей королевского архива Торре де Томбу. С 1421 г. имя Фернана Лопеша упоминается в государственных документах — он становится личным секретарем короля, а еще через десять лет занимает должность главного нотариуса королевства. Но не своими государственными деяниями остался знаменит в памяти португальцев Лопеш. В 1434 г. Дуарте, став королем, повелел Фернану Лопешу начать работу над хроникой, которая осветила бы события восшествия на престол и правления основателя Ависской династии Жоана I. Еще не завершив эту хронику, Лопеш начал обрабатывать материалы по истории правления двух последних королей Бургундской династии — Педру I и Фернанду I. Позже он обратился к анналам и хроникам периода первых королей Португалии и подверг их переработке. В итоге была создана относительно полная история Португалии с конца XI до начала XV в.

Нам неизвестна точная дата смерти хрониста. О его жизни вне дворца мы знаем лишь, что в браке с Мор Лоуренсу, женщиной незнатного происхождения, у него родился сын Мартинью. Обучившись медицине, он стал лекарем одного из сыновей Жоана I. В 1433 г. или около этого времени Жоан I пожаловал своего хрониста и нотариуса дворянским титулом. Возвышение и слава Лопеша тесно связаны с Ависской династией: при Жоане I и его сыновьях вошли в придворные круги и он сам, и его семья, в эти же годы были им созданы все его труды. После гибели инфанта Подру, второго сына Жоана и регента при своем малолетнем племяннике Афонсу V, прекращается и деятельность Лопеша. В 1450 г. королевским хронистом стал Эанеш Зурара; через четыре года Лопеш покинул и должность хранителя архива. Последний раз его имя встречается в нотариальной документации 1459 г. Оригиналы рукописей хроник Лопеша до нас не дошли. Мы располагаем лишь списками, однако они довольно близки по времени создания к эпохе Лопеша — конец XV—XVI в., поэтому разночтения в них незначительны. Наиболее известны и, пожалуй, наиболее полны с исторической точки зрения «Хроника Фернанду» и «Хроника короля Жоана I»². «Хроника Фернанду», содержащая 178 глав, повествует о событиях истории Португалии с момента вступления короля Ферианду на престол и вплоть до самой его смерти и регентства королевы-вдовы Леонор. Огромная «Хроника короля Жоана I» состоит из двух частей. В первой из них 193 главы, и она охватывает события с конца 1383 по апрель 1385 г. Вторая часть хроники, обработанная гораздо хуже и практически не законченная, насчитывает 204 главы. История правления Жоана I излагается со времени избрания его королем и доводится до 1415 г. По объему обе части почти одинаковы, но хронологические рамки весьма различны: главное внимание Лопеш концентрирует на событиях восшествия на престол Ависского магистра. Поэтому плотность времени в обеих частях неодинакова. Перу Фернана Лопеша приписывают и некоторые другие хроники, посвященные этому времени, например «Хроника коннетабля Нупу Алвареша Перейры», однако это вопрос спорный.

Даже в современном издании хроники Фернана Лопеша составляют несколько толстых томов. Чего только не найдет там любознательный читатель и внимательный исследователь! Кроме изложения событий правления государя и его деяний, что являлось основной задачей хроники как жанра, в них можно прочитать о монетной системе португальского королевства, узнать о ценах на хлеб в разных районах страны, о том, сколько кораблей стояло в устье Тежу, ожидая разгрузки, выяснить подробности дела тамплиеров, познакомиться с текстами папских булл. На основе изучения работ Лопеша созданы исследования по социальной структуре португальского общества XIV— XV вв., о теории и практике власти этого периода, о восприятии времени средневековым человеком и т. д.

Но не опасно ли доверять такому сомнительному и тенденциозному источнику, каким может оказаться хроника средневекового автора, официального хрониста королевства? Чтобы ответить на это, надо последовательно выяснить: какой материал лежит в основе трудов хрониста; выдерживают ли проверку приводимые им сведения; что и как влияло на его видение и изложение материала?

Работа в королевском архиве и доступ к рукописям и документам иных эпох дали возможность Лопешу использовать данные подлинных документов как один из основных элементов исторического повествования. Лопеш считал, что историк должен пользоваться и обращаться к тому, что он называет «старыми записями», «записями, заслуживающими доверия»³. Тексты хроник Лопеша наполнены живым словом подлинных документов или пересказом, близким к их тексту. Вторым источником трудов Лопеша, по крайней мере его главных хроник, были воспоминания современников событий, и здесь его свидетельства незаменимы, хотя в некоторых случаях могут быть удостоверены и подтверждены другими источниками.

В последние десятилетия начинают все более широко изучаться документы из португальских архивов. В результате публикаций последних десятилетий в научный оборот введены многочисленные новые данные. Примечательно, что их использование обогащает картину, нарисованную Лонсшм, но не изменяет ее принципиально. Более того, и некоторых случаях архивные документы лишь подтвердили предположения Лопеша; были найдены подлинные грамоты, соответствующие пересказам их в хрониках Лопеша, что дает основания верить ему и в прочем.

Наконец, о возможных влияниях на человека, пишущего историю. Лопеш как личность сложился в городской среде, в атмосфере португальской столицы. Его молодость прошла под знаком перемен первых лет правления Жоана I. К сожалению, мы не знаем, где и как он обрел эрудицию, знание истории и основ других гуманитарных наук, учился ли Лопеш где-нибудь. Служба его началась при дворе Ависских королей, который в это время славился просвещенностью, где в прекрасной для того времени библиотеке можно было видеть сочинения Юлия Цезаря, Валерия Максима, «Хронику Испании», «Македонскую войну», «Книгу графа Луканора» и многие другие труды по истории, праву, богословию и философии⁴, где сами короля и инфанты долгом просвещенных государей полагали всяческое содействие успехам словесности. Жоан I, с которым Лопеш сталкивался часто и близко, видимо, привлекал его и как исторический деятель, и как решительная, властная, незаурядная натура.

Два могучих воздействия — Лиссабона и Ависского двора (учитывая городское происхождение и карьеру при дворе этой династии) — и обусловили те пристрастия, которые легко угадываются во всех хрониках Лопеша: он несомненно симпатизирует горожанам, признает это открыто, и всегда стремится уделить им как можно больше места и внимания в той истории, которую создает; и столь же бесспорна преданность хрониста Жоану I. Интересно совмещаются эти две тенденции в главе «О периодизации истории»: традиционно подразделяя историю человечества на «возрасты», Лопеш связывает начало современного ему «седьмого возраста мира», наиболее, по его разумению, счастливого, с утверждением на престоле Жоана I и теми переменами, которые произошли в жизни Португалии в конце XIV в.⁵ Нет нужды объяснять, что, в понимании Лопеша, народ — это прежде всего горожане.

И тем не менее это — искренняя позиция, а не официозная заданность. Она не подчиняет себе Лопеша-историка и, что особенно важно для нас, выражается не в искажении фактов, что, как уже говорилось, проверяется документально, а в их подборе и оценке, от чего, в сущности, вряд ли кто-нибудь вполне свободен.

Учитывая все это — и документальную базу, и доказанность достоверности сообщений, и отчетливость авторской позиции, — вряд ли стоит сомневаться в том, что хроники Лопеша вполне достойны быть историческим источником при необходимой поправке с учетом той социально-политической окраски, которая, коль скоро она известна, не может помешать исследованию.

Однако фигура Лопеша важна и интересна не только потому, что его труды — неиссякаемый источник сведений. Фернан Лопеш привлекает внимание и сам по себе, как человек и историк XV в., и как первый в ряду блестящих португальских хронистов.

На страницах хроник Лопеша и ощутимо постоянное присутствие самого хрониста, и запечатлены очертания его непростого времени на переломе двух эпох. В регентство инфанта Педру, как бы в ответ на централизаторские усилия Жоана I, нарастала оппозиция феодально-сепаратистских сил в королевстве. Подняла голову старая знать. Новая знать, получившая титулы и земли от новой династии, была поглощена заботами о своих владениях. Горожане, достигшие статуса «благородных» и получившие при Жоане I

привилегии и поместья, переносят центр тяжести своей деятельности, а следовательно, и своей заинтересованности в аграрную сферу. Поиски источников доходов толкают дворянство в завоевательные экспедиции, которые сулили золото и рабов, но требовали все новых и новых денежных поборов, в особенности с городов. Разногласия достигли пика в конце 40-х годов, выразившись в возникновении двух группировок господствующего класса, сложившихся вокруг молодого короля Афонсу V и его дяди инфанта Педру. Столкновение закончилось битвой при Алфарробейре, в которой Педру погиб.

Забвение или стремление общества забыть о тех переменах, которые сопровождали воцарение Жоана I, вызывают решительное внутреннее сопротивление Лопеша. «Хроника Жоана I» пронизана одобрением и восхищением не только делами конкретного государя, но и идеалами конца XIV в. — единения правителя и народа, мощной независимой Португалии. И чем дальше в прошлое уходили «золотые» времена Жоана I, тем с большей настойчивостью доказывал Лопеш величие свершений короля и португальского народа. Изображение раскола в стране в период социально-политического кризиса 1383—1385 гг. как события крайне трагического подчеркивает его концепцию политического и национального единства Португалии.

Лопеш предстает перед нами как «певец Португалии». Ему дорога независимость страны, он ищет и находит идеалы высокой доблести прежде всего в борьбе с посягательством на самостоятельность его родины. Особое значение и ценность приобретает у него выражение «*истинные португальцы*». Несоответствие этому идеалу, возможность иного отношения к общепортугальскому делу, в понимании Лопеша, — предательство⁶. Именно так Лопеш-человек ощущает собственную страну и свое место в ней.

Но прежде всего на страницах хроник предстает Лопеш-историк. В историографии до сих пор идут споры: что же такое труды Лопеша — средневековые хроники или исторические исследования? кто он — хронист или историк? По многим признакам сочинения Лопеша близки средневековым хроникам. Об этом говорит и их традиционное название, и хронологическая привязка изложения, и использование концепции «возрастов мира». И создавались они по королевскому заказу, повелевшему «изложить в хронике истории королей, бывших ранее в Португалии, и деяния короля Жоана»⁷. Сходство с хрониками традиционного типа особенно заметно в его работе по раннему периоду истории Португалии.

Но в трудах Фернана Лопеша есть черты, резко отличающие их от обычных средневековых хроник. Прежде всего имеются в виду попытки проблемного изложения событий. Так, например, повествуя об осаде Лиссабона и о роли некоего Дьогу Пашеку, Ф. Лопеш делает отступление на целую главу, чтобы рассказать, что за человек Дьогу Пашеку «и почему он оказался на стороне Кастилии»⁸. Лопешу недостаточно просто пересказать прошлое, перечислить события, ему необходимо выяснить их истоки и связи, открыть причины, развеять сомнения и кривотолки. Внешне не противореча общему облику культуры своего времени, не отрицая роли неба в земных делах, он на практике ищет конкретные, реальные подоплеку явлений⁹ и факты истории он пытается рассмотреть во взаимосвязи. Благодаря литературному таланту и историческому подходу описываемые Лопешем персонажи обретают объемность в пространстве воссоздаваемой им исторической действительности.

Лопешу чужда неточность или легковёрность. Отношение к факту, к историческому материалу — это, пожалуй, самое главное в его методе, и одновременно это — водораздел между хроникой и исследованием. В стремлении к точности Лопеш пользуется методом сопоставления и приводит при этом различные версии и мнения, подвергает критике неверные, на его взгляд, точки зрения (например, по поводу численности войск в битве при Алжубарроте)¹⁰.

Обилие используемого Лопешем документального материала тоже не случайно. В стремлении к исторической правде «всего нашего тщания, по словам Лопеша, недостаточно, чтобы установить голую истину»¹¹. Именно в этом, в установлении истины, видит Лопеш задачу историка, и потому считает необходимым использовать документы из многих хранилищ, сопоставлять сведения различных авторов, не доверяя ничему без многократной проверки. При оценке чужих взглядов, при встрече с непонятными сведениями Лопеша отличает реализм, ясность мысли, обстоятельность доказательств и изложения¹².

Именно критическое отношение к документу и факту дает возможность защитникам Лопеша-историка считать его «основоположником, по крайней мере в Португалии, критической истории»¹³. Возможно, в этом есть некоторое преувеличение. Суть же в том, что труды Лопеша нельзя оценивать только как хроники или только как исторические исследования. Очевидны бесспорные потери и в том и в другом случае. А своеобразие и уникальность творчества Лопеша в контексте как иберийской, так и мировой культуры именно в удивительном сосуществовании исследовательского подхода и прямого отражения исторической действительности. Такое переплетение — результат сложного, переломного характера эпохи Лопеша. Но нельзя не признать, что критический подход решительным образом выделяет Лопеша даже на фоне европейской современной ему историографии, и остается только сожалеть, что в истории исторической мысли он не занял пока подобающего места.

Преемник Лопеша на посту королевского хрониста Го-меш Эанеш де Зурара не отличался таким великолепным слогом, как Лопеш, которого читают с интересом и сегодня, но оставил после себя не одну хронику, из которых наиболее известна «Хроника деяний в Гвинее» — источник по истории заморских экспедиций. Хорошо знакомы историкам и хроники Руй де Пины, посвященные событиям в Португалии XV в.

И Зура и Руй де Пина несомненно испытали воздействие творчества Лопеша и были, подобно другим знаменитым португальским историографам — Да-миану де Гоиш, Жоану де Барруш,— в сущности, наследниками его дела.

Эпоху средневековой португальской историографии завершил многотомный труд «Лузитанская монархия», созданный в начале XVII в. историками Антониу Бранданом и Франсишку Бранданом. Открыв любую книгу «Монархии», можно встретиться с теми же характерными чертами исторического подхода, что и в хрониках Лопеша: документы, относящиеся к излагаемым событиям, приводятся в оригинале и переводе; если факт или документ вызывает сомнения автора, он по скрывает этого, подробно разбирая все «за» и «против». Да и в концепции единства и независимости Португалии в этом труде, созданном в эпоху испанского господства,— а может быть, именно поэтому — прослеживается явная связь с идеями Лопеша.

Не случайно «Хроники» Лопеша вновь привлекли внимание португальцев и были изданы сразу же вслед за восстановлением независимости страны в XVII в. Не случайно в начале XVII столетия Португалия была наводнена политическими трактатами и памфлетами в защиту суверенного существования королевства, аргументация которых строилась в значительной мере на исторических данных, пусть не всегда достоверных. Не случайно «Лузиады», поэма великого Камозиса, лучшего поэта Португалии, пронизана Историей, историей страны и ее народа, составляющей основу поэтического замысла и философского смысла поэмы.

Чем же объяснить такое неожиданно бурное и непропорциональное, в сравнении с остальными гуманитарными областями развитие исторического знания в Португалии XV в. и его значение на протяжении последующих столетий, отличающее, на наш взгляд, португальскую культуру того времени от всех других европейских стран, причем не только в количественном, но и в качественном отношении? Ответ на этот вопрос, видимо, надо искать в событиях конца XIV в., когда сплетение социальных и политических условий породило и пробудило силы национального самосознания португальцев, сделало собственное историческое прошлое желанным элементом общественного сознания и помогло обрести единство страны. Позже, в период великих географических открытий и испанского господства, в соприкосновении и столкновении с иными землями, народами и государствами это сознание крепло, требуя и одновременно вырабатывая новые подтверждения глубинного единства народа. Именно это стало внутренним двигателем португальской историографии XV—XVII вв., у истоков которой стоял хронист и историк Фернан Лопеш.

Португалия за кормой

Великие географические открытия... и со школьных лет за пунктирами бледных океанов ученических атласов чудятся дыхание морского ветра и жар экваториального солнца, линиялы соленые паруса, отбрасывающие на доски палубы спасительную тень, туземцы в длинных долбленых лодках у берегов неведомой земли.

Мы привыкли, говоря о Великих географических открытиях, рассуждать об их воздействии в основном на те страны и земли, которые были открыты, забывая о тех, кто открывал. А ведь за кормой уходящих в океан кораблей оставалась земля, пославшая их, страна, на которую путешествия в заморские дали оказывали немепынее влияние, чем вторжения европейцев на новые континенты.

До сих пор этот прорыв в неизвестность на первый взгляд представляется неожиданным. Но вернемся мысленно к векам, предшествующим этой эпохе. Стремление к освоению новых земель всегда имеет в основе потребность и желание жить лучше, свободнее, богаче. Это обстоятельство позволяло полководцам и капитанам собирать под саои знамена солдат и матросов. Эти устремления в сочетании с давними традициями мореплавания и кораблестроения обещали многое. Указы короля Диниша, законы о льготах при постройке крупнотоннажных кораблей короля Фернанду исподволь готовили будущее морское величие. Корабли португальских купцов бороздили моря, доставляя португальское вино и зерно, пробку и соль в Гамбург, Лондон, Арфлер в обмен на полосатое сукно, металлические изделия, меха и др. Судя по таможенному тарифу, изданному Афонсу III в 1253 г., экспорт и импорт товаров был достаточно широк¹, тем более что португальские купцы уже тогда осуществляли транзитную торговлю, связывая мусульманский мир Северной Африки и европейские страны.

К этому надо добавить, что многие члены привилегированных групп населения охотно участвовали в торговых операциях. В португальских городах XIV—XV вв. можно было встретить кавалейру, не брезговавших ремеслом купца и купцов, получивших статус кавалейру. Члены королевской семьи и сам король были заинтересованы в торговле, причем не только как покровители ее, но и как непосредственные участники. Опустошительные эпидемии, кризисные явления в сельском хозяйстве в XIV в.— падение урожайности, запустение земель, рост цен на сельскохозяйственные продукты и рабочую силу — все это не только толкало сеньоров на повышение ренты или изобретение новых повинностей, что неизбежно приходило в столкновение с традиционными нормами и зачастую оказывалось невозможным, но и заставляло искать новые источники дохода. Нередко подобные поиски приводили их к типично городским видам занятий, в том числе к торговле. После событий 1383—1385 гг., которые вывели городскую патрициат на самый высокий

уровень политической жизни, доступный феодальному государству, стало возможным подлинное соединение интересов купечества и части дворянства. Это стало явным в 1415 г., когда Португалия предприняла свой первый захват территории вне Европейского континента — знаменитое взятие Сеуты.

Однако, чтобы прийти к этому, требовалась определенная стабильность внутри государства.

Походу предшествовали долгие 30 лет правления Жоана I. За эти годы многое изменилось в королевстве и на полуострове. К 1387 г. замерли военные действия, вызванные провозглашением Жоана Правителем и Защитником королевства. В 1393 г. Жоан обратился к кастильскому королю с требованием вернуть португальских пленных и две крепости. Одновременно он настаивал, чтобы кастильские короли перестали поддерживать других претендентов на португальский престол (имелись в виду сыновья Инее Кастро, отъехавшие в Кастилию, и Беатриш)². В результате было заключено перемирие на 15 лет. Однако вскоре последовало столкновение португальцев и кастильцев из-за Канарских островов, уже много лет привлекавших внимание и силы кастильцев. Кастильцы стали чинить препятствия в выдаче пленных. Возникли и финансовые разногласия по поводу долга Кастилии. Недавно достигнутое равновесие оказалось неустойчивым — в 1396—1397 гг. опять начались военные действия: португальские войска захватили Бадахос и Кадис. В ответ Кастилия выслала свой флот, который действовал у португальских берегов. В основном же военные действия имели характер прорывов и рейдов. Обе страны обратились за помощью к Англии и Франции — главным соперницам в Столетней войне. Примечательно, что возобновление войны вновь вызвало отъезд в Кастилию части португальской знати, не удовлетворенной, видимо, политической обстановкой в Португалии.

Вооруженные столкновения продолжались до 1393 г., когда наконец начались переговоры, правда, тоже прерывавшиеся военными конфликтами. Только 1402 год ознаменовался составлением договора о мире на 10 лет начиная с 1403 г. Следующие годы принесли смягчение условий торговли и перегона скота (поскольку во многих местах перегона осуществлялся невзирая на границы). Наконец, 1431 год стал годом «вечного мира»³ между Португалией и Кастилией.

После того, как Жоану I и его советникам удалось установить мирные отношения со своей соседкой, укрепилось положение и внутри страны. Частым созывом кортесов Жоан I обеспечил постоянную тесную связь государства, олицетворяемого короной, и общества, преимущественно городов — наиболее важного звена в экономической, а главное, финансовой жизни королевства. На кортесах обсуждались союзные договоры, принимались решения об общегосударственных налогах. Жоан придал стройность системе королевских должностных лиц на местах и усилил ее.

Жоан I, всячески способствуя возвышению королевской власти, в то же время невольно готовил почву для новых конфликтов, хотя субъективно это тоже выглядело как содействие величию короны. В благодарность за поддержку в борьбе 1383—1385 гг. Жоаном I были пожалованы большие привилегии разным городам королевства, особенно Лиссабону и Порту, что, естественно, еще больше увеличило разрыв между этими городами и всеми остальными. Отъезд, а точнее, эмиграция в Кастилию значительной части знати и раздача их владений сторонникам Жоана привели к тому, что слои, на которые преимущественно опирался Жоан, — горожане, патрициат, низшее дворянство, — первоначально чаще всего связанные с городскими видами деятельности, как бы интегрировались в деревню, в аграрную среду, при этом не столько влияя на нее, сколько обретая новые, «негородские» интересы. Это закладывало социальную основу для будущих сепаратистских выступлений.

Пока на троне оставался Жоан I, эти опасные направления развития подавлялись его сильной натурой. Современники и потомки вспоминали о нем, как о человеке огромной воли, умевшем к тому же ощущать государственные интересы как личные.

Жоан I не был идеальным правителем. Иногда его твердость перерастала в жестокость, тем более что он был вспыльчив, а отменять приказов не любил. Живой пример тому — случай с молодым придворным, уличенным в прелюбодеянии в пору борьбы Жоана, а преимущественно супруги его, Филипы Ланкастерской, за высокую христианскую мораль при дворе: хотя и сам Жоан подчас не про-являл особой щепетильности в подобных делах, на этот раз гнев его был велик, и несчастного юношу немедленно казнили. Хронисты утверждают, что это надолго подняло нравственность двора.

Жоан I несомненно был широко образованным для своего времени человеком. В этом убеждает и состав королевской библиотеки, начавшей складываться при нем⁴, и то, что, несмотря на активную политическую и военную деятельность, он оставил потомкам изящно написанную «Книгу об охоте». Видимо, в его правление возникает при Ависском дворе идея просвещенного государя, затем воплощенная в сочинениях его сыновей Дуарте и Педру.

Экспедиция в Северную Африку была необходима Жоану I не только с военной, но и с политической точки зрения. Победоносный поход доставил бы ему и его сыновьям славу ревностных защитников христианской веры, принес бы его фидалгу богатства, а его купцам — свободу торговли. В то же время силы вечно беспокойной знати были бы за-пяты вне страны, а новые земли и добыча могли поправить положение Португалии, так долго страдавшей от войн на ее территории.

В 1415 г. португальские войска под командованием самого Жоана I высадились на

Североафриканском побережье и без особых усилий взяли марокканский город Сеуту. Это был первый шаг в заморской экспансии Португалии.

Нередко случается в истории так, что сильному правителю наследует слабый и неумелый, вскормленный под мощным покровительством отца преемник. Однако Португалии судьба даровала иное: все пять сыновей и дочь Жоана I умом и силой характера оказались достойны своего отца. Но как различны были их судьбы...

Старший, Дуарте, будучи некрепкого здоровья, правил всего пять лет и известен не только как монарх, но и как один из создателей литературного португальского языка и тонкий психолог. Его сочинение «Верный советчик», созданное как наставление тем, кто правит ныне или будет править в будущем, не только затрагивает самые разные стороны жизни, государственных дел, воспитания, но и в специфической форме касается психологии и формирования личности. Что же до его государственных деяний, то при нем старые аристократические семьи получили большие земельные пожалования, во многом вернули себе силу и влияние. При нем был издан и знаменитый закон о майорате²². Эта тенденция впоследствии пришла в про-воречие с той политикой централизации и поддержки городов, которую вел Жоан I и продолжал его второй сын инфант Педру.

У Дуарте долго не было наследника, и многие полагали, что после него на престол взойдет его брат инфант Педру. Пожалуй, он в наибольшей степени унаследовал черты характера отца. Смелый до дерзости, с авантюрной жилкой, и в то же время весьма расчетливый и рассудительный, он как будто сошел со страниц рыцарского романа. В юные годы Педру отправился в путешествие по странам Европы. Довольно долго он прожил при английском дворе, где не остался в стороне от усобиц между Глостером и Бофортом. Он действовал в них так успешно, что удостоился чести стать кавалером ордена Подвязки²³. Из Англии Педру устремился на континент, побывал при всех более или менее крупных дворах, где ему оказывали блестящий прием, и добрался даже до Венгрии, сумев и там принять участие в военных действиях. Его перу принадлежит трактат «Добродетельное благодеяние» — витиеватое наставление в том, что должно и пристало государю и рыцарю, и перевод на португальский язык Цицерона.

Расчеты — или надежды — Педру на престол не сбылись. У Дуарте родился сын — будущий Афонсу V. Но ранняя смерть Дуарте доставила Педру титул регента при малолетнем короле, и он широко пользовался властью, которую давала ему эта должность. Педру покровительствовал торговле, в частности пошел на то, чтобы принять в Португалии еврейских торговцев и банкиров, бежавших от резни в Наварре. Города поддерживали Педру в его политике внутри и вне страны. Стремление укротить знать и ее сепаратистские настроения иногда приводило его к небрежению сословными привилегиями. Так традиция приписывает ему приказ казнить двух дворян за убийство лиссабонского еврея, в другой раз — за нарушение закона высечь епископа.

Трагическим был конец инфанта Педру. Уже давно между ним и его племянником возникли разногласия. И тот и другой обрели своих сторонников — Педру в борьбе за централизацию и сильную королевскую власть, Афонсу — в противопоставлении ему феодальных вольностей и старинных привилегий. В 40-е годы эти разногласия достигли апогея и вылились в вооруженное столкновение. В 1449 г. оба стана встретились в сражении у Алфарробейры. Педру, всегда пользовавшийся поддержкой городов, допустил политическую ошибку, обратившись за помощью к Кастилии и оттолкнув тем самым от себя своих постоянных союзников — горожан. Это стоило ему проигранной битвы. Сам Педру был убит в бою, и труп его несколько дней оставался непогребенным. Политическая линия Афонсу V победила на долгие годы.

При жизни Педру, несомненно, благоволил к морским предприятиям португальцев, но главным их организатором и покровителем стал его брат инфант Энрике — знаменитый Энрике Мореплаватель. Его портрет, дошедший до нас, дает представление об этом волевом и умном человеке. Он был правителем ордена Христа и использовал средства ордена для обеспечения дальних экспедиций, равно как и экспедиции шли на пользу ордену. С именем Энрике Мореплывателя связаны и организация экспедиций, и освоение открытых и завоеванных земель. С его именем связывают и навигационную школу в Сагреше, хотя она, возможно, лишь фантом национальной истории. Дело в том, что в португальской исторической литературе с XVII в. бытует мнение о создании инфантом на скалистом мысе на юге Португалии мореходной школы, заложившей основы могущества страны в Атлантике. Однако до сих пор не обнаружено каких-либо документов, подтверждающих существование школы. Переходя из сочинения в сочинение, миф о сагрешской школе дожил до XX в., по-прежнему оставаясь тайной португальской истории. В наше время, когда большая часть исторической документации этого периода введена в научный оборот, а надежд на неожиданную находку остается все меньше, исследователи склоняются к мысли, что замечательная школа в Сагреше — лишь плод патриотических мечтаний деятелей XVII в., когда предпринималось множество попыток отыскать в прошлом обоснования для величия настоящего и в особенности будущего Португалии и когда родилась не одна

²² Обязательность наследования родового владения старшим сыном и наименование владения на таком праве.

²³ Королевский рыцарский орден в Англии, учрежденный в 1348 г.

историческая легенда.

Но даже если этой школы и не существовало в действительности, роль Энрике Мореплвателя в заморской экспансии достаточно велика. В 40-е годы XV в. одна за другой отправляются в Атлантику организованные им экспедиции. В его владение были пожалованы Азорские острова, заселенные по его повелению.

Дальние богатые края манили многих, особенно после появления на рынках Лиссабона черных рабов из Африки, впервые привезенных в 1441 г.: до этого нелегко было снарядить экспедицию на страх и риск частных лиц и корабли отправлялись в океан под эгидой и на средства королевского ордена. Сначала существовала свободная возможность каждому желающему торговать в африканских землях или африканскими товарами на условиях выплаты пятой части стоимости товара в пользу короны. Но в 1443 г. Энрике Мореплватель ввел монополию на торговлю в землях к югу от мыса Бохадор. С этого времени королевская власть контролирует или старается контролировать торговлю и торговые связи со своими владениями и в зависимости от степени участия в снаряжении корабля получает от четверти до половины стоимости товаров⁵.

Документы эпохи донесли до нас портрет инфанта Энрике в образе фанатика заморских открытий и христианской веры, поглощенного задачей отыскания новых земель для Португалии и новых душ для христианства. Это действительно было главным в его жизни. Перед этим отступали простые человеческие и родственные соображения. В 1437 г. был затеян поход на Танжер. Отношение к этому походу значительно отличалось от того подъема и воодушевления в городах, которые сопутствовали захвату Сеуты. В 1415 г. лиссабонское купечество всемерно готово было содействовать взятию исключительно важного, ключевого для средиземноморско-атлантической торговли пункта, гарантировавшего защиту судов и товаров от берберских пиратов в непосредственной близости от их гнезд, а Танжер привлекал в основном португальских фидалгу, рассчитывавших на военную добычу и доходные должности. Города не были заинтересованы в этом походе, тем более что на них падала львиная доля расходов. Экспедиция, однако, состоялась и, к несчастью, оказалась неудачной: португальские войска потерпели поражение. Один из братьев-инфантов, Фернанду, лекарем которого был сын Фернана Лопе-ша, о котором уже рассказывалось, был оставлен заложником и мог надеяться снова увидеть берега родины лишь после уплаты большого выкупа. Выкуп христианских пленников у мусульман, если представлялась такая возможность, всегда считался священной обязанностью. Большим позором было оставлять в плену королевского сына. Чтобы уплатить огромную сумму, начался сбор средств по стране, но инфант Энрике решительно воспротивился столь разорительной трате на выкуп родного брата. Проведя несколько лет в плену, Фернанду скончался, заслужив в истории прозвание Святого инфанта.

Неудача в Танжере не остановила экспансию. Одна за другой шли каравеллы вдоль побережья Африки. Уже в 1456 г. португальцы добрались до Островов Зеленого Мыса. Через 30 лет, в 1486 г., Бартоломеу Диаш достиг южной оконечности Африканского континента и обогнул его. В 1438 г. Вашку да Гама приплыл в Индию, а Кабрал в 1500 г. открыл для португальцев Бразилию.

Что несли Португалии корабли, возвращавшиеся домой под старыми истрепанными парусами? Что оставляли дома, уходя в океан?

Ежегодно в Португалию ввозились до 10 тыс. рабов, которые могли использоваться на домашних и полевых работах⁶. По свидетельству Дамиана де Гоиша, в это время восьмую часть населения Лиссабона составляли африканцы. Золото, слоновая кость, специи — все это хорошо известные по литературе плоды морских походов португальских флотов.

Однако заморская экспансия началась тогда, когда уровень развития португальского ремесла и производства в целом был еще очень низок. Огромные богатства колоний, открывавшиеся Португалии, не могли найти себе достойного вложения и применения, как это случилось впоследствии в Англии, и не способствовали дальнейшему развитию страны. Богатства утекали сквозь пальцы португальских королей и дворян, использовавших для получения новых богатств свои привилегии и должности и переставших интересоваться собственными землями. Исчезали же эти богатства быстро. Привозимые из колоний ценности и диковины продавались в другие страны, попадая в руки услужливых перекупщиков, которых было полно в Лиссабоне, с давних времен являвшемся центром международной торговли. Золото шло на приобретение товаров повседневного спроса или предметов роскоши, в производстве которых Португалия отставала. Страна, через которую струился золотой поток, оставалась бедной. Не зря современники называли ее «оборванцем в золотой короне».

Символом Португалии этого времени могут служить Капеллаш Имперфейташ (Незаконченные Часовни) — часть собора монастыря Баталья. Это задуманное с большим размахом роскошное архитектурное сооружение, на которое очень скоро не стало хватать денег и которое навечно осталось своеобразным памятником тех времен.

В то же время непрерывный приток больших богатств в королевство делал ненужной инициативу ее жителей в любой из областей, за исключением связанных с заморскими владениями. Бессмысленно было в поте лица обрабатывать земельный надел, гнуть спину в мастерской или зарабатывать гроши на поденной работе, когда с прибытием в Лиссабон корабля из колоний монеты швырялись направо и налево, цены на

продовольствие и вино взлетали до небес. Жители Лиссабона на продаже морякам необходимых им мелочей, вина, хлеба и прочего получали огромные деньги, а затем в бездействии и полудреме ожидали прибытия следующего корабля с сокровищами. Разумеется, это относится не ко всем, но значительная часть обитателей портовых городов — Лиссабона, Порту, Лагуша — действительно жили от корабля до корабля.

Экспансия имела и другие отрицательные последствия, среди которых первенство за эмиграцией. Не только преступники, высылавшиеся за пределы страны, находились на борту кораблей, устремившихся в заокеанские дали, но и те, кого манили свобода и возможности сказочно быстрого обогащения в чудесных заморских странах. Несомненно, что и в том и в другом случае это были наиболее социально активные люди. Абсолютно точных цифр эмиграции нет. Однако полагают, что в 1450—1505 гг. выезжало примерно 750 человек в год, т. е. за полвека более 41 тыс. человек покинули страну. По другим подсчетам, менее чем за столетие выехало 280 тыс. человек⁷. Сопоставив эти цифры с численностью населения Лиссабона, которая в конце XVI в. составляла 120 тыс. человек, можно легко убедиться, что страна нищала и людьми.

Нет никаких сомнений в приоритете экономических, социальных и политических факторов заморской экспансии. Но было бы несправедливо необычайный взлет народного духа, героическую и трудную страницу национальной истории приписать только лишь воздействию этих факторов, сознательно опустив субъективное отношение тысяч безвестных подданных португальской короны, искавших счастья в далеких землях и не оставивших после себя ни трактатов, ни записок о путешествиях, подобных хроникам или «Лузиадам» великого Камоэнса.

Мир, открывшийся глазам бесстрашных португальцев, изумил их своим причудливым многообразием. Восприимчивость к этому необычному миру португальского общества нагляднее всего проявилась в архитектуре и изобразительном искусстве. Под впечатлением увиденного за океаном в Португалии в начале XVI в. возник декоративно-архитектурный стиль, получивший название «мануэлину», по имени правившего в то время страной короля Мануэла Счастливого.

«Мануэлину» пришел на смену изящной португальской готике, вершиной которой считается монастырь Ваталья, многое унаследовав от нее и многим обогатив португальское зодчество. Для «мануэлину» характерно воплощение безграничного мира в очень конкретных деталях — диковинных растительных орнаментах, канатах, колоннах-пальмах. Общий дух построек этого стиля монументален и изыскан. Свободные пространства между колоннами с беспрепятственно льющимся в интерьер светом создают единый прозрачный и легкий объем собора. В этом стиле выстроены башня в Белене, Капеллаш Имперфейташ, замок и собор в Томаре, монастырь Жерони-муш. «Мануэлину», специфически португальский стиль, был открыт влиянием и изменениям, но, несмотря на тесные контакты Португалии с Италией, мотивам заморского происхождения оказывалось безусловно предпочтение перед достижениями итальянской ренессансной архитектуры.

Эпоха короля Мануэла и Камоэнса — «золотой век» Португалии — была, видимо, последним временем, когда португальцы давали положительную оценку своему настоящему. В дальнейшем их взоры обращались либо в прошлое, либо в полное надежд и ожиданий будущее.

Миф об исчезнувшем короле

Вслед за блестящей эпохой Мануэла I Счастливого, когда еще не проявилось в метрополии то негативное, что было заложено бурной колониальной экспансией, пришло время, требовавшее усилий и труда. Ошеломляющие успехи отошли в прошлое. Ни регентство Катарины (1557—1562), ни правление кардинала Энрике (1562—1568) в малолетство короля Себастьяна не были легкими.

Эпоха самого Себастьяна, вступившего на престол в возрасте 14 лет и лишь на первых порах допускавшего вмешательство умудренной Катарины в дела управления, не богата событиями. В 1559 г. в Эворе возник университет, в 1572 г. вышли из печати «Лузиады» Камоэнса, посвященные дону Себастьяну; начало причинять беспокойство английское и французское пиратство... Огромная империя требовала человеческих и денежных ресурсов, а исправно поставляемые в метрополию золото, рабы, черное дерево и другие богатства уходили как вода в песок.

Дон Себастьян, наследник Авиесского трона и внук Карла V, императора «Священной римской империи» и испанского короля, воспитанный в почитании лишь святой веры и величия Португалии, взойдя на престол, мечтал о преумножении силы португальского оружия и обретении славы государя и полководца. Пытаясь возродить старинные традиции, он воображал себя одним из древних королей, много путешествовал по стране верхом, окруженный придворными и министрами, устраивал турниры, в которых участвовал и сам. Странности характера честолюбивого Себастьяна толкали его иногда на необычные поступки. Летом 1569 г., когда в Лиссабоне бушевала чума, он приехал в старинный монастырь Алкобаса. Ему пришлось в голову вскрыть находившиеся там захоронения королей — его предшественников на португальском троне, и никто не осмелился возразить столь мрачной любознательности. Останки гиганта Афонсу III произвели сильное впечатление на Себастьяна, особенно чтившего его за от-воевание Алгарве. К останкам Афонсу II он

остался безразличным, ибо тот ничего не прибавил к своим владениям. Могила короля Педру и Инее де Кастро оказалось невозможно вскрыть без того, чтобы не повредить ее тончайшей работы убранство, и Себастьян приказал не трогать ее. Позднее в монастыре Баталья Себастьян приказал вскрыть захоронение Жоана II и с ужасом и восхищением созерцал неразложившийся труп и казавшиеся нетронутыми одежды...

Вероятно, именно в эти годы мечта о славе государя и стала воплощаться у Себастьяна в планы вторжения на африканскую территорию. Он предался им с тем большим пылом, что другие государственные затеи не увенчались успехом. Среди многочисленных матримониальных замыслов доны Катарини был и почти слаженный договор о браке с принцессой Маргаритой Валуа, знаменитой впоследствии королевой Франции¹. Но эти планы расстроились, не без участия португальских медиков, не рекомендовавших спешить с женитьбой из-за якобы слабого здоровья короля. Спустя некоторое время, 18 августа 1572 г., в Париже отпраздновали бракосочетание Маргариты с молодым Беарнцем, наваррским королем, будущим Генрихом IV.

Историки, надо полагать, еще долго будут спорить о причинах, заставивших молодого португальского короля устремиться в бесплодные просторы Северной Африки. Объяснения кроются и в экономических затруднениях Португалии, и в политических притязаниях королевства, и в дипломатических комбинациях... К этому нужно добавить и общее настроение португальцев, пронизанное неудовлетворенностью существующим положением. Но нет сомнения в том, что личность самого дон Себастьяна и его устремления сыграли в этом огромную роль. Все изъяны воспитания, наложившиеся на причудливый склад его натуры, нелады с бабкой, доной Катарини, неудачи матримониальных планов, желание поразить мир доблестью и отвагой — все это слилось в единую мечту об африканском военном походе, мечту, осуществление которой должно было поставить Себастьяна в один ряд с самыми выдающимися государями Лузитанского королевства.

Уже в 1571 г. под влиянием успехов Лушна де Атаиде Себастьян вознамерился отправиться на подвиги в Индию, и от этого его смог отговорить лишь дядя — старый кардинал Энрике.

Цель африканского предприятия была грандиозна, хотя и неопределенна: расширить границы Португалии, основать великую империю на севере Африки, победами католического войска противодействовать успехам гугенотов и лютеран. Мысленно Себастьян из государя второй половины XVI в., которому надлежало быть проницательным и дальновидным, перевоплотился в паладина рыцарских романов.

На некоторое время Себастьяна отвлекла идея антитурецкой Лиги²⁴, но перспектива делить славу с другими полководцами и не иметь возможности единолично влиять на ход событий заставила его отказаться от этих намерений и вновь обратиться к подготовке африканского похода. Впервые Себастьян побывал в Марокко в 1574 г. Раздосадованный неполадками, возникшими в этой первой очень плохо подготовленной экспедиции, король лично отредактировал представленную ему реляцию о походе. Этот документ рисует потомкам живой портрет дон Себастьяна, являя тщеславие в поведении, немалую самонадеянность в области военных знаний и мореходного дела, демонстрирует самолюбивого и гордого человека, мало способного отвлечься от собственной личности при изложении дела². Возвратясь, он активно продолжал готовить новую экспедицию, приближая будущие трагические события.

После возвращения короля из Танжера искушенные придворные мгновенно отметили, что благоволение Себастьяна снискали четыре кавалейру, особенно воодушевленные идеями короля и с энтузиазмом принимавшие его замыслы и предприятия. Это, надо полагать, сильно отличалось от точки зрения прежнего ближайшего окружения, у которого африканские проекты короля не встречали поддержки. Теперь вопрос был решен.

Готовясь к африканскому походу, Себастьян объявил о решительном намерении связать себя наконец узами брака. Это было не безразлично для судеб королевства, ибо касалось престолонаследия. В супруги предполагалось взять испанскую инфанту. В Мадрид с миссией был отправлен Педру де Алкасова. Встречаясь и ведя переговоры с герцогом Альбой, он и не подозревал, что говорит с человеком, который спустя несколько лет после гибели дон Себастьяна войдет во главе войска в Португалию и покорит ее испанской короне. Кроме матримониальных дел на переговорах обсуждалась и возможность войны в Африке. Филипп II согласился встретиться с Себастьяном в Гуадалупе.

К этому времени Себастьяну исполнилось 22 года. Современники так описывают его: среднего роста, физически очень сильный, он мог легко обуздать коня, прекрасно владел боевым копьем. При ходьбе он слегка прихрамывал, едва заметно отклоняясь корпусом в левую сторону, однако, таким образом, что это не уродовало ни его облика, ни походки. Несмотря на тяжелую болезнь, перенесенную в детстве, внешне Себастьян производил впечатление вполне здорового человека, в избытке наделенного силой, иногда доходившей до грубости. Голубоглазый, с рыжеватыми волосами, он имел обычно вид не только серьезный, но преимущественно горделивый, даже заносчивый. Он был человеком, не привыкшим и не умевшим скрывать свои привязанности и антипатии. Всем поведением и внешним видом он демонстрировал наличие

²⁴ В связи с активным продвижением Османской империи на запад в XVI в. европейские государства не раз пытались создать антитурецкую коалицию, как, например, в 1571 г., когда объединение сил Испании, Венеции и Рима обеспечило им победу при Лепанто.

австрийской крови в жилах потомка португальских монархов. Привыкнув с малых лет подчинять себе окружающих, не встречая преград своему стремлению к господству, он, по свидетельствам, был убежден в том, что предназначен судьбой к высоким деяниям, которые сделают бессмертным его имя.

Таким предстал король Себастьян перед Филиппом II. На встрече в Гуадалупе испанский король согласился предоставить Португалии помощь, но только для военных действий на побережье Африки, и войско в 15 тыс. солдат, в том числе 6 тыс. немцев и 2 тыс. итальянцев, которое должен был оплатить Себастьян, и 5 тыс. испанцев, за которых платит Филипп, а также всяческое снабжение и снаряжение войск. Эта помощь могла быть оказана лишь в том случае, если не возникнет опасности со стороны турок или где-либо еще во владениях испанского короля.

Кроме того Себастьяну была обещана рука инфанты доньи Исабель по достижении ею брачного возраста³.

Возможно, что именно эта обнадежившая Себастьяна встреча в Гуадалупе стала роковой в его судьбе. Испанскому королю приписывают фразу, якобы оброненную им вслед удалявшемуся Себастьяну: «Если он победит — мы приобретем славного зятя, если будет побежден — королевство». Трудно судить о подлинных чувствах Филиппа II, но не стоит искать в нем корыстные устремления в отношении португальского королевства. Есть свидетельства, что Филипп был озабочен тем, как бы отговорить племянника от задуманной авантюры. Но после торжественного возвращения Себастьяна в Лиссабон со всех сторон только и слышалось о будущих победах короля над неверными и африканских завоеваниях.

Снаряжение экспедиции требовало огромных средств. По договору с папой Григорием XIII для подготовки экспедиции, объявленной крестовым походом, королю была передана в 1576 г. треть всех доходов церкви в Португалии, хотя это вызвало возражения клира, считавшего, что африканская война вызвана не необходимостью, а прихотью короля. О протестах народа по поводу сбора этих средств ничего не известно, хотя Себастьян приказал провести перепись всего недвижимого имущества, забрал деньги из фонда сирот, выкупные деньги, ввел новые налоги. У прелатов, знати, коммерсантов и крупнейших городов король требовал «добровольных» взносов.

Ввиду недостатка денег Себастьян сделал крупный иностранный заем у Конрада Ротта из Аугсбурга — 400 тыс. крузadu на условиях 8%. Большая сумма была получена и от «новых христиан», которые после долгих переговоров согласились дать заем в 240 тыс. крузadu в обмен на десятилетнюю отсрочку конфискации имущества осужденных инквизицией.

Бывший регент кардинал Энрике был весьма недоволен действиями племянника и жаловался в Рим, но безуспешно.

Мысль о том, что ресурсы Португалии ныне явно недостаточны для ведения такой заморской войны, не могла остановить Себастьяна.

Ускорила экспедицию необходимость оказать помощь бывшему берберскому султану Мулай Мухаммад аль-Му-таваккилю, известному европейцам как Шариф, лишённому в 1575 г. трона своим братом Мулай Абд-аль-Мали-ком.

Тем временем Филипп II отказался от своих обещаний, сославшись на оговорку в Гуадалупском соглашении и события во Фландрии. Может быть, ему стали известны тайные переговоры Себастьяна о браке в отношении Франчески Медичи с ее богатым приданым? Может быть, он не питал больше надежд на то, что Себастьян откажется от этой бесполезной затеи? Истинные мотивы его поступка остаются для нас загадкой.

Филипп настаивал, чтобы поход был отложен, ставя это условием предоставления помощи, но 6 декабря 1577 г. Себастьян сообщил испанскому послу о намерении лично возглавить поход. О том же он сухо уведомил Филиппа и герцога Альбу.

Дона Катарина, успев благословить внука, умерла в возрасте 71 года. После этого единственным человеком, к чьему мнению немного прислушивался король, остался кардинал Энрике. Решение Себастьяна самому руководить войсками не вызвало у старого кардинала ничего, кроме возражений. Пытались возражать и лиссабонские должностные лица, явившиеся во дворец⁴.

В конце концов Себастьян во гневе созвал знать и высший клир королевства и публично объявил о своем намерении руководить кампанией⁵.

Вопрос о замещении трона в связи с отсутствием короля единогласно был решен в пользу кардинала Энрике. Однако возраст и сан кардинала не позволяли быть спокойным за судьбу престола. Себастьян же отказался возвращаться к столь деликатному вопросу и оставил его нерешенным.

От испанского короля между тем прибыло 2800 немцев, голландцев и валлонцев. Они пришли как типичные наемники — с обозом и женщинами. Кроме того, выяснилось, что многие из них были кальвинистами и лютеранами. Все это вызвало недовольство в Лиссабоне⁶.

От папы римского прибыло 600 итальянских солдат под командой англичанина. Подошел и кастильский контингент — 1600 человек.

Из португальских войск Себастьян имел конный полк — 1400 всадников, отборные сыновья дворянских родов, и 4 полка пехоты из разных провинций королевства, в каждом по 3000 человек (к этому надо добавить приблизительно тысячу воинов Шарифа и около тысячи всадников из Танжера и Арсилы,

которые присоединились к войску в Африке).

В ожидании отправки войска были расквартированы неподалеку от Лиссабона. В плохо снаряженном войске не хватало оружия. Заметно было отсутствие организованности и дисциплины. Итальянцы настолько отличались в скандальных поступках, что их капитаны были посажены в тюрьму. Часто драки принимали характер настоящих сражений, например стычка немцев с португальцами на площади Боа-Вишта, столкновение между португальцами и испанцами на площади Россиу, стоившее жизни четверым испанцам. Это вынудило короля запретить схватки под страхом смертной казни. День ото дня нарастали сложности с выплатой солдатам жалованья.

Подготовка африканской кампании, разумеется, не могла укрыться ни от кого. Абд-аль-Малик, чтобы избежать войны, обратился к обоим пиренейским монархам, готовый на уступки части своих земель Португалии и соглашаясь на переговоры с доверенными лицами португальского короля. Дон Себастьян, разумеется, отказался.

Рано утром 14 июня 1578 г. в присутствии высшей знати, окруженной многочисленными слугами в одеждах цвета гербов их сеньоров, архиепископ благословил королевское знамя. Началась погрузка, продолжавшаяся до 25 июня.

Отплытие из Лиссабона превратилось во всеобщий праздник, полный роскоши и великолепия. Армада насчитывала до полутысячи парусников. На борту кораблей, помимо военных, были представитель папы римского, исповедник короля, епископ Порту и много клириков разных орденов, отправившихся обращать неверных. Были представители юстиции и поэт Дьюгу Бернардеш.

По дороге флот заходил в Лагуш, затем в Кадис⁷. На рассвете 7 июля войско Себастьяна прибыло в Танжер.

Из Танжера Себастьян решил двигаться прямо в Аль-касер-Кибир (совр. Эль-Ксар-эль-Кебир) и захватить его. За это время флот должен был подойти к Ларашу и атаковать его с моря, а Себастьян со своим войском, оставив Алькасер-Кибир позади, окружить Лараш с суши. Король, излагая этот план на военном совете, ожидал одобрения. Большинство присутствовавших, опытные придворные заглушили в себе голос военного опыта. Только полковник алентежанского полка Башку да Силвейра не сумел промолчать. Он заговорил об опасности сухопутного похода, о трудностях завоевания города с большим населением. Полковник напомнил, что даже незначительное сопротивление противника неизбежно задержит войско на более длительное время, чем это позволяют запасы воды и пищи, и голод вынудит португальцев к отступлению. Он предложил сначала взять Лараш, обеспечив этим бесперебойное снабжение армии, а затем помышлять о взятии Алькасер-Кибира.

Но он не был услышан.

Выступление назначили на 29 июля. Припасами загрузили 500 повозок, из них: 100 везли хлебные припасы, рассчитанные на шесть дней; 20 были под фуражом, порохом, свинцом и прочими боеприпасами; 40 выделили под бочонки с водой. Часть повозок везла серебряные и медные деньги, походный алтарь, прочее имущество. Вместе с принадлежавшими фидалгу и прочим сеньорам в обозе У насчитывалось около 1120 повозок.

На всем пути следования войско сопровождали трудности и лишения. Опасения полковника из Алентежу оправдались полностью, но последствия оказались еще более ужасными и губительными. С самого начала пища и питье были очень скудны. Нависла угроза голода. Пересохшие в это время года реки не оставляли надежды на воду.

На чрезвычайном совете Себастьян вынужден был согласиться на возвращение в Арсилу. В ту же ночь, не теряя ни минуты, в Арсилу помчались конники, чтобы задержать флот, и прибыли туда утром 31 июля. На их беду накануне вечером армада вышла в море, взяв курс на Лараш.

Это известие повергло всех в отчаяние, которое не коснулось лишь Себастьяна, жаждавшего встречи с противником.

Наступило 4 августа 1578 г.

Уже в первые часы утра стало заметным движение в обоих лагерях. Португальские подразделения заняли позиции. Мусульманское войско, отличавшееся высокой дисциплиной и превосходившее по численности армию Себастьяна примерно вдвое, тоже построилось в боевые порядки.

Гул арабских пушек заставил содрогнуться окрестные равнины, и первые залпы нанесли ощутимые потери португальскому войску. Дон Себастьян в сверкающих доспехах с мечом в руках объехал войско и сказал краткую речь. За ней последовала молитва. Все огромное войско коленапреклоненно молилось на том поле, где спустя несколько часов многие из них полегли навечно.

Полумесец маврской конницы начал атаку. Не приняв никаких мер предосторожности, Себастьян вступил в бой. Спустя самое малое время битва уже кипела и все поле заполнилось криками сражающихся, стуком щитов, лязгом доспехов и звоном оружия. Войско Себастьяна сражалось с такой неистовостью и упорством, тесня вражескую кавалерию, что был момент, когда показалось — португальцы близки к победе. Это было в тот миг, когда погиб Абд-аль-Малик.

Но военное счастье отвернулось от португальцев. Всадники арабов сильным ударом обрушились на

арьергард, потрепав испанскую и португальскую конницу, и тем начали ужасный разгром христианского войска. Непривычка к боевым действиям португальских солдат, набранных из деревень, несогласованные действия фидалгу, слабость иноземных наемников привели к тому, что меньше чем через час поле битвы превратилось в сплошную массу конских и человеческих тел, доспехов и оружия. Почувствовав близость победы, арабы удвоили усилия.

Король Себастьян в измятых и залитых кровью доспехах не покидал поля боя; под ним трижды меняли лошадь. Вокруг него становилось все меньше приближенных. На предложения спастись он отвечал отказом. Последнее, что видели,— он бросился с мечом в руке навстречу маврам. О дальнейшей его судьбе достоверно ничего не известно.

Поражение было сокрушительным. Погибло до 6 тыс. человек со стороны мавров, 7—8 тыс.— со стороны христиан. Тысячи оказались в плену, в том числе такие знатные сеньоры, как граф де Барселуш, Антониу приор Крату, посол Испании и многие другие⁸, за кого впоследствии были выплачены немалые выкупы²⁵.

Всех волновало, что же стало с португальским королем? Одни говорили, что он спасся, переплыв на противоположный берег реки, другие, что он мертв; один из приближенных утверждал, будто опознал его среди раздетых и ограбленных мертвых тел. Доставленный в лагерь арабов по приказу их нового правителя труп имел пять ран на голове и множество на теле. Пролежав не меньше суток на жаре, он уже тогда был плохо опознаваем, и это тоже способствовало впоследствии распространению слухов и легенд.

Найденное тело, одетое португальскими пленными, было передано им, а затем хранилось в Алькасер-Кибире до тех пор, пока осенью 1578 г. Филипп II не договорился о его выдаче. Сначала тело было перевезено в Сеуту и помещено в капеллу Сантьяго в церкви Троицы, а затем перенесено в главную часовню кафедрального собора. Но и здесь эти останки не обрели покоя: в 1582 г. Филипп II приказал перенести их в Лиссабон, так как исчезновение короля на поле боя, невозвращение его тела в Португалию породило множество легенд и надежд на то, что он остался жив, тем более что возвращение спустя годы из продолжительных и опаснейших путешествий для народа-мореплавателя не было в диковинку. Но к этому времени у Филиппа уже были особые причины желать, чтобы мертвый Себастьян все же вернулся раз и навсегда, и 11 декабря траурный кортеж прибыл в столицу, где состоялось захоронение в капелле церкви Санта-Мария де Белем.

Весть о разгроме португальских войск в Африке дошла до Португалии 10 августа, а 11-го было получено официальное уведомление из Суэты. Разгром такого масштаба, полная потеря армии были ни с чем не сравнимы. Вести, передаваемые из уст в уста, создавали ощущение катастрофы.

Правление страной было вручено кардиналу Энрике до получения точных известий о судьбе короля, а 24 августа пришли письма, подтверждавшие гибель короля и армии, что и было объявлено публично. Судьба трона Ависского магистра стала незавидной, так как среди реальных законных наследников виделась и фигура могущественного претендента — Филиппа II Испанского.

В африканских крепостях и фортах все были потрясены случившимся. В этой обстановке появление неких молодых фидалгу, спасшихся с поля боя и просивших в Арсиле отправить их в Португалию, наряду с той таинственностью и предосторожностями, с которыми они были приняты на борт галеона «Сан-Мартин», стало еще одним компонентом в рождении легенды о пропавшем короле Себастьяне.

Вплоть до того момента, как Себастьян поскакал с обнаженным мечом навстречу врагам, речь шла о подлинных событиях из жизни этого короля. Дальнейшее принадлежит легенде. Амбиции этого человека и его притязания на бессмертие были погребены в африканских песках. Но его трагическая неудача и гибель стали его бессмертием. Этот недалекovidный и немудрый король возродился в легенде о «Сокровенном» короле Себастьяне, и его имя стало одним из самых знаменитых среди имен португальских королей.

Едва португальский флот достиг Лиссабона, как весть о чудесном спасении «Сокровенного» короля начала быстро распространяться по стране. Вера в то, что дон Себастьян не мертв, обретала все новых приверженцев не только в простом народе, но и среди знати и клира. Особенно актуальна она стала после смерти старого кардинала, пережившего племянника меньше, чем на два года, и не назначившего себе преемника, когда перед Португалией встал вопрос о престолонаследии.

Несмотря на сопротивление португальцев и попытки некоторых из знати захватить опустевший трон, Филипп II подкрепил свои законные притязания вводом в Португалию 20-тысячной армии под командованием известного герцога Альбы. В 1581 г. португальские кортесы в городе Томаре провозгласили Филиппа II королем Португалии и согласились войти в состав Испании на условиях определенной автономии. С этого времени на 60 лет Португалия лишилась суверенитета.

В этой ситуации легенда о Себастьяне приобрела черты патриотического мифа. Суть легенды состояла в том, что Себастьян жив, тайно вербует сторонников, и главное, возвратится. В легенде угадывались явные черты сопротивления иностранному владычеству.

²⁵ За каждого фидалгу было выплачено 5000 крузаду, т. е. всего около 400 тыс., что составило 1,5 т золотых монет.

Себастьянисты полагали, что милость божья уберегла короля и сохранила его в тайном месте, на пустынном острове, откуда он вернется, чтобы освободить Португалию от чужеземцев. Верили, что возвращение короля будет ; предзнаменовано сверхъестественными событиями, что основывалось на давно имевших хождение сочинениях некоего Бандарры, башмачника из Транкозу. Они приобрели большую популярность и не раз осуждались инквизицией.

В одном из вариантов легенды рассказывалось, что короля держат в плену в Марокко, в другом — что испанцы заточили его в темницу. Для последней версии имелись исторические основания, ибо именно так поступил король Кастилии в конце XIV в. с одним из возможных претендентов на португальский престол, с сыном короля Педру и Инес де Кастро. А позже, в XVII в., такую судьбу испытал один из отпрысков Браганского дома, не помышлявший о престоле, но тем не менее захваченный по наущению Филиппа IV и окончивший свои дни в темнице. Образ этого томящегося в тюрьме принца стал нарицательным в Европе.

Народное сознание вносило в легенду элементы народной утопии, «новые христиане» наполняли ее содержание характерным мессианизмом, образованные клирики, вроде Антониу Виейры, связывали с ней мечты о «пятой империи», но все сходилось в одном — с возвращением Себастьяна связано возрождение страны и счастье ее народа. Во всяком случае, жизнь легенде была определена долгая.

Вера в пришествие «Сокровенного» была настолько сильной, что даже в 1603 г., спустя четверть века после его гибели, Филиппу III доносили о том, что среди португальцев передаются приметы для опознания Себастьяна при встрече.

Приметы следующие:

1. Правая кисть больше левой.
2. Правая рука длиннее левой.
3. Тело, начиная с плеч и до талии, столь коротко, что его камзол не может служить никакому другому человеку такого же роста.
4. От талии до колен расстояние очень большое.
5. Правая нога длиннее левой.
6. Правая ступня больше левой.
7. Пальцы ног почти одинаковой длины.
8. На мизинце правой ноги имеется бородавка, иногда увеличивающаяся, будто шестой палец.
9. Высокий подъем ноги.
10. На одном плече знак размером с португальский винтен²⁶.
11. На правом плече около шеи черный знак с ноготок.
12. Веснушки на лице и на руках, едва заметные, так что, кто о них не знает, не может их различить.
13. Левая сторона тела короче правой, но это почти незаметно.
14. Отсутствие одного зуба с правой стороны нижней челюсти.
15. Тайный знак.
16. Кроме того, имеет знак очень тайный, о котором объявят, когда потребуется.

Дополнительные приметы: длинные пальцы и ногти на руках и характерная австрийская губа... Все эти знаки — от рождения. Имеет к тому же шрам от аркебузы, полученный в Африке, шрам от раны на голове, и шрам на левой брови⁹.

Подобные приметы имели немалую практическую ценность в глазах современников событий. Появился целый ряд авантюристов, пытавшихся выдать себя за короля Себастьяна. Наиболее известны четверо из них. Двое — так называемые король Панамакора и король Эрисейра — были легко разоблачены и сурово наказаны. Третий объявился в 1594 г. в Кастилии и, сблизившись со многими высокопоставленными лицами, выдавал себя за пропавшего короля довольно успешно. Он был казнен, но так и не открыл своего настоящего имени. Четвертый появился в 1598 г. в Венеции и целых пять лет пребывал в этом образе, но в 1603 г. последовал за своими предшественниками.

Историки и преклонялись перед славной памятью короля Себастьяна, и обвиняли его, возлагая на него ответственность за исторические судьбы страны. Споры нет, политика Себастьяна ускорила падение Португалии, усугубила его династическим кризисом, но винить во всем недолгое правление юного короля было бы несправедливо.

Огромная колониальная империя стала высасывать живые силы маленькой метрополии, роскошь привозимых ко-юниальных диковин заслоняла от глаз обнищание страны. А Себастьян — Себастьян был, надо полагать, во многом точным воплощением своей эпохи. С этим государем, замыкающим великолепную галерею деятелей ависской Португалии, не только пришел в упадок один из самых замечательных королевских домов Европы XIV—XVI вв., но и оказалась заросшей и затерянной одна из возможных дорог португальской истории.

²⁶ Винтен - мелкая португальская монета.

Конец эпохи трех Филиппов

Из всей эпохи пребывания Португалии под властью испанских королей — так называемой «эпохи трех Филиппов» — наибольшее число трудностей выпало на долю последнего, Филиппа IV, наследовавшего трон в 1621 г. Бурное начало ХУП века — века революций и самозванцев, заполненное войнами, неурожаями и восстаниями, щедро наделило всем этим страны Пиренейского полуострова. Снова в историческом развитии его возобладала тенденция к распаду иберийской общности.

Этот процесс затронул почти весь полуостров. Нет сомнений в том, что характер сепаратистских движений в Каталонии, Португалии, Андалусии и Басконии был различен. Наибольшим успехом этот процесс завершился в Португалии, и снова, как уже не раз в истории этой страны, возникает вопрос: почему? Почему только Португалии удалось вновь обрести независимость после многолетней и, казалось бы, перспективной унии?

Отделение Португалии от Испании в 1640 г. невозможно понять без анализа предшествующих десятилетий. На протяжении 60 лет отношение в Португалии к унии не было ни однозначным, ни неизменным. Изменяясь с течением времени, оно было к тому же различным у разных социальных слоев. Значительная часть крупной знати, обладавшая большими земельными владениями в самой Португалии, сумела переориентироваться в новой ситуации, используя в том числе и службу при испанском дворе. Гораздо хуже оказалось положение мелкого и среднего дворянства, особенно учитывая общее положение экономики, в частности сельского хозяйства в XVII в.: доходы его резко падали, а на победу в конкуренции с кастильским дворянством надеяться не приходилось, тем более что Габсбурги в Испании и испанских заморских владениях сначала стихийно, а затем вполне осознанно выдвигали на первые роли именно кастильцев. В связи с этим в среде нетитулованного дворянства могли возникать недовольство унией и желание разорвать ее.

По-иному уния воспринималась торгово-предпринимательской верхушкой. Включение в состав испанской монархии имело для нее и положительные, и отрицательные последствия. Многие португальские дельцы теперь финансировали мадридский двор; через Мадрид они смогли связаться с европейскими компаниями и банкирскими домами. Португальская торговля шла успешнее севильской. Португалия даже в испанских колониях пользовалась монополией на работоторговлю. В то же время ряд указов, ограничивавших при Оливаресе деятельность португальцев в колониях, тяжелые поражения Испании, понесенные ею в колониальных землях (в том числе в Бразилии и Ормузе, принадлежавших собственно Португалии), а более всего налоговая политика Мадрида вызвали резко отрицательное отношение этих слоев населения страны.

Вообще положение Португалии в составе Испании в период правления Филиппа IV значительно изменилось в связи с централизаторской политикой Оливареса. Реализация ее повлекла за собой нарушение достаточно хрупкой и не вполне сложившейся системы отношений между Мадридом и Лиссабоном. Назначение вместо вице-королей губернаторов или наместников, прекращение созыва кортесов, увеличение числа кастильцев в аппарате, появление кастильских гарнизонов воспринималось как нарушение политических принципов автономии Португалии. Планы и попытки включить королевство и в финансовую, и в военную систему Испанской монархии тем более вызывали сопротивление португальцев.

В крайне неблагоприятном положении оказалось португальское крестьянство. В условиях падения доходов от колоний и общей экономической нестабильности, свойственной XVII веку повсеместно, землевладельцы увеличивали рентные платежи. Задавленные повинностями и налогами, крестьяне покидали свои земли. Становилось все больше заброшенных пашен, сокращались посевы зерновых, ощущался постоянный дефицит хлеба. Он был особенно заметен в 30-е годы в Бейре, Алентежу, тем более что в эти годы здесь свирепствовали жестокие засухи.

С немалыми трудностями столкнулись и горожане. Португальский город тесно был связан с экспортными отраслями производства и отраслями, обслуживавшими мореплавание и торговлю. Поэтому кризис отношений с заморскими территориями, естественно, вызвал осложнения в городской экономике и падение доходов городских слоев. Эти сложности усугублялись ростом налогов — явлением, тоже типичным для многих стран Европы в то время, в Испании усиленным участием ее (и поражениями) в Тридцатилетней войне. В период 1621—1640 гг. резкое увеличение налогов задело интересы даже привилегированных слоев. Были введены новый полугодовой налог на соль, налог на мелкие сделки, который больно ударил по всем, но особенно по низшим слоям городского населения. Распространение этого последнего на духовенство вызвало его откровенное недовольство Мадридом. Кроме того, испанское правительство решило удерживать четвертую часть доходов со всех рент короны и доходных должностей¹. Мотивацией введения новых налогов служила необходимость защиты португальских заморских владений — Индии, Бразилии. Однако постоянные неудачи в этой области, продолжавшиеся нападения на португальские эскадры голландцев, утрата Баии — крупной области в Бразилии создавали в Португалии ощущение бессмысленности этих затрат, а ухудшение положения страны и налоговый гнет воспринимались как следствие кастильского господства.

Накопившееся в обществе недовольство отчетливо выразилось в сочинениях и трактатах, с 20-х годов

начавших появляться и в Португалии, и за ее пределами. Общим для них было стремление решить вопрос о правомерности, законности и полезности унии Португалии с Испанией². В кругах образованных клириков, университетских преподавателей возникают и получают широкое признание так называемые «Акты кортесов в Ламегу» — фальсифицированный документ якобы XII в., устанавливавший правила наследования португальского престола и правомерность выборов короля «народом», что содержало явный намек на незаконность присвоения португальского трона испанским королем.

Эти трактаты питались, разумеется, не только учеными изысканиями. Взоры португальских дворян все чаще обращались к герцогу Браганскому — наиболее вероятному из соперников Филиппа, отпрыску боковой ветви португальского королевского дома.

Королевской пышностью отличался прием герцога в 1635 г. в Эворе. Его приветствовали ректор университета и прелаты, в его честь отслужили в главном соборе города торжественную мессу. Он посетил Университет, где на церемонию собрались все доктора и магистры со знаками отличия. На университетской площади, где были воздвигнуты восемь трибун по числу изучавшихся в Университете наук, была представлена трагикомедия с музыкой. Необыкновенная торжественность праздника отмечена в записках Антониу Франку, который добавил, что королю Кастилии с завистью донесли о чрезвычайных почестях, оказанных герцогу городом, капитулом и Университетом³.

В среде дворянства и купечества в 30-е годы наиболее популярным оставалось осторожное выжидание. Вместе с тем именно эти годы ознаменовались началом активных действий непривилегированных слоев. Одним из первых проявлений народного возмущения стали волнения в Лиссабоне летом 1628 г., которые были вызваны требованием правительства Филиппа IV собрать дополнительный налог в 200 тыс. крузату. Восставшие забросали камнями дворян, обратили в бегство кастильский гарнизон, ворвались в замок. На следующий год, в октябре 1629 г. вспыхнули волнения в Порту, тоже носившие черты антиналогового выступления. Волна беспорядков прокатилась по Коимбре, Сантарену, Торреш-Новаш и другим местам.

В июле 1630 г. Сетубал стал ареной одного из самых серьезных выступлений того времени. В нем участвовало более 4 тыс. человек. Вызванное рекрутским набором, оно было первым в ряду подобных. В 1635—1636 гг. резкие протесты вызвало введение налога на мелкие сделки — так называемого «реал д'агуа». Волнения охватили Арко-зелу, Вьяна-да-Каштелу, Эвору, Вила-Реал, Шавеш. В Лиссабоне произошла своеобразная забастовка рыбаков. Если представить карту Португалии, то окажется, что в конце 20-х — в 30-е годы все районы страны, от Шавеша до Бежи, пережили открытые конфликты, вплоть до вооруженных столкновений. Чаще всего они разгорались в центральных областях, в частности в Ален-тежу, наиболее развитом в экономическом отношении и наиболее важном в политическом смысле регионе, тяготеющем к столице.

Вершиной антииспанского движения в Португалии стало восстание в Эворе в 1637 г.

В августе 1637 г. коррежедор Эворы Андре Морайш де Сарменту, получив указания из Лиссабона, устанавливавшие долю Эворы в уплате общего налога, созвал депутатов муниципалитета, чтобы обсудить с ними раскладку налога в городе. Депутаты, ссылаясь на недовольство горожан очередным побором, отказались решать этот вопрос. Тогда 21 августа коррежедор вызвал утром двух выборных от города лиц — Сишнанду Родригеша и секретаря городского совета Жоана Баррадаша (оба были из среды ремесленников). Коррежедор попытался уговорить их произвести раскладку налога. Он применил все доступные средства воздействия — от посулов до угроз, но представители горожан стояли твердо и отказывались принимать какие-либо решения без ведома народа.

В небольшом городе трудно утаить что-либо от соседей. Наверняка, весть о вызове к Сарменту не последних лиц в городе распространилась шире, чем того хотелось бы коррежедору. Площадь перед его домом заполнилась горожанами. И когда, то ли для острастки, то ли решив перейти от угроз к действиям, он вызвал палача, Сишнанду Родригеш бросился к окну, выходящему на площадь, и воззвал о помощи.

Это послужило сигналом для толпы. Дом коррежедора осадили и подожгли. Ему пришлось бежать по крыше и искать убежища в соседнем доме священника. В костер, полыхавший на площади, полетели изъятые в городском совете налоговые списки. Из тюрьмы освободили заключенных, разгромили городское хранилище документации. Трое депутатов муниципалитета, обвиненные в том, что согласились на уплату налога, подверглись нападению, а их дома были окружены возмущенными горожанами⁴. Действия эворцев перешли границу уличных беспорядков — они стали восстанием.

Возбуждение в городе продолжалось четыре дня. Попытки успокоить сограждан, предпринятые духовенством и знатью Эворы, не дали результата. Когда еще 21 августа на площадь прибыли архиепископ Эворы, маркиз де Феррейра, граф де Каштру и другие высокие лица, чтобы спасти жизнь коррежедора и утихомирить бушевавшую толпу, их встретил разъяренный народ, «не оказавший им полагавшегося уважения»: в их сторону полетели камни, послышались оскорбления. Архиепископ вознамерился успокоить толпу, выпеся из церкви распятие и обратившись к ней именем господним, но отказался от этой мысли, ибо «волнение народа возросло настолько, что опасность оскорблений была больше, чем надежда на то, что народ успокоится»⁵.

Через несколько дней обстановка в городе стабилизировалась. Но волнения вышли далеко за пределы

города. Вся провинция, за исключением городов Элваш, Моура и Бежа, была неспокойна, в том числе и Вила-Висоза, где располагалась резиденция герцога Браганса. Народ восстал в Крату, возмущения охватили провинцию Алгарве. В Эвору со всех сторон стали стекаться жители Алентежу и других областей; сами восставшие обращались к ним с призывом поддержать Эвору⁶.

Ни в Лиссабоне, ни в Мадриде сначала всерьез не обеспокоились — первые известия о восстании не были слишком пугающими. Однако уже в сентябре некто Франсиско Балсарсель писал из Лиссабона: «Все королевство Португалии возмущено и восстало... и даже в Лиссабоне вчера случилось нечто, очень напоминающее [бунт]»⁷. Он полагал, что в ближайшие дни может случиться все, что угодно. Причины происшедшего ему достаточно ясны: высокие налоги и плохой урожай этого года. В этом же письме упоминается и о распространившихся в Эворе «воззваниях Мануэлиню», призывавших жителей страны подниматься на борьбу.

Фигура Мануэлиню до сих пор остается до определенной степени загадочной. В Эворе был известен юродивый по имени Мануэлиню. Послания от его имени стали появляться в городе уже через несколько дней после восстания. Установить подлинное авторство этих манифестов невозможно, но стиль, манера изложения, используемая аргументация дают основания предполагать, что их составлял человек не без образования. Очень возможно, что имя Мануэлиню, лишая воззвания анонимности, придавало манифестам характер всенародности; город говорил устами своего юродивого...

Воззвания исключительно важны для выявления целей и требований восставших. Выступления обрело массовость и силу как стихийный протест против налоговой политики испанского государства. Однако в манифестах, кроме этого, угадывается тема угнетенной родины и тирании испанцев, т. е. политический и национальный аспекты: «Мы поднялись, чтобы послужить славе господней из любви к родине, думая о голоде наших братьев, о бедности нашей страны, о нищете наших сирот, из-за опасности, которая нам угрожает со стороны тирании»⁸. Восстание в Эворе вышло за пределы чисто антиналогового движения, обнаружив явный политический оттенок. Это подтверждается и донесениями французских эмиссаров, даже если сделать скидку на их попытки выдать желаемое за действительное: «Население сильно возбуждено против испанского короля... португальцы по-прежнему надеются на возвращение наследника дона Себастьяна...»⁹ Антииспанская направленность волнений стала, видимо, причиной того, что, насколько нам известно, на протяжении всего восстания не происходило открытых конфликтов между горожанами и властью имущими, т. е. феодальной аристократией, церковной верхушкой и т. д. Жизни и имуществу привилегированных слоев ничто всерьез не угрожало, за исключением тех случаев, когда это могло быть связано с их происпанской позицией.

Кто же составил основную силу этого грозного движения? Источники самого разного типа — письма, донесения, мемуары, свидетельства современников — употребляют по отношению к восставшим преимущественно обозначение народ, из которого иногда выделяется группа ремесленников¹⁰. Скорее всего, ремесленники и торговцы, мелкие и средние, — а их должно было быть в Эворе немало, ибо в «то время она выглядела «таким же большим городом, как и Лиссабон, очень многолюдным и торговым...»¹¹, — составили основу, а к ним, возможно, примкнули крестьяне и сельскохозяйственные работники округа.

Восставшие рассылали воззвания, наладили сбор оружия, пытались обеспечить оборону города, включая строительство укреплений, литье пушек и заготовку продовольствия. Эти задачи обязательно требовали какой-то организации. К сожалению, пока вопрос о том, был ли у восставших свой орган управления, остается очередной загадкой португальской истории. Возможно, что ответ па него таится в еще неопубликованных материалах архива Эворской библиотеки. Ныне же нам известны лишь упоминания о «главах народа»¹².

Углубление и расширение восстания вынуждали местное дворянство занять определенную позицию по отношению к нему. Не сумев умиротворить город, эворское дворянство и духовенство попытались взять на себя руководство движением. Собравшись в церкви св. Антана, они объединились, создав жунту, которая получила наименование Жунты св. Антана. Видимо, жунта решила стать посредником между восставшими и мадридским двором, успокаивая одних и ходатайствуя за них перед другими. Однако горожане не приняли этих действий и продолжали свою линию, неодобрительно отнесясь к жунте. Вызывали недовольство горожан и налоговые льготы дворянства.

С самого начала восстания позиции жунты была присуща противоречивость в силу многих причин. Антиналоговый характер восстания и его размах, слияние с крестьянскими выступлениями должны были обнаружить солидарность эворской знати скорее с мадридским двором, чем с согражданами. В то же время подвластность Испании, унижая национальное чувство, заставляла вслушиваться в доносившийся из глубин народных масс ропот недовольства, рождая тайные мысли о возможной независимости страны. К тому же эворское дворянство и не могло занять жесткую позицию и подавить восстание, ибо войск в городе не было. Инициатива в момент начала восстания была упущена, контроль над городом утрачен. Осложнилось положение знати в Эворе и выжидательной политикой Лиссабона.

Дело в том, что в серьезности эворских событий долгое время не отдавали отчета ни в Мадриде, ни в Лиссабоне. Ф. Мануэл де Мелу, дворянин, одно время служивший при испанском дворе, оставил нам воспоминания о событиях тех дней. Он пишет, что в Лиссабоне об эворском восстании возобладало неверное,

суждение, и от имени наместницы было лишь приказано «наказать виновных, как будто речь шла об ординарном преступлении, которое можно пресечь в обычном порядке»¹³. Не осознавая сложности обстановки, а может быть, и не желая вмешательства испанцев, наместница Маргарита сообщала в Мадрид о происходящем в самой общей форме. В конце сентября в Эворе сменили чиновников. Некоторое время спустя туда были посланы влиятельные представители духовенства, чтобы проповедью и личным присутствием успокоить народ. Однако ни один из них не достиг сколько-нибудь заметного успеха, а новый корредор даже настаивал, чтобы «поспешить со средствами большей силы»¹⁴.

Ни одному из эмиссаров Лиссабона не удалось добиться желаемого. В связи с этим становится понятным, почему жунта при всем ее фактическом бессилии в Эворе сумела стать в глазах Мадрида силой, способной влиять на ход событий: как орган представителей феодальных кругов она продолжала существовать в восставшем городе, демонстрируя в то же время свою полную лояльность по отношению к короне. Минувя наместницу Маргариду, жунта непосредственно информировала испанского короля о том, что делалось в городе, видимо, явно преувеличивая свои заслуги и роль в событиях.

Мадрид поначалу тоже выжидал. Но время шло. Два месяца терпения и уговоров не только ничего не дали, но и позволили движению охватить весь юг и центр Португальского королевства. Более того, восставшие, видимо, пытались связаться и с севером страны — с Порту. Окончание сельскохозяйственных работ развязало руки крестьянам и сезонным рабочим, которых всегда было много на юге и которые теперь пополнили ряды восставших. К ноябрю масштаб выступления стал совершенно ясен и Лиссабону и Мадриду.

В Мадриде все больше склонялись к мысли о необходимости решительных действий и подавления движения. Но это время там оказался инквизитор святого престола португалец Жоан де Вашконселуш, По поручению короля он был отправлен в Эвору с королевскими грамотами к восставшим. Прибыв в Эвору, он настаивал, чтобы грамоты были зачитаны как можно большему числу горожан, предложил созвать и членов городского совета, и ремесленников, и всех, кто пожелает. Собрание началось в 8 часов утра 14 ноября 1637 г. Жоан де Вашконселуш предложил, чтобы город уплатил налог, но в меньшем размере. Присутствовавшие тут же члены жунты взяли на себя немалую долю налога (8 тыс. из 20 тыс. крузаду), стремясь таким образом и ликвидировать конфликт с короной, и завоевать политическое доверие горожан.

Казалось бы, реальная почва для продолжения восстания вот-вот исчезнет и недалек тот миг, когда мятежный город возвратится в число верных королю земель. Однако в Мадриде не приняли соглашения, достигнутого Жоаном де Вашконселушем. Оливарес постарался внушить королю, что «недостойно его величества идти на соглашения со своими вассалами»¹⁵. Эвора крайне беспокоила пронизательного Оливареса, который справедливо считал, что истинной причиной вспышки являются не столько голод и налоги, сколько жажда свободы. В середине ноября он отдал приказ держать наготове войска — армию, стоявшую в Кантабрии, и войска Медины Сидонии из Андалусии. Первых лиц Португалии Оливарес призвал ко двору, требуя успокоить страну.

Пока войска готовились к выступлению, среди португальцев, находившихся при мадридском дворе, продолжались постоянные споры по поводу Эворы. Близкий к этим кругам Мелу рассказывает, что одни просили испанского короля простить мятежный город, другие — наказать его, но каждый действовал, исходя из своей выгоды¹⁶. Предприняли попытку использовать и герцога Брагансского, уговорив его выступить посредником, но он отклонил эту «милость». Один из уговаривавших герцога, граф де Линьярес, прямо из герцогской резиденции отправился в Эвору, будучи наделен Мадридом широчайшими полномочиями. Он сразу же повел дело жестко, потребовал, чтобы Родригеш и Баррадаш на коленях молили короля о прощении, отказавшись идти на какие-либо уступки в налогах. Горожане тоже не уступали, и раздраженный Линьярес начал угрожать. Исходом было лишь то, что разъяренная толпа осадила дом, где находился Линьярес, и ему пришлось бежать. Это случилось в новогоднюю ночь 1638 г. Бытует мнение, что в Мадриде уже давно шла подготовка к карательной экспедиции, и миссия Линьяреса лишь была прикрытием, а может быть, и провокацией, чтобы прервать переговоры.

К этому времени в Эворе стали ощутимы многие тяготы, связанные с нарушением ритма ремесленных производств и сельскохозяйственных работ, торговых связей с другими районами. И тем не менее изгнание Линьяреса показало, что позиция горожан оставалась по-прежнему весьма радикальной. А вот жунта, видимо, поняв, что после изгнания Линьяреса применение военной силы для подавления восстания неизбежно, отошла в тень.

В январе 1638 г., убедившись в стойкости Эворы, Мадрид отдал приказ о выступлении войск. Герцог Медина Сидония пересек границу Португалии и подавил волнения в Алгарве, где войска вели себя как на оккупированной иноземной территории. В январе же был составлен документ, который должен был ознаменовать завершение успешных действий солдат, так называемое «всеобщее прощение».

Размах восстания в Эворе заставил Мадрид отказаться от мысли противопоставить все население Эворы королевской власти, объявив его мятежниками. Филипп IV был вынужден значительно сузить круг наказываемых лиц, пообещав, что никто не будет подвергнут ни преследованию, ни наказанию конфискацией имущества, за исключением главарей восстания¹⁷.

Главарями королевская грамота объявила Родригеша и Баррадаша.

К концу февраля восстание в основном было подавлено. 27 февраля в Эвору был отправлен Дьогу Салема, чтобы вершить правосудие. Он не должен был появиться в городе ранее того дня, когда будет объявлено прощение, дабы не помешать захвату главарей. В день оглашения прощения главари должны быть схвачены и казнены. Наказание определялось тем же королевским документом: казнь через повешение, конфискация имущества, дома казненных должны быть разрушены до основания, а место, где они находились, — посыпано солью, к бесчестью всего потомства на веки вечные.

После Эворы Салема должен был отбыть в Крату с теми же полномочиями по отношению к восставшим этого города. Все расходы по отправлению правосудия должны были производиться за счет обвиняемых или муниципалитета.

К счастью, Родригеш и Баррадаш успели скрыться и, дожив до преклонных лет, умерли своей смертью уже после восстановления независимости Португалии. Казнь, однако, состоялась: на площади были повешаны изображавшие их куклы, а все остальное было совершено в соответствии с королевским указом вплоть до посыпания земли солью.

Вслед за войсками в Эвору прибыл Оливарес. Почти все члены жунты выказали ему почтение и преданность. «Когда граф-герцог вошел [в Эвору], он был принят грандами с умеренной приветливостью. Шунта посетила его, выказав знаки большого доверия, и помогла ему в решениях»¹⁸.

Итак, восстание, начавшееся как антиналоговое выступление и несомненно приобретшее политический оттенок, в котором явны черты национального движения, закончилось поражением. Но поражением не только эворских горожан, но и португальской знати, обнаружившей свою несостоятельность перед народом и перед Мадридом.

Интересно, что уже современниками восстание в Эворе иногда воспринималось как событие, непосредственно повлиявшее на обретение независимости в 1640 г. Для испанской же монархии Эвора не стала грозным напоминанием, что терпение Португалии истощается. Однако восстание стало большим уроком для португальского дворянства. Оно было напугано размахом движения и не удовлетворено той ролью, которую ему пришлось сыграть в этих событиях. Ему стало ясно, что необходимо брать инициативу в свои руки. Решительность действий восставшего народа и жесткая реакция Мадрида раскрыли дворянству суть перемен в отношении Испании к португальскому королевству и заставили поторопиться.

До конца октября 1638 г. в Португалии то там, то тут было неспокойно. В 1639 г. муниципалитет Лиссабона сообщал королю, что в столице растет число всяческих преступлений. В такой ситуации в головах нескольких человек из знати и приближенных к герцогу Брагансскому рождается замысел заговора. Именно герцог должен был стать его центральной фигурой и получить престол. По некоторым свидетельствам, первые беседы о заговоре относятся еще к июню 1639 г. Составив план действий, заговорщики посвятили в него герцога. Однако тот счел, что время для таких дел еще не пришло. Заговор остался неосуществленным, но не был забыт.

Оливарес, достаточно хорошо осведомленный о том, что происходило в Лиссабоне, хотя и не знал о заговоре, не мог не чувствовать скрытой угрозы в настроениях португальцев. С 1639 г. он и Филипп IV представляли себе, кто из португальской знати наиболее опасен, и собирались переселить их в Кастилию, ближе ко двору под недреманное око графа-герцога. В 1640 г. вспыхнуло известное восстание в Каталонии с требованием автономии и отделения от Кастилии. Начались волнения в других местах — в Кастилии и Португалии. Среди португальцев оживают себастьянистские настроения, ширится ожидание возвращения исчезнувшего короля и восстановления утраченного португальского трона.

Намереваясь одним ударом отсечь сразу две мятежные головы, в августе 1640 г. Филипп IV повелел всей португальской знати и командорам орденов, без всяких исключений или извинений, сопровождать его в Арагон против восставшей Каталонии¹⁹.

И само каталонское восстание, как напоминание о способе обретения свободы, и требование выехать в Каталонию, лишив тем самым возможности предпринять что-либо на родине, подтолкнули португальскую знать к действию. 12 октября заговорщики собрались у Антана Алмады, после чего один из них, Фуртаду, выехал в Эвору, чтобы выяснить позиции эворской знати, а затем в Вила-Висозу для доверительного разговора с герцогом. Оттуда он сообщил: Браганса согласен, пора действовать.

Ночью 28 ноября заговорщики назначили переворот на 1 декабря. Кое-кто, испугавшись близившегося дела, отказался продолжать игру с огнем. Всего к 1 декабря в заговор вошло около 40 человек. Население Лиссабона, городские власти и крупные купцы и банкиры ничего не знали о готовящемся перевороте. Лишь уже после собрания 28 ноября заговорщики связались с несколькими представителями горожан. Те, памятуя Эвору и 1638 год, долго колебались, но в конце концов согласились поддержать выступление знати. Правда, в течение самого переворота высшие городские слои сохраняли скорее дружественный нейтралитет, чем активно помогали дворянам.

Итак, утром 1 декабря 1640 г. без четверти девять заговорщики встретились у дворца; четырьмя группами, с оружием в руках, они вошли во дворец, быстро справившись с охраной. Из защитников дворца один был убит и трое ранены. Заговорщики между тем прошли во внутренние покои и предложили наместнице Маргариде отречься от должности. Понимая, что сопротивляться бесполезно, Маргариде

вынуждена была уступить. Ее помощник и фаворит, португалец Мигел де Вашконселуш, однако, не был пощажен: его труп тут же выбросили из окна дворца на площади. Маргарита отдала приказ кастильскому гарнизону крепости Сан-Жорже сдаться. Заговорщики, выйдя на балкон, а затем и на улицы Лиссабона, провозгласили Жоана Браганского королем Португалии — Жоаном IV.

Возбужденные известием о перевороте и провозглашении нового короля, лиссабонцы высыпали на улицы. Заговорщики пытались удержать толпу от беспорядков и бесчинств. Архиепископ Лиссабона с распятием объезжал улицы города, призывая к порядку. Надо признать, что это почти удалось. Были сожжены лишь несколько домов — нелюбимого народом епископа Лейрии, братьев Мигела де Вашконселуша.

В тот же день были выбраны временные правители, которым надлежало осуществлять власть до прибытия короля: архиепископы Лиссабона и Браги, виконт Лоуренсу де Лима. Тут же отправили послов к Жоану Браганскому в Вила-Висозу, куда они и прибыли утром 3 декабря²⁰.

Через три дня Жоан въехал в Лиссабон в сопровождении нескольких всадников. С первых же часов новой жизни, еще до коронации, он был вынужден заботиться прежде всего о защите королевства. В Эвору, Элваш, Алгарве были посланы верные люди для организации обороны на случай нападения соседней Кастилии. Еще 2 декабря до приезда в столицу, Жоан разослал во все города письма, сообщая о своем избрании и требуя составить списки оружия в городе и людей, способных держать его в руках, и объединить их в отряды для защиты города и границ²¹. Будущее показало, что эти меры оказались отнюдь не лишними.

15 декабря 1640 г. в Лиссабоне состоялась пышная церемония коронации Жоана IV. Город единодушно приветствовал своего короля. Грамоты и письма, разосланные еще раньше по другим городам и местечкам, в течение 10 дней достигли самых отдаленных мест. Во многих городах известие о провозглашении короля и независимости страны вызвало бурное ликование. В Коимбре в епископском дворце был устроен праздник; то же происходило в университете. В Гимарайнше, куда весть пришла из Порту, муниципалитет хотел дожидаться официального письма, но некий Мануэл Машаду де Миранда, обратившись к горожанам с речью, вызвал настоящую манифестацию. В Визеу же, получив королевскую грамоту 14 декабря вечером, через два дня устроили торжественное провозглашение и уже после этого праздновали до 23-го.

К концу декабря вся Португалия перешла на сторону Жоана. Переворот поддержали вице-губернаторы всех провинций, кроме Сеуты. В некоторых местах провозглашение независимости наталкивалось на сопротивление кастильских гарнизонов, но это было не так уж часто и скоро прекратилось. К январю 1641 г. Португалия фактически обрела независимость.

Однако до сих пор все это можно было расценивать еще как бунт в одной из провинций короля Испании. Для оформления независимости и воцарения нового короля на португальском престоле необходима была санкция государственно-правового характера. Таким актом стал созыв всепортугальских кортесов после 20-летнего перерыва. Кортесы были созваны и заседали в Лиссабоне в январе 1641 г. В качестве одного из главных документов они приняли и опубликовали Манифест Португалии²², составленный секретарем Жоана IV, блестящим стилистом и политиком Паишем Вьегашем. Манифест не только провозгласил Португалию суверенным государством, но и, обосновывая право на суверенитет, обвинил испанскую корону в том, что Португалия утратила свои заморские владения, была втянута в чуждые ей европейские войны и конфликты, обнищала под гнетом налогов и военных поборов. Испанские короли объявлялись узурпаторами, а испанское правление — тиранией. Как и всякий политический документ декларативного свойства, предназначенный для обнародования, а не для тайного использования, Манифест в стремлении оправдать действия португальцев и пресечь попытки восстановить унию не был — и не мог быть — объективным.

Тем не менее обоснованно или нет, документ вообрал в себя большинство точек зрения, выражавших недовольство существующим положением Португалии, и это позволило ему стать подлинным Манифестом сторонников отделения. Вослед ему одно за другим стали появляться сочинения врагов и приверженцев самостоятельности Португалии, искавших обоснования своим доводам и в настоящем, и в прошлом страны.

На кортесах был утвержден порядок престолонаследия, который, по замыслу его создателей, должен был отныне гарантировать стране независимость: чужеземный государь не имел права занимать португальский престол: при отсутствии потомков мужского пола трон мог перейти к дочери короля; при этом заранее отвергались возможные притязания на трон ее супруга; в случае пресечения династии государь из чужеземного королевского дома не мог надеяться на обретение португальского трона иначе, как пересяхав в Португалию и ни в коей мере не претендуя на объединение корон.

Кортесы вынуждены были заняться и вопросами налогообложения и обороны страны. Восприятие наиболее ненавистных ранее налогов заметно переменилось, и к собиравшемуся по-прежнему, например, «реал д'агуа» отношение было как к вполне законному и приемлемому.

Вновь став суверенным государством, Португалия постаралась как можно скорее восстановить отношения с Европой. В январе — феврале 1641 г. Жоан IV отправил послов в Англию, Францию, Швецию, Нидерланды, к папе римскому и др. Во Франции послы встречались и с королем, и с кардиналом Ришелье, давно проявлявшим интерес к португальским делам. В Англии согласие короля принять остановившихся в виду Лондона и просивших об аудиенции португальских послов вызвало негодование, протест и отъезд посла Испании. С Францией, Швецией и Нидерландами были заключены договоры не только о дружбе, но и военной

помощи. Вопрос о военной помощи возник не случайно, ибо вплоть до 1668 г. Испания отказывалась признать законность отделения Португалии и оружием пыталась восстановить прежнее положение. Но победа сторонников независимости была подтверждена и закреплена в оборонительных войнах, продолжавшихся более 20 лет.

Заключение

Событиями 1640 г. для Португалии завершилась огромная историческая эпоха. Португальская «революция», как называли в Европе эти события, приобрела огромную популярность на континенте. Она импонировала всем и своей «законностью» в восстановлении суверенитета королевства, и быстротой и решительностью переворота, и единодушием народа, и относительной бескровностью, и даже своим монархизмом. Долгие годы в сознании европейцев Португалия «царит» как образец свободолюбивой и благородной страны, а в литературе — как земли романтических приключений и высоких чувств.

В это время вся Европа стояла уже перед грозными и величественными свершениями. Уже совсем близка была Английская буржуазная революция. Вестфальский мир 1648 г., завершивший Тридцатилетнюю войну, создал новую систему отношений между государствами на континенте. Другие материи из неведомых сказочных земель превращались в обжитые доходные владения.

История Португалии отнюдь не закончилась XVII веком. Напротив, обретя независимость и отстояв ее в тяжелой борьбе, страна вышла на новые дороги неизведанных возможностей. О том, сколь труден был выбор правильного пути, мы можем судить по настойчивым поискам экономической и политической доктрины португальскими мыслителями второй половины XVII в. Но еще сложнее оказалось осуществление этих планов, пришедших в противоречие с неблагоприятной внешнеполитической обстановкой и обеднением страны после долголетних войн. Дорога через три столетия к сегодняшней Португалии не была ни прямой, ни ровной.

История Португалии в новое и новейшее время знала немало событий, достойных скрупулезного исследования ученого и пера литератора, и надо надеяться, что когда-нибудь советский читатель вместе с кем-то из историков сможет пройти дорогами тех времен. И тогда станут понятными и те возможности, которые открылись перед страной во второй половине XVII в., и истинный смысл португало-английского договора 1703 г. (известного как договор Митуэна), во многом задержавшего развитие португальской экономики, и противоречивое правление маркиза Помбала — реформатора эпохи Просвещения, усилиями которого был отстроен Лиссабон после разрушительного землетрясения и пожара 1755 г. Несомненно, достойна внимания взыскательного читателя история планов Наполеона в отношении Португалии и самоотверженного сопротивления португальцев французским войскам.

Новый мир, сложившийся в Европе после Венского конгресса 1815 г., всего пять лет спустя был потрясен по только славными испанскими, но и португальскими революциями, когда в острейшей социальной и политической борьбе на свет явились формы политического устройства и государственного механизма, существующие и действующие до наших дней.

Поучительна и своеобразна история португальского капитализма, ибо это история страны, первой вышедшей на путь создания колониальной системы и мирового рынка и растратившей на это огромные усилия первооткрывателя, нерасчетливо бросая на океанские просторы людей и средства. Длинная дорога к новому экономическому строю и политической организации, начавшаяся еще в XVI в., протянулась через столетия, принимая форму то революций и крестьянских войн, то реформ и борьбы политических течений. И в начале XX в. Португалия была снова взорвана мощным революционным движением, приведшим к свержению монархии в 1910 г. Но вряд ли найдется другая страна, послереволюционная история которой была бы столь наглядна и поучительна для размышлений о том, как и почему революционный процесс сменяется установлением фашистского режима: Португалия стала второй европейской страной, где к власти пришли сторонники фашизма. Сам же феномен португальского фашизма — долгожителя среди подобных режимов, проявившего чудеса социального и политического лавирования и незаурядные адаптивные способности, заслуживает отдельного исследования.

И наконец, во второй половине XX в. Португалия подарила Европе, казалось, уже отвыкшей от таких пертурбаций, революцию 1974 г. — «революцию гвоздик», в которой вновь проявились лучшие свойства португальского народа: свободолюбие, гуманизм, благородство. Сложная а не во всем счастливая судьба этой революции вновь привлекла симпатии всех к этой стране и внимание к ее истории.

Наши небольшие по объему очерки посвящены средневековой истории Португалии, и только ей. Тому есть по меньшей мере три причины. Первая — это наше убеждение, что средние века представляют собой один из самых важных периодов исторического прошлого этого народа, интереснейший по насыщенности событиями, по значимости социальных и политических процессов того времени. Вторая состоит в том, что история стран Европы и в новое, и в новейшее время генетически гораздо теснее связана со средневековьем, с его институтами, представлениями и обычаями, чем иногда думают. Не видеть этого невозможно. Более того,

средневековье было озабочено многими вопросами, которые и нам кажутся современными, и подчас умело разрешать их более успешно, хотя и своеобразно. Речь идет о представительстве земель и сословий и их диалоге с центральной властью, о понимании социальной справедливости и формах ее осуществления, о налогообложении и привилегиях. И португальский вариант развития не просто дает нам новый материал для размышления, но и в некоторых случаях может служить моделью развития феодализма в той же системе факторов.

И последнее: средневековая Португалия хранит еще много тайн. Исчезновение короля Себастьяна, может быть, яркая, но не самая значительная из них. Еще не все архивы изучены, не все документы прочитаны.

Дороги истории никогда не бывают пройдены до конца.

Примечания

Рождение страны

¹ Cronica Albeldense // Boletim de la Academia de Historia. Madrid, 1932. Т. 100.

² *Verissimo Serrao I.* Historia de Portugal. Lisboa, 1979. Т. 1. P. 58-59.

³ См.: *Peres D.* Como nasceu Portugal. Porto, 1955. P. 50-51; *Herculano A.* Historia de Portugal. Lisboa, 1846. Т. 1. P. 194.

⁴ См.: 850º aniversario da Batalha de Sao Mamede. Lisboa, 1981. P. 24, 58 etc; *Sousa Soares T.* O governo de Portugal pela infanta rainha D. Teresa (1112-1128) // Colectanea de estudos era honra de prof, doutqr D. Peres. Lisboa, 1974. P. 116.

⁵ Documentos medievais Portugueses: Documentos Regios. Lisboa, 1958. Т. 1, N 1. 3, 12, 14, 27. (flajiee - DR).

⁶ Ibid. N 24, 25, 26, 66, 69, 74 etc.

⁷ См.: *Sousa Soares T.* Op. cit. P. 105; *Oliveira Marques A. II.* Historia de Portugal. Lisboa, 1976. Т. 1. P. 64; *Menendez Valdes Golpe E.* Separatismo e unidade. Vigo, 1980. P. 35-36.

⁸ DR. N 86-87.

⁸ Cronica Gothorum // Portugaliae Monumenta Historica. Scriptores, Lisboa, 1856. Vol. 1. P. 12.

¹⁰ *Herculano A.* Historia de Portugal. Т. 1. Nota 16.

¹¹ DR. N 3, 24, 25, 60, 152, 156, 157, 189, 203, 233, 240, 352 etc.

¹² Ibid. N 79, 80, 96, 212, 257, 260, 262, 297 etc.

¹³ Ibid. N 202.

¹⁴ *Herculano A.* Op. cit. Lisboa, 1846. Т. 2. P. 190.

¹⁵ 8º centenario de reconhecimento de Portugal pela Santa Se. Lisboa, 1979. P. 91.

¹⁶ Ibid. P. 231.

От Порту до Алгарве

¹ См.: Кудрявцев А. Е. Испания в средние века. Л., 1937; Пичугина И. С. Особенности Реконксты в Кастилии XIII-XV вв. // Проблемы испанской истории. М., 1979; Мильская Л. Т. Пригородное землевладение арабов и Реконкста в Каталонии XII в. // Проблемы испанской истории. М., 1984; Варьяш О. И. Колонизация и крестьянство в Леоне и Кастилии в IX-XI вв // Проблемы испанской истории. М., 1979; Корсунский А. Р. История Испании IX-XIII вв. М., 1976 и др.

² De Expugnatione Olisiponis A. D. MCLVII//Portugaliae monumenta higtorica: Scriptores. Lisboa, 1856. Vol. 1. P. 391 ss. (далее-PMH).

³ Documentos medievais Portugueses. Documentos Regies (jia-nee-DR). N 223.

⁴ PMH. Vol. 1. P. 12-13.

⁵ Ibid.

⁶ DR. N 69, 252, 263 etc.

⁷ Ibid. N 304; PMH, Leges. P. 1. P. 450-452.

⁸ См.: *Oltvetra Marques A. H.* Historia de Portugal. Lisboa, 1976.

Vol. 1; *Lomax D. W.* La Reconquista. Barcelona, 1984.

⁹ См.: *Корснкий А. Р.* УКАЗ.СОЧ. С. 49.

¹⁰ Таи же. С. 37.

¹¹ *Verissimo Serrao J.* Historia de Portugal. Lisboa, 1979. Vol. 1, P. 91.

¹² PMH. Scriptores. Vol. 1. P. 2-3.

¹³ DR. N 65, 223, 173, 225.

¹⁴ Ibid. N 232, 256, 315, 160.

¹⁵ Ibid. N 259, 281.

¹⁶ Anais, cronicas breves e memories avulsas de Santa Cruz de Coimbra. Porto, 1968. P. 58.

Скипетр против посоха

- ¹ *Herculano A.* Historia de Portugal. Lisboa, 1854. Vol. 1. P. 83-84.
² Portugalae monumenta historica. Inquisitiones. Lisboa, P. 399 ss. ⁸ Ibid. P. 452.
⁴ *Lopes F.* Cronica de D. Joham I. Lisboa, 1973. P. 1. Cap. 46.
⁵ Monarquia Lusitana. Lisboa, 1976. P. 5, livr. 16. Cap. 43.
⁶ *Ran V.* Feiras medievais Portugueses. Lisboa, 1982. P. 52.
⁷ Quadro elementar das relacoes politicas e diplomaticas de Portugal com as adversas potencias do mundo. P., 1864. T. 9. P. 291-292, 309.
⁸ Ibid. P. 324.
⁸ Monarquia Lusitana. P. 5, livr. 16. Cap. 58-59.

Города и короли

- ¹ *Oliveira Marques A. H.* Novos ensaios de historia medieval por-tuguesa. Lisboa, 1988. P. 32.
² Documentos medievais... Documentos Regies Cnajeie - DR). Lisboa, 1958. T. 1. N 304.
⁸ CM.: Anais, cronicas e memorias avulsas de Santa Cruz de Coimbra. Porto, 1968.
⁴ Chartularium universitatis portugalensis. Lisboa, 1966. Vol 1 N 4.
⁵ *Oliveira Marques A. H.* Op. cit. P. 42, 49, 85; *Serrao J.* A emigra-cao portuguesa. Lisboa, 1974. P. 93; *Verissimo Serrao J.* Historia de Portugal. Lisboa, 1979. T. 3. P. 222.
⁶ Livro dos bens dos Reis//Documentos historicos da Camara de Lisboa. Lisboa, 1957. T. 8. P. 333 ss.
⁷ DR. N 53.
⁸ CM.: *flyapre JI. M.* ToproBtift ropofl Meaner centopa//CiaHOBJie-HHe KanmajrasMa в Eopone. M., 1987. Documentos medievais... Documentos particulares. T. I. Lisboa, 1972. N 362.
⁹ Corpus codicum. Porto, 1917. Vol. 2. P. 145.
¹⁰ Ibid. P. 251.
¹¹ DR. N 25.
¹² Ibid.
¹³ CM.: *Caetano M.* As cortes de Leiria de 1254. Lisboa, 1954,
¹⁴ CM.: Cortes portuguesas: Reinado de D. Afonso IV (1325-1357). Lisboa, 1985; Reinado de D. Pedro (1357-1367). Lisboa, 1987.
¹⁵ *Черных А. П.* Легенда о кортесах в амегу//СВ. 53. М., 1990,

«Да здравствует Португалия!»

- ¹ *Fernao Lopes.* Cronica de D. Fernando. Lisboa, 1975. P. 232.
² Ibid. P. 210. ⁴ Ibid. P. 602. » Ibid. P. 594-595. ⁵ Ibid P. 609-610.
⁶ *Fernao Lopes.* Crónica de D. Joham I. Lisboa, 1973. P. 1. P. 12-13, 16-19, 25-32.
⁷ Ibid. P. 46.
⁸ Ibid. P. 77-80.
Cortesao J. Os factores democraticos na formacao de Portugal. Lisboa, 1964. P. 143.
¹⁰ *Fernao Lopes.* Cronica de D. Joham I. P. 116.
¹¹ Ibid. P. 82.
¹² Ibid.
¹³ Ibid. P. 146.
¹⁴ Ibid. P. 161.
¹⁵ Ibid. P. 197, 213—214, 226.
¹⁶ Ibid. P. 269.
¹⁷ Ibid. P. 362.
¹⁸ Ibid P. 371-372.
¹⁹ CM., *НанпНМер: Fernao Lopes.* Cronica de D. Joham I. Lisboa, 1968. P. 2. P. 182; CM.: Batalha do Aljubarrota. Lisboa, 1985.
²⁰ *Fernao Lopes.* Cronica de D. Joham I. P. 2. Lisboa, 1968. P. 101-102.

Хронист или историк?

- ¹ *Gouveia Monteiro J.* Fernao Lopes: Texto e contexto. Coimbra, 1988. P. 13.
² *Fernao Lopes.* Cronica de D. Fernando. Lisboa, 1975; *Idem.* Cronica del rey D. Joham I. P. 1-2. Lisboa, 1973; 1968.
³ *Fernao Lopes.* Cronica del rey D. Joham I. P. 2. P. 82-84.
⁴ Становление капитализма в Европе. М., 1987. С. 160-166.
⁵ *Fernao Lopes.* Crónica del rey D. Joham I. P. 1. Cap. 163.
⁶ Ibid. P. 47, 82 ss.
⁷ Ibid. P. 15.
⁸ *Fernao Lopes.* Cronica de D. Fernando. Cap. 80-82.
⁹ Ibid. Cap. 91, 120, 141 etc.

¹⁰ *Fernao Lopes*. Cronica del rey D. Joham I. P. 1. P. 153; P. 2. P. 81-84.

¹¹ *Coelho A.* A revolucao de 1383. Lisboa, 1981. P. 159.

¹² *Fernao Lopes*. Cronica del rey D. Joham. P. 2. P. 82-84.

¹³ *Coelho A.* Op. cit. P. 158.

Португалия за кормой

¹ *Oliveira Marques A. H.* Historia de Portugal. Lisboa, 1976. Т. 1, P. 297.

² *Sudrez Ferndndez L.* Relaciones entre Portugal y Castilla en la e"poca del Infante Don Enrique. Madrid, 1960. N 77.

³ *Ibid.* P. 37, 43, 190-191.

⁴ *КОШТА А.* „Духовая жизнь при дворе Ависских королей // Становление капитализма в Европе. М., 1987. С. 164-165.

⁵ *Verlinden Ch., Perez Embid Fl.* Cristobal Colon y el descubrimiento de America. Madrid, 1967. P. 27.

⁶ *História de Brasil.* Rio de Janeiro, 1965. Т. 1. P. 114.

⁷ *Oliveira Marques A. H.* Op. cit. P. 354; *Serrao J.* A emigracao portuguesa. Lisboa, 1974. P. 92-94.

Миф об исчезнувшем короле

¹ *Вольф Е. М., Чельшьева И.И.* Португальская джеловая проза и проблемы ее изучения: Тексты // Формирование романских литературных языков. М., 1984, С. 268-269.

² *Qaeiroz Veltoso J.* Don Sebastian, 1554-1578. Lisboa, 1935. P. 152.

³ *Relaciones historicos de los siglos XVI y XVII.* Madrid, 1896. P. 1300 ss.

⁴ *Rebello da Silva F.* Historia de Portugal nos seculos XVII e XVIII. Lisboa, 1971. Т. 1. P. 132.

⁶ *Sebastian de Mesa.* Jornada de Africa por el Rey D. Sebastian y Union do] Reyno de Portugal a la Corona de Castilla. Barcelona, 1630. P. 35.

⁶ *Qaeiroz Velloso J.* Op. cit. P. 206.

⁷ *Castro A.* Licoes de historia de Portugal. Lisboa, 1983. Vol. 2. Apendice documental. P. 190.

⁸ *Oliveira Marques A. H.* Historia de Portugal. Lisboa. 1976. Т. 1. P 422; *Castro A.* Lifoos de historia de Portugal. Vol. 2. Lisboa, 1983. P. 59.

⁹ *Archivo general de Simancas.* Estado. Leg. 197 (ЦИТ. ПО: *Danvi-Ja A.* Felipe II y el rey don Sebastian de Portugal. Madrid, 1954. P. 432).

Конец эпохи трех Филиппов

¹ *Ribeiro da Silva F.* Resistencia de cidade do Porto ao pressao fiscal Filipina, 1629-1640 [доклад на III коллоквиуме историков СССР и Португалии. Ленинград, 1988].

² см.: *Papeis da Restauracao.* Porto, 1968. P. 1-2.

³ *Pereira J.* Estudos eborenses. Eyora, 1947. P. 198, 204-206.

⁴ *Melo F. M.* Epanaphoras politicas de varia historia portuguesa. Lisboa, 1977. P. 587.

⁵ *Tb'M.* P. 557.

⁶ *Ibid.*

⁷ *Memoriales y cartas del Conde-Duque de Olivares.* Vol. 1-2. Madrid, 1978-1981. Т. 1. P. 154.

⁸ *Melo F. M.* Op. cit. P. 567.

⁹ *Малов В. Н.* Франция и Португалия перед Португальской революцией 1640 г. // Документы из архива Ришелье в Гос.б-ке им. В.И. Ленина // СВ. М., 1971. Вып. 33. С. 329-330.

¹⁰ *Pereira J.* Op. cit. P. 241-242.

¹¹ *Малове В. Н.* Указ.соч. С. 329.

¹² Там же. С. 337; *Melo M. F.* Op. cit. P. 35.

¹³ *Melo F. M.* Op. cit. P. 39.

¹⁴ *Ibid.* P. 44, 559.

¹⁵ *Elliott 3. H.* The Count-Duke of Olivares: the statesman in an age of decline. L., 1986. P. 530.

¹⁶ *Melo F. M.* Op. cit. P. 79, 90.

¹⁷ *Pereira J.* Op. cit. P. 270.

¹⁸ *Melo F. M.* Op. cit. P. 119.

¹⁹ *Colrrrao chronologica da Restauracao, 1633-1640.* Lisboa, 1855. P. 240.

²⁰ *Medina Sidonia L. J.* Alvarez de Toledo y Maura. Historia de una coniura. Cadiz, 1985. P. 57-60; *Seyner P. A.* Historia de rebellion de Portugal. Zaragoza, 1644; *Colecşao chronologica...* 1640-1647. Lisboa, 1856. P. 9.

²¹ *Raposo H.* Luisa de Gusmao. Lisboa, 1947. P. 169-170.

²² *Vlega* P.* Manifiesto de Portugal//Papeis da Restauracao. Porto, 1968. Vol. 1.

Приложение

Вступление к 1-й части «Хроники короля дона Жоана I» Фернана Лопеша

Многим, кто несет бремя увековечения истории, особенно тех сеньоров, чьей милостью и на земле

которых они живут и где были рождены их предки, их привязанность разрешает [допускать] вольность, так что они весьма склонны к перечислению и описанию подвигов [своих сеньоров]. Угождение, подобное этому, проистекает из мирской привязанности, которая есть не что иное, как соответствие чего-либо понятиям человека. Точно так же страна, в обычаях которой люди воспитывались долгов время, порождает такое же соответствие между их понятиями и ею; поэтому при необходимости судить о каком-либо событии, до нее относящемся, как во славу ее, так и наоборот, никогда оно не может быть изложено ими правильно; ибо, восхваляя его, они всегда говорят более того, что есть на самом деле; а если наоборот, то они преподносят свои утраты не столь губительными, как это было в действительности.

Такое соответствие и естественная склонность порождаются и другими явлениями, по мнению тех, кто говорит, что глашатай жизни - голод - восстанавливает силы тела, крови и духа, и опи, порожденные пищей, имеют между собой такое сходство, которым и обусловлено это соответствие. Другие же полагают, что ато происходит еще в зародыше, при его зачатии; и то, что из него рождено, он предуготовляет таким образом, что и возникает это соответствие, как по отношению к стране, так и к тому, что ему подобает.

И, видимо, об этом рассуждал Туллий, когда говорил: «Мы не рождаемся от самих себя, ибо одна часть нас есть земля, а другая - предки». И тем не менее суждение человека об этой земле или людях, имея в виду их деяния, всегда ущербно.

Именно эта мирская привязанность принуждает некоторых историков деяния Кастилии выдавать за подвиги Португалии, хотя это люди с добрым именем; принуждает их сворачивать с прямой дороги и бежать тайными тропами, излагать несчастья той страны, откуда они родом, в нескольких словах, чтобы, как очевидно, они не стали заметны. Но особенно большая нелепость состоит в том, что столь доблестный Король, славной памяти дон Шоан, правление и королевство которого есть пример для подражания, принимается ими за благородного и могущественного короля дона Хуана Кастильского, и часть его благодеяний остаются невосславленными, как того заслуживают, а другие опускаются, будто их и не было, и такие осмеливаются обнародовать при жизни тех, кто был его соратником, хорошо знающих, что все было наоборот. Мы, несомненно, придерживаемся другого образа мыслей, отринув всяческую привязанность, которую можем иметь по указанному выше причинам; нашим желанием было написать в этом труде правду, в благом порыве оставив всякое фальшивое восхваление, и открыто показать народу, такими или совсем иными были события, в том образе, какой они имели.

И если Господь Бог позволит нам то, в чем он не отказал другим и согласился познать в их книгах явную достоверность истины, без сомнения, и мы не желаем лгать, не только обманывая относительно того, что мы знаем, но и просто ошибаясь, точно так же, как совсем иное - не заблуждаться, но думать, что истинно то, что ложно. И мы, обманываясь в силу невежества старых писаний и разных сочинителей, вполне можем ошибиться; ибо человек, когда он пишет о том, в чем не уверен, или рассказывает меньше, чем было, или говорит гораздо долее, чем должен; но ... ложь так чужда нашим желаниям. О! с какой старательностью и тщанием мы просмотрели огромные томы книг, на разных языках и из разных стран; а также официальные бумаги из многих собраний грамот и других мест, из которых после долгих бдений и великих трудов не можем уже почерпнуть достоверности большей, чем содержится в этом труде.

И найдя в некоторых книгах противоречия тому, о чем сей труд повествует, считите, что это сказано неосознанно, но в большом заблуждении. А если другие, быть может, будут искать красоту и новизну слов, а не достоверность истории, их огорчит наш непышный язык, который им легко слушать, а нам стоило большого труда создать.

Но мы, не озаботясь их мнением, оставив сложные и напыщенные рассуждения, которые столь услаждают тех, кто им внимает, простую истину полагаем превыше приукрашенной лжи. Не считите, что мы утверждаем что-либо, кроме того, что хорошо доказано писаниями, достойными веры; в то же время мы предпочитаем промолчать, чем написать ложь.

Какое бы место ни занимала красота и изысканность слов, всего нашего тщания недостаточно, чтобы выразить голую истину.

Тем не менее мы крепко цепляемся за нее, повествуя о знаменитых деяниях, достойных великой памяти, преславного короля дона Жоана, как был он магистром, каким образом убил Графа Хуана Фернандеса, и как народ Лиссабона первым сделал его правителем и защитником, а потом и другие люди королевства, и далее, как он правил и в какое время, и все это, кратко и удачно перечисленное, излагая...

Перевод выполнен по: Lopes F. Cronica del rei Dom Goham de boa memoria e dos Reis de Portugal o decimo. Lisboa, 1973. Pt. 1. P. 1-3.

Генеалогия правящих домов средневековой Португалии

Бургундская династия

Граф *Энрике Бургундский* (1057-1112) был женат на внебрачной дочери Альфонсо VI, короля Леона,

императора Испании, Терезе (1091-1130). Наследовал графство рожденный в этом браке

Афонсу Энрикеш (1109—1185), провозгласил себя королем Португалии с 1143 г. Был женат на Мафалде (Матильде), дочери графа Савойского Амадео II.

Дети: Энрике (1147-?); **Саншу**, наследник трона; Жоан (?-?); Уррака (1150-?), жена Фернандо II Леонского; Мафалда (?-1160); Тереза (?-1211?); Саншу (?-?). Четверо бастардов.

Саншу I (1154-1212). Был женат на Дульсе, дочери графа Барселонского Раймона Беренгера IV, короля Арагона.

Дети: Тереза (1175-1250); Санша (?-1229); Конставеа (?-1202); **Афонсу**, наследник трона; Педру (1187-1258); Фернанду (1188-1233); Энрике (1189-?); Раймундо (Р-1189?); Мафалда (?-1256); Бранка (1192-1240); Беренгария (1195-1221). Восемь бастардов от союза с доной Марией Айреш.

Афонсу II (1185-1223). Был женат на Урраке, дочери Альфонсо VII, короля Кастилии.

Дети: **Саншу**, наследник трона; **Афонсу**, правил после Саншу; Леонор (1211-1231?), жена Вальдемара III, короля Дании; Фернанду (?1217-1243). Один бастард.

Саншу II (1209—1248). Был женат на Месиа Лопес де Аро, потомства не имел.

Афонсу III (1210-1279). Первым браком был женат на Матильдо Болонской, потомства не имел. Вторым браком женат на Беатрис, внебрачной дочери Альфонсо X Мудрого, короля Кастилии.

Дети: Бранка (1259-1321); Фернанду (1260-1262); **Диниш**, наследник трона; Афонсу (1236-1312); Санша (1264-1302); Мария (1264-1304); Висенте (1268-?). Пятеро бастардов.

Диниш (1261-1325). Был женат на Изабелле, дочери Педро III, короля Арагона.

Дети: Констанса (1290-1313), жена Фернандо IV, короля Кастилии; **Афонсу**, наследник трона. Семеро бастардов.

Афонсу IV (1290-1357). Был женат на Беатрис, дочери Санчо IV, короля Кастилии.

Дети: Мария (1313-1357), жена Альфонсо XI, короля Кастилии; Афонсу (1315-во млад.); Диниш (1317-1318); **Педру**, наследник трона; Изабел (1324-1326); Жоан (1326-1327); Леонор (1328-1348),

Педру I (1320-1367). Был женат первым браком на Констансе, дочери Хуана Мануэля, кастильского инфанта.

Дети: **Фернанду**, наследник трона; Мария (1342-1363); Луиш (1344).

От союза с Инее де Кастро: Афонсу, Жоан, Диниш, Беатриш.

От Терезы Лоуренсу: **Жоан**, Ависский магистр (см. ниже).

Фернанду (1345-1383). Был женат на Леонор Телеш.

Дети: Педру (1370-во млад.); Афонсу (1371-во млад.); Беатриш (1372—1409), жена короля Кастилии Хуана I. Один бастард.

Ависская династия

Жоан I, Ависский магистр (1357—1433). Был женат на Филипе Ланкастерской, дочери Джона Гонта, герцога Ланкастерского.

Дети: Бранка (1388-1389); Афонсу (1390-1400); **Дуарте**, наследник трона; Педру (1392-1449), герцог Коимбрский; Энрике (1394-1460), прозванный Мореплавателем; Изабел (1397—1471), жена Филиппа Доброго Бургундского; Жоан (1400-1422); Фернанду, Святой инфант (1402—1443).

От Инеш Пиреш — **Афонсу**, граф Барселуш, I герцог Браганский (см. ниже.); Беатриш.

Дуарте (1391-1438). Был женат на Леонор, дочери Фернандо I, короля Арагона и Сицилии.

Дети: Жоан (1429-1433); Филипа (1430-1439); **Афонсу**, наследник трона; Мария (1432); Фернандо (1433-1470); Леонор (1434-1467), жена Фридриха III, императора Германской империи; Дуарте (1435-во млад.); Катарина (1436-1463); Жоана (1439-1475), жена Энрике IV, короля Кастилии. Один бастард.

Афонсу V (1432-1481). Женат на Изабел, дочери инфанта Педру, герцога Коимбрского.

Дети: Жоан (1451-во млад.); Жоана (1452-1490), **Жоан**, наследник трона.

Жоан II (1455-1495). Был женат на Леонор, дочери инфанта Фернанду, своего дяди.

Дети: Афонсу (1475-1491). Один бастард.

Мануэл (1469-1521), сын инфанта Фернанду, двоюродный брат Жоана II. Первым браком был женат на Исабель, дочери Католических королей.

Дети: Мигел де Паш (1498-1500).

Вторым браком женат на Марии Кастильской, сестре Исабель.

Дети: **Жоан**, наследник трона; Изабел (1503-1539), жена Карла V, императора; Беатриш (1504-1538); Луиш (1506-1555); Фернанду (1507-1534); Афонсу (1509-1540); Мария (1511-1513); **Энрике**, кардинал; Дуарте (1515-1540).

Третьим браком женат на Леонор, дочери Хуаны Безумной.

Дети: Антониу (1516-во млад.); Карлуш (1520-1521); Мария (1521-1577).

Жоан III (1502-1557). Был женат на инфанте Катарине.

Дети: Афонсу (1526-во млад.); Мария (1527-1545), первая жена Филиппа II, короля Испании; Изабел (1529-во млад.); Беатриш (1530-во млад.); Мануэл (1531-1537), провозглашен наследником в 1535 г.; Филипе (1533-1539), провозглашен наследником в 1537 г.; Диниш (1535-1537), Жоан (1537-1557), провозглашен наследником в 1539 г., был женат на Хуане, дочери Карла V и Изабел Португальской, имел сына **Себастьяна**; Антониу (1539-1540). Один бастард.

Себастьян (1557-1578). Женат не был, потомства не оставил.

Энрике (1512-1580), кардинал Португалии, архиепископ Лиссабона, Эворы, Браги, сын короля Мануэла. Правил после смерти Себастьяна.

Антониу (1531-1595), приор Крату, внебрачный сын инфанта Луиша, внук Мануэла. Правил с 19 июня 1580 г. по 25 августа 1581 г.

Род герцогов Браганских

Афонсу (1380?—1461). Внебрачный сын Жоана I. Первым браком женат на Беатриш Перейра де Алвим, дочери и наследнице коннетабля Нуну Алвареш Перейра. Вторым браком женат на Конс-тансе Норонья. Наследовал ему сын от второго брака

Фернанду (ум. 1478). Женат на Жоане де Каштру. Наследовал сын

Фернанду II (1430-1483). Женат на Изабел, дочери инфанта Фернанду. Наследовал сын

Жайме (1479-1532). Был женат на Жоане де Мендоса. Наследовал его сын

Теодозиу I (ум. 1563). Женат на Изабел Ланкастер. Наследовал сын

Жоан I (ум. 1583), Был женат на Катарине, внучке короля Португалии Мануэли. Наследовал ему сын

Теодозиу II (1568-1630). был женат на Ане де Веласко и Хирон. Наследовал ему сын

Жоан II (1604-1656). С 1640 г. король Португалии Жоан IV. Женат на Луизе Франсиске де Гусман и Сандоваль, дочери герцога Медина Сидония.

Правители Португалии эпохи средневековья

Бургундская династия (1096-1383):

Граф Энрике	1096-1112
Тереза	1112-1128
Афонсу I Энрикеш	1128-1185
Саншу I	1185-1211
Афонсу II	1211-1223
Саншу II	1223-1245
Афонсу III	1245-1279
Диниш	1279-1325
Афонсу IV	1325-1357
Педру	1357-1367
Фернанду	1367-1383

Ависская династия (1383-1580):

Жоан I, Ависский магистр	1383-1433
Дуарте	1433-1438
регентство инфанта Педру	1438-1449
Афонсу V	1438-1481
Жоан II	1481-1495
Мануэл I	1495-1521
Жоан III	1521-1557
регентство Катарины	1557-1562
регентство кардинала Энрике	1562-1568
Себастьян	1557-1578
кардинал Энрике	1578-1580

Испанские короли на португальском престоле (1581-1640):

Филипп II Испанский ²⁷	1581-1598
Филипп III	1598-1621
Филипп IV	1621-1640

Жоан IV — 1640—1656 — был первым королем Браганской династии.

Основные даты истории Португалии в средние века

- 585 - включение свевского государства в Вестготскую монархию
- 714 — завоевание арабами Лиссабона
- 938 — первое упоминание в документах названия Португалия
- 966 — опустошение норманнами земель в районе Лиссабона
- 1096 - возникновение графства Португальского
- 1111 — восстание в Коимбре
- 1128-битва при Сан-Мамеде, переход власти от Терезы к Афоней Эприкешу
- 1139 — победа Афоней Энрикеша при Орике над соединенными силами арабов
- 1143 — договор между Афоней Энрикешем и Альфонсо VII о признании Португалии королевством
- 1147 - отвоевание Лиссабона у арабов
- 1212 — победа объединенных сил Португалии, Кастилии и Арагона над арабами при Лас-Навас-де-Толосе
- 1249—1250 — отвоевание Алгарве и завершение Реконксты в Португалии
- 1254 - первые кортесы
- 1290 - основание Лиссабонского университета, хартия Дипиша
- 1308 - перенос Университета в Коимбру
- 1308 — торговый договор с Англией
- 1319-разрешение папой автономии португальским духовно-рыцарским орденам
- 1345 — столкновение с Кастилией из-за Канарских островов
- 1348 - начало эпидемии «Черной смерти»
- 1369-1371, 1373-1374, 1381-1382 - португало-кастильские войны
- 1380/90 - около 1460 - Фернан Лопеш, хронист и историк
- 1383 — восстание в Лиссабоне
- 1384 - осада Лиссабона кастильскими войсками
- 1385, 6 апреля - кортесы в Коимбре, провозгласившие королем Жоана I
- 1385, 14 августа - битва при Алжубарроте
- 1388 — начало строительства монастыря Ваталья
- 1411 - мирный договор с Кастилией
- 1415 - завоевание Сеуты
- 1418 - открытие острова Порту-Сайту (Мадейра)
- 1420-1473/74 - Гомеш Эанеш де Зурара, хронист
- 1422 — замена испанской эры летосчисления на юлианскую
- 1431 - «вечный мир» с Кастилией
- 1434 — закон о майорате
- 1437 - экспедиция в Танжер
- 1441 - первая партия африканских рабов в Португалии
- 1449 - битва у Алфарробейры
- 1456 — открытие португальцами Островов Зеленого Мыса
- 1470-1486-пребывание Колумба в Лиссабоне
- 1475-1479 - война с Кастилией
- 1494 - Тордесильясский договор с Кастилией о разделе вновь завоеванных земель
- 1497-1499-экспедиция Вашку да Гамы, открытие морского пути в Индию
- 1497-1562 - Жоан де Барруш, португальский гуманист
- 1500 — открытие Бразилии Кабралом
- 1502-1574-Дамиан де Гоиш, португальский гуманист и историограф

²⁷ В португальской исторической литературе иногда именуется Филиппом I и последующие соответственно.

1521 — введение инквизиции в Португалии
 около 1525-1580-Луиш де Камознс
 1540 - первое аутодафе в Лиссабоне
 1569 — возникновение Университета в Эворе
 1572 — выход в свет поэмы Л. де Камознса «Лузиады»
 1578, 4 августа - поражение в битве при Алькасер-Кибире
 1580-1581 - кортесы в Томаре
 1580-1640-пребывание Португалии в составе Испанской монархии
 1588 — гибель Непобедимой Армады
 1602 — законодательство «Установления Филиппа»
 1637-1638 - восстание в Эворе
 1640, 1 декабря — восстание против испанского владычества в Лиссабоне
 1641 — кортесы в Лиссабоне, восстановление независимости Португалии

Указатель имен

Абд ар-Рахман, кордовский халиф 44
 Александр III, папа 17, 26
 Алкасова Педру де 97
 Амирамолим, предводитель арабских войск в битве при Алар-косе 25
 Алмада Антан, участник заговора 1 декабря 1640 г. 118
 Альба, герцог 97, 99, 104
 Альфонсо I, король Леона 8
 Альфонсо I, король Арагона 11
 Альфонсо III, король Леона 8
 Альфонсо VI, король Леона 9— 12, 16
 Альфонсо VII, король Кастилии и Леона 11-13, 16, 26
 Альфонсо X Мудрый, король Кастилии 28
 Антониу, приор конвента госпитальеров Крату, претендент на португальский престол 103
 Атайде Луиш де, вице-король Индии 96
 Афонсу Энрикеш, граф Португалии, затем король Афон-су 1 9-17, 19-27, 31, 35, 41, 46, 49, 56, 59
 Афонсу II, король Португалии 31, 50, 95
 Афонсу III, король Португалии 28, 32, 33, 50, 51, 59, 60, 85, 95
 Афонсу IV, король Португалии 52, 53, 59, 60
 138Афонсу V, король Португалии 56, 59, 60, 78, 81, 89, 90
 Балсарсель Фр. 112
 Бандарра, автор мессианистских сочинений 105
 Баррадаш Жоан, «зачинщик» восстания в Эворе 111, 116, 117
 Барруш Жоан де, португальский мыслитель, историк, писатель 84 -
 Беатрис, жена Афонсу III 28, 32, 33
 Беатриш, дочь короля Фернан-ду 62, 65, 67, 70, 86
 Бернардеш Дьогу, поэт 101
 Бонифаций VIII, папа 34
 Брандан Антониу, историк 84
 Брандан Франсишку, историк 84
 Вашкеш Фернан, один из предводителей восстания 1371 г., 61
 Вашкеш де Нойш Алвару 67
 Вашконселуш Жоан де, инквизитор Святого престола 115
 Вашконселуш Мигел де, государственный секретарь, фаворит Маргариды Мантуанской 119
 Виейра Антониу, теолог и политический деятель 105
 Вимарано, граф 9
 Вириат, предводитель лузов, сопротивлявшихся римлянам 5
 Габсбурги 107
 Гама Вашку да, мореплаватель 5, 92
 Гарсиа, король Леона 9
 Генрих IV, король Франции 96
 Генрих V, император Священной римской империи 15
 Гоиш Дамиан де, португальский историк 84
 Гомеш де Лира Лопу 66

Гонсалу Нунеш 65
 Григорий VIII, папа 15
 Григорий XIII, папа 98
 Жильберт Гастингский, епископ Лиссабона 22
 Диаш Бартоломеу, мореплаватель 92
 Дипиш, король Португалии 3, 33-38, 51, 52, 59, 60, 85
 Дольчино, вождь крестьянско-плебейского движения в Италии 30
 Дуарте, король Португалии 56, 78, 88, 89
 Жиралду Бесстрашный 23, 44
 Жоан I (Ависский магистр) 39, 53, 56, 58-60, 63-65, 67-74, 76-82, 86-89
 Жоан II, король Португалии 95
 Жоан III, король Португалии 43
 Жоан, герцог Браганский, затем Жоан IV, король Португалии 109, 112, 115, 117-121
 Зурара Эанеш, хронист 78, 84
 Инглеш Даниэл 65
 Иннокентий III, папа 31
 Кабрал Педру, мореплаватель 92
 Камоэнс Луиш де, поэт 3, 84, 94, 95
 Карл V, император Священной римской империи и король Испании 95
 Катарина, жена Жоана III, регент при Себастьяне 95, 96, 99
 Католические короли 41, 42
 Кастро Инес де 60, 62, 86, 95, 105
 Каштру де, граф 111
 Колонна Шарра, противник папы Бонифация VIII 34
 Колумелла, римский писатель и агроном 5
 Лансероте, адмирал 65
 Леонор, королева Португалии
 (Леонор Телеш) 61-64, 66, 69, 79
 Лима Лоуренсу де, виконт 119
 Линьярес, граф до 115, 116
 Лопеш Фернан, историк 66, 67, 70, 72, 74, 76-85, 92
 Лоуренсу Мор, жена Ф. Лопеша 78
 Лоуренсу Тереза, мать Жоана I 60
 Лукан, римский поэт 5
 Люций II, папа 16
 Мануэл, король Португалии 41, 44, 94, 95
 Мануолиньо, предположительно юродивый из Эворы 112
 Маргарита, герцогиня Мантуанская, вице-королева Португалии 114, 119
 Маргарита Валуа 96
 Мартинш Лоуренсу 65
 Мартинью, епископ Порту 49
 Мартинью, сын Ф. Лопеша 78
 Марциал, римский поэт 5
 Матильда Болонская, первая жена Афонсу III 18
 Машаду де Миранда Мануэл 120
 Медина Сидония, герцог 115, 116
 Мелу Франсишку Мануэл де 114, 115
 Метуэн, английский посланник в Португалии 122
 Мораиш де Сарменту Андре 110, 111
 Мулай Абд-аль-Малик, берберский султан 99, 100, 102
 Мулай Мухаммад аль-Мутавакиль (Шариф), берберский султан, брат Абд-аль-Малика 99, 100
 Николай IV, папа 37
 Ногарэ Гийом, канцлер Филиппа IV Красивого 34
 Нуно Мендес, граф 9
 Оливарес де, граф-герцог, первый министр Филиппа IV, короля Испании 108, 115, 117
 Ордоньо I, король Астурии 8
 Осберн, монах, участник похода на Лиссабон 20, 21
 Паиш Алвару, канцлер при Фернанду, короле Португалии 63, 64
 Паиш Вьегаш Антониу, секретарь Жоана IV 120
 Пайу Мендеш, архиепископ Браги 12

Пашеку Дьогу 82
 Пашеку Жоан Фернандеш 73
 Педро Жестокий, король Кастилии 59
 Педру I, король Португалии 39, 60, 78, 95, 105
 Педру, инфант, герцог Коимбрский, регент при Афонсу V 78, 81, 88, 89, 90
 Перейра Нуну Алвареш, коннетабль Португалии при Жоане I 67-69, 71, 72, 79
 Перейра Руй 67, 70
 Песанья Мануэл, адмирал 37
 Пина Руй де, историк 84 Помбал де, маркиз, первый министр при Жозе I 123
 Раймунд Бургундский 9
 Рамиреш Фернанду, епископ 52
 Реграш Жоан дас, легист Жоана I 68
 Родригеш Вашку 65
 Родригеш Сишнанду, один из «зачинщиков» Эворского восстания 111, 116, 117
 Родриго, последний вестготский король 7
 Ротг Конрад, банкир Себастьяна 99
 Салвадореш Педру, епископ Порту 50
 Салема Дьогу 116, 117
 Санчо III, король Кастилии 14
 Саншу I, король Португалии 26, 31, 49
 Саншу II, король Португалии 31, 32, 59
 Себастьян, король Португалии 95-107, 113, 124
 Сегарелли, вождь крестьянско-плебейской ереси в Италии 30
 Сенека, римский философ 5
 Сид Воитель, герой Реконкисты 8
 Силвейра Вашку де 101
 Сиснандо, граф Коимбры 54
 Тарик, предводитель арабских войск 7
 Телу, португальский монах, канонизирован 27
 Теотониу, португальский монах, канонизирован 27
 Тереза, жена Энрике Бургундского, графа Португалии 10— 12; 14, 48, 50
 Траян, римский император 5
 Уго, епископ Порту 48
 Умейя ибн Исхак, алкайд Сан-тарена 44
 Урбан VI, папа 61
 Урака, дочь Альфонсо VI, сестра Терезы 9-12
 Феодосий, римский император 5
 Фернандо I, король Кастилии и Леона 8, 54
 Фернандо II, король Леона 14
 Фернандо III, король Кастилии 27, 28
 Фернандо Перес, граф 12
 Фернанду, король Португалии 60-62, 78, 79, 85
 Феррианду, Святой инфант 92
 Феррейра де, маркиз 111
 Филипа Ланкастерская, жена Жоана I 88
 Филипп II, король Исиания 97— 99, 103, 104
 Филипп III, король Испании 105
 Филипп IV, король Испании 107, 108, 110, 116, 118
 Филипп IV Красивый, король Франции 34, 37
 Фогаса, Лоуренсу Эанеш, канцлер Португалии 67
 Фридрих II, император Священной римской империи 34
 Фуртаду 118
 Хуан I, король Кастилии 62-64, 66-67, 69, 70, 72-74, 76
 Хуан Андейро 63
 Целестин V, папа 37
 Эдуард II, король Англии 59
 Энрике Бургундский, граф Португалии 9-11, 25, 26, 54
 Эврике, кардинал, король Португалии 95, 96, 99, 100, 104
 Энрике Мореплаватель 39, 90, 91
 Энрике Трастамарский, король Кастилии 59

Эркулану А., португальский историк 13, 16, 20
Эсмар, «король» арабов 25
Юлиан, граф 7